

ЗАКЛЯТИЕ

НА
ЛЮБОВЬ

АННА ПЛАТУНОВА

Annotation

Однажды утром я, прекрасная графиня Алисия, проснулась в теле толстушки. И я знаю, кто в этом виноват! Декан академии, мерзкая старушка, превратила меня из прекрасного лебедя в гадкого ут... жабенка! И за что?! За невинную шутку над ее помощницей! Да еще и условие поставила: мол, заклятие спадет, только если самый красивый парень академии в меня влюбится.

Да легко! Я всем докажу, что Алисия Уэст не отступает и не сдастся!

- [Анна Сергеевна Платунова](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

- [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Анна Сергеевна Платунова

Заклятие на любовь

© Платунова А.С., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Полная катастрофа.

Пожар, наводнение, землетрясение – ничто по сравнению с тем, что мне пришлось пережить сегодня утром. Моя жизнь кончена. Окончательно и бесповоротно! Я уродина!

Эта гадина, мерзкая старушонка, такая тихонькая с виду, сделала то, что намеревалась: превратила меня в жабу. Не в буквальном смысле, но мое отражение было ненамного лучше жабы.

Я не сразу поняла, что к чему.

– Кто ты? – строго спросила я у расплывшейся девицы, отразившейся в зеркале.

Девушка отвалила челюсть, вскинула белесые ресницы, выпучила глаза и повторила одновременно со мной, как глупая болтливая ворона: «Кто ты?» Ее щеки покрылись пунцовым румянцем, отчего прыщи сделались еще заметнее. Отвратительное существо! Ей не место в спальне графини Алисии Уэст, где постель застелена шелковыми простынями, а на полу лежит шкура единорога.

– Пошла вон! – сказала я гадкой девице, невесть как затесавшейся в комнату.

Пухлые губы паршивки тоже произнесли: «Пошла вон!» На ее некрасивом лице появилось высокомерное выражение. Она смотрела на меня как на клопа, которого вот-вот раздавит.

Я заметила, что нахалка успела напялить на себя мой пеньюар, оказавшийся ей не по размеру. Жирное тело складками выпирало из-под тончайшего шелка. Как только земля носит это уродливое существо? Я схватилась за шнурок колокольчика, собираясь бить тревогу, – прибегут слуги и выдворят это нелепое создание.

Девушка в отражении сжала в руке точно такой же шнурок. Вид у нее сделался решительный и надменный. И тут до меня дошло! Мэтрисс Звонк, декан Академии чар и ведовства, исполнила свою угрозу: заколдовала меня, наложила заклятие! Превратила прекрасного лебедя в гадкого утенка. Жабенка!

Именно сегодня! Когда я должна покинуть отчий дом и отправиться учиться. Мой первый год в академии обещал стать

чудесным приключением. С моим титулом, магическим даром, а главное – красотой и очарованием я должна была стать самой популярной девушкой на курсе. Вот это... существо, лупившее на меня глаза из зеркала в золотой раме, не имеет права занять место блистательной аристократки, графини Уэст! Я не позволю ей испортить мне жизнь!

Мэтрисс Звонк не имеет права уродовать мою внешность! Что за произвол! Ведь и повод смехотворный, яйца выеденного не стоит. Просто шутка. Всем, между прочим, было весело. Кроме той невзрачной простушки... Как там ее? Белль? Она должна винить никак не меня, а своих родителей, что произвели на свет заурядную серенькую мышь. Моя прощальная вечеринка перед отъездом в академию должна была пройти идеально. И если бы не деканша! Принесла же нелегкая...

Я отвернулась от зеркала и быстро натянула на себя халат. Он затрещал по швам и едва стянулся на талии пояском. Ничего страшного, еще не все потеряно. Сейчас я отыщу отца, а он немедленно снимет с меня злое заклятие. Вернет себе свою умницу и красавицу Алисию. Мэтрисс Звонк сильна, но магистр Уэст явно превосходит ее по умениям. Отец не только граф, но могущественный чародей. Стоит ему щелкнуть пальцами, и все вернется на круги своя!

К обеду я и думать забуду о страшилище, посмотревшем на меня из зеркала, а вечером воспоминание развеется как дым. Найдутся заботы поважнее: выберу комнату в студенческом доме, обязательно с окнами на восток, чтобы любоваться восходом солнца, найду подходящую соседку, достойную составить мне компанию, познакомлюсь с будущими сокурсниками и решу, с кем стоит заводить знакомство, а кого следует обходить стороной.

Отец был ранней пташкой. По утрам, когда я еще нежилась в постели, он уже работал в кабинете. Думаю, он и сейчас, в день моего отъезда, не изменил привычкам.

Я потихоньку отворила дверь спальни и выглянула в коридор. Впервые мне не хотелось попасться на глаза прислуге. Они всегда смотрели на меня с благоговением, как и положено смотреть на наследницу рода, будущую чародейку, прекрасную и величественную. Если кто-то из горничных или лакеев заметит этого поросенка в розовом – как назло – халате, смешков не избежать.

Впрочем, кто догадается, что Алисия Уэст и это невразумительное нечто – один и тот же человек? Притворюсь, что я гостя в доме. Осталась ночевать после вечеринки, а утром заблудилась в коридорах имения.

К счастью, я прокралась незамеченной – кабинет отца располагался рядом. Он специально оборудовал его неподалеку от моей спальни. Отец засиживался за делами допоздна, а я еще малявкой, не сумев уснуть или увидев страшный сон, прибежала к нему. Сворачивалась калачиком в кресле, а отец придвигал стул, укрывал меня пиджаком и сидел рядом, держа за руку, пока я не усну. От пиджака пахло можжевельником. У каждого магического дара свой, особый запах. А я пахла мелиссой, свежестью, прохладой...

Интересно, чем я пахну в этом неприятном теле? Жареным окороком? Фу!

Я распахнула тяжелую дверь в кабинет и лишь тогда сообразила, что отец может меня прогнать, не узнав. Я бы на его месте так и поступила – мало ли какая шарлатанка объявит себя Алисией? Поэтому я, хоть и злилась на деканшу и была готова разразиться гневной тирадой, на время прикусила язык.

– Здравствуй, отец, – робко сказала я.

Граф Уэст поднял голову от бумаг. В густой шевелюре виднелись тонкие серебряные нити, которые вовсе не старили его, скорее, наоборот, – добавляли шарма. Мой отец был красив настоящей мужской красотой: квадратный подбородок, широкие скулы, выразительные глаза. Пожалуй, лишь глаза – синие и глубокие – я и унаследовала от него. А в остальном, говорят, была очень похожа на покойную мать. Я никогда ее не видела, если не считать первые пять минут после рождения.

На мгновение на лице графа мелькнуло изумление, тут же сменившееся ироничной улыбкой.

– Здравствуй, дочь. Я смотрю, Памела сдержала обещание.

– П-памела? – переспросила я, ничего не понимая.

– Моя старая подруга. Ты ее знаешь как мэтрисс Звонк.

– Что? – воскликнула я в негодовании. – Эта старая негодяйка? Ты называешь ее подругой? Посмотри, во что она меня превратила!

Отец не торопился с ответом. Он аккуратно собрал бумаги, сложил их в папку, убрал в сейф. И все это в полном молчании,

которое пугало меня все сильнее.

– Присядь, Алисия. Нам предстоит серьезный разговор.

Последний серьезный разговор с отцом закончился для меня месяцем домашнего ареста. И было бы за что – всего лишь надавала по щекам бестолковой горничной, пролившей чай мне на платье. Я не хочу месяц провести дома! За это время первокурсники перезнакомятся, заведут нужные связи, а я окажусь за бортом.

Я изобразила самую нежную, невинную улыбку и умильно посмотрела на отца. Но отчего-то его взгляд не потеплел, как обычно, а ведь этот прием работал безотказно! Отец вздыхал и иногда вслух добавлял: «Как же ты похожа на мать...» Но теперь он лишь досадливо сжал губы.

Ой, божечки! Я и забыла, что он видит перед собой не прекрасную и милую Алисию, а поросенка в человеческом облике.

– Папа, это я! – испуганно воскликнула я.

– Я знаю, знаю... Присядь и расскажи, что вчера случилось на вечеринке.

– Да ничего такого! Ты знаешь, я позвала ребят из хороших семей, будущих магов. Некоторые из них уже учатся в Академии чар и ведовства, другие в Академии целительства. Мы общались, веселились, шутили!

– Шутили, – мрачно повторил отец. – А не расскажешь, как вы подшутили над Белль?

– Над этой серой мышью? Пф-ф-ф! Есть о чем говорить!

– Алисия!

– Ну хорошо, хорошо!

Я приземлилась в кресло, то самое, на котором любила спать в детстве. Хотела, как обычно, забраться с ногами, но оказалось, что на кожаном сиденье теперь умещается лишь моя немаленькая... хм... пятая точка. Скорей бы закончился этот кошмар!

– Вечеринка началась отлично, – торопливо заговорила я, надеясь еще до завтрака вернуть себе тонкий стан, гордый профиль, прекрасные глаза и пышные рыжие локоны.

Слуги накрыли столы у фонтана в тени деревьев. Последние летние дни выдались на удивление теплыми, и я решила, что прохлада сада приятнее душного зала для приемов.

Папа никогда не любил праздников, он вышел поздороваться и поскорее спрятался в кабинет. Шутливо сказал на прощание, что дед перевернулся бы в гробу, увидев увеселения современной молодежи. Портрет чопорного деда еще в детстве навевал на меня тоску. Как бы он вынес то, что по новой столичной моде гости не грустят за столами, не танцуют скучнейшие вальсы и запросто представляются друг другу!

Перед вечеринкой я несколько дней подряд подписывала и рассылала приглашения в семьи, где, как я знала, мои ровесники либо уже учатся в академиях магии, либо поступили, как я, в этом году. Я не со всеми была знакома, но никогда не поздно завести нужные связи. Гостей набралось ни много ни мало девятнадцать человек.

Я стояла на небольшом возвышении у входа на веранду и с удовольствием наблюдала, как по подъездной аллее прибывают экипажи и мобили. Гости подходили и представлялись. Девушки смущались, парни стремились показаться более уверенными, чем есть на самом деле. Они были подавлены блеском и богатством, сражены моей красотой. Этого я и добивалась!

Девчонки делали книксен. Попадались и симпатичные мордашки. Может, кого-то из них я возьму в компаньонки в академии. Меринду, дочь барона Вейли, я знала с младенчества. Позволила себя поцеловать в щеку. Ее подружка, белобрысая Зея, тоже потянулась меня обнять, но я это быстро пресекла. Тем более что к веранде приближались два крайне интересных субъекта.

Они приехали вместе и держались как друзья. Шли, болтали, глазели по сторонам. А должны были глазеть на меня! Подошли, поклонились, но как-то без огонька. Я обдала их холодом, но ни один, ни другой этого не заметил. Были бы они чахликами-замухрышками, я бы через минуту и думать о них забыла, но, как назло, оба были отменно хороши, хоть и вовсе не похожи. С широкоплечим, высоким и

черноволосым Домиником я много раз виделась прежде: он был сыном графа Аларда, давнего знакомого и компаньона отца.

– Привет, Лиса, – запросто поздоровался Доминик, предпочитая не замечать, что я пронзаю его ледяным взглядом.

Не стусевался, не смутился! Никакого почтения! Даже хорошо, что в Академии чар и ведовства мы не встретимся: он учится в Академии целительства и перешел на второй курс.

Второй, светловолосый и изящный Рой, сын графа Гарти, станет моим однокурсником на факультете ведовства: нас ждет государственная служба, защитные обряды и боевые заклинания. Не то что бедолаг чаровников – их грубая магия годится лишь на то, чтобы морить мух, латать дыры и избавляться от пыли. Есть и приятная сторона: только чаровники умеют призывать волшебных существ. Да невелика потеря. Не нужен мне никакой блохастый фамильяр!

К Рою я присмотрелась внимательнее, он улыбнулся в ответ. Я мысленно поставила ему плюстик. Красавчик и ровня мне. Пожалуй, добавлю его в свою свиту.

Так я познакомилась со всеми и позволила музыкантам играть громче.

– Дорогие гости, у нас здесь по-простому. Никаких строгих правил, развлекайтесь, угощайтесь и общайтесь!

Гости поначалу робели. Могу представить, какая тоска царит на напыщенных приемах в их домах. Все эти лакеи с блюдами, бальные книжицы, карточки с именами на столах.

Хорошо, что отец дал мне полную свободу. Сказал, что не станет оскорблять недоверием. Останься мать жива, боюсь, такая благодать мне бы не светила.

Эти бедные бледные овечки буквально в рот мне заглядывали, восхищались моей независимостью. Понемногу правило «никаких правил» вдохнуло в них жизнь. Овечки взбодрились, вооружились серебряными блюдами и отправились на штурм стола. Смотрю: уже общаются, хихикают. Глупые девчонки краснеют от комплиментов парней, а те глядят гордыми фазанами. Разбились на кучки, разбрелись по саду, присели кто на парапет фонтана, кто на скамейки.

Я все так и планировала. Дождалась момента, взяла бокал лимонада и отправилась обходить компании по очереди. Так я никого

не обделю вниманием, а заодно пойму, с кем стоит завести близкое знакомство.

Доминик и Рой стояли вдвоем отдельно от остальных, что-то бурно обсуждали. Я прислушалась: чепуха какая-то. Выборы в сенат. Больше поговорить не о чем в этот прекрасный день!

– Привет, Ник. Привет, Рой, – снова поздоровалась я, на этот раз приветливо, так как ледяной взгляд входил в первую часть плана вечеринки под кодовым названием «Снежная королева».

Теперь наступала вторая часть – «Дружелюбная нимфа».

Кстати, кровь нимф, вымершей расы, течет в моих венах. Прапра... и еще какая-то пра... бабка по материнской линии была нимфой. От нее все женщины рода унаследовали очарование, которому практически невозможно противиться. И сейчас я собиралась использовать его на полную катушку.

– Здоровались, Лиса, – откликнулся Доминик.

Не сказать чтобы совсем неприветливо, но он явно не обрадовался, что я оторвала его от разговора. Я задрала подбородок и нарочито медленно развернулась, давая Нику шанс одуматься и остановить меня.

– Алисия, постой, не уходи! – воскликнул Рой.

Он тут же окружил меня вниманием: сбегал за закусками, принес графин с лимонадом. Извивался ужом. Как и положено. А Доминик меня разочаровал – не угождал, не ходил на задних лапках. Видно, на правах друга семьи. Давно пора всех друзей семьи спровадить из нашей жизни: одни неприятности от них. К счастью для Ника, он оставался вежлив, поэтому я пока повременила вносить его в мысленный список негодников. Попробую еще пообщаться и прибрать к рукам. Красивый, зараза. Как бы его усмирить? В моей свите он не помешает.

Так я переходила от группы к группе, улыбалась, шутила и вела себя крайне доброжелательно. Душечка графиня Алисия Уэст. Гости оттаяли, смеялись, смотрели влюбленными глазами. Как я и задумывала.

Тут я обнаружила выбивающийся из благообразного пейзажа элемент. Элемент приник к колонне портика, почти спрятавшись за нее. Судя по виду – длинное хлопковое платье унылого фасона, жиденькие русые волосы, заплетенные в косицу, конопушки на

лошадином лице, – элемент забрел на вечеринку случайно. Я эту невзрачную девицу точно не приглашала.

Может, не надо было трогать вонючку, присохшую к колонне, пусть любитесь и восхищаетесь. А с другой стороны – с чего это вдруг к моей колонне присохла какая-то вонючка?

Я не стала таиться, пошла прямо на нее.

– Ты кто такая?

– Белль, – ответила она без особого испуга.

Не скукожилась, не втянула голову в плечи. Меня это, признаюсь, задело.

– Извините, графиня, я не стану мешать. Постою здесь и послушаю музыку. Это ведь увертюра «Рассвет над морем»? Очень красиво.

Я обомлела от такой наглости. Какая-то серая мышь станет прохлаждаться в моем саду и слушать музыку. Да как она вообще сюда попала?

Я растянула губы в ухмылке. Горничные давно научились угадывать гнев по моему лицу и спешили покинуть комнату, едва заприметив такую ухмылку. Но бедняжка-бледняшка видела меня впервые и вместо того, чтобы бежать от греха подальше, улыбнулась в ответ, так искренне, что меня всю перекорежило.

– Как же ты здесь оказалась, Белль?

Не спугнуть бы, пока я обдумываю, что с ней делать дальше.

– Я подрабатываю помощницей у знатной дамы, – ответила Белль, не чуя подвоха. – Помощница, конечно, громко сказано: переписываю документы, систематизирую, веду корреспонденцию. Моя начальница приехала к твоему отцу, а меня...

Белль замаялась, развела руками, будто заранее извинялась, и изобразила чей-то величественный голос:

– «Иди и отдохни, Белль. Не пристало девушке твоего возраста весь день проводить в пыли кабинета. Познакомься со сверстниками, тем более что все они будущие маги, как и ты».

– Что?.. Маги? Ты – маг?

Дурнушке удалось меня озадачить. Всем известно, что магия проявляется только у аристократов. Собственно, именно поэтому давным-давно они и заполучили власть. Но эта... это... Не может она принадлежать к высшему обществу!

Белль лишь немного смутилась. Опустила взгляд на свое жалкое платье, на стертые носки туфель – выглядела она затрапезно.

– Родители умерли. Меня воспитывали в чужой семье.

– И наследство есть? – приподняла я бровь. – Земли, имение?

Белль некоторое время молчала, глядя на меня задумчивыми глазами, точно решала, стоит ли мне доверять. Я изобразила дружелюбную заинтересованность. Мне и в самом деле было интересно, что это за девочка-загадка свалилась на мою голову. Я всегда любила сентиментальные романы.

– Я знаю, что графиня Амалия Уэст умерла во время родов. Сочувствую от всей души. А мои родители – во время эпидемии. – Она помолчала и добавила: – Наследства нет, отобрали за долги.

Во мне всколыхнулась злость. Дурнушка что же, вообразила, что мы в чем-то равны, если она сирота, а я лишилась матери? Да, давай обнимемся, подруженька! У меня аж скулы свело от ее сострадающего взгляда. А самое бесячее в Белль была не ее бедность и некрасивость, а то, что она не заискивала и не пыталась угодить. И по поводу своей страховидлости не переживала, точно и не дурнушка вовсе.

Надо было закончить разговор и отослать ее прочь, но тут Белль перешла черту:

– Если хочешь, можем поселиться вместе в студенческом доме.

Я просто задохнулась от негодования. Вместе? Я и вот это ходячее недоразумение? Животики надорвешь от смеха! Представляю, как посмотрит на меня Меринда. Я и по поводу ее пока не решила, достойна ли подруга детства жить со мной в одной комнате. Белль, никак, издевается надо мной? Пора указать дурнушке ее место.

– Конечно, вместе. – Как сладко зазвучал мой голос. – Здорово ты придумала! Как я сама не догадалась? Ну что же, ты здесь так и будешь стоять? Пойдем к нам!

Белль нерешительно отделилась от колонны.

– Я не хочу мешать.

И все же я по глазам видела – хочет. Хочет бедненькая-бледненькая овечка попасть на прием в высшее общество! Поддержаться за серебряное блюдо, почувствовать себя среди своих хотя бы на пять минуточек.

Я взяла ее за руку. Саму чуть не стошнило: кожа у Белль была шершавая, грубая, привыкшая к тяжелой работе. Небось, девчонка сама себе туфли натирает и платья штопает.

– Пойдем-пойдем. Я хочу тебя порадовать. Ты ведь знаешь, что мой отец – великий чародей. Так вот, этот фонтан – его подарок мне на день рождения. Каждый, кто в него окунется, выйдет красивеньким, пригоженьким! И в новом платье.

Белль удивленно распахнула глаза.

– Я думала, его сиятельство боевой маг и не знаком с бытовой магией.

И все же я заметила, как заинтересованно она поглядела на фонтан. Что ни говори, каждой дурнушке хочется, как по волшебству, оказаться прелестницей. Она и верила, и не верила. Но я по глазам

видела, что Белль сохранила детскую наивность. Мало жизнь ее учила, мало. Значит, я научу!

– Так он и боевой, и бытовой! – лила я ей в уши бред, ведь всем известно, что никого нельзя навсегда сделать красивым. Вот уродливым – другое дело. Не знаю, как это работает. Какой-то сложный закон магического равновесия.

Белль поддалась уговорам и сделала несколько шагов вперед.

– Смотри, какие все здесь красивые! Это потому, что они в фонтан окунулись! Верь мне, Белль. Не бойся.

– Да я не боюсь, – улыбнулась она. – Что ты!

А зря, девочка, зря.

Мы вышли из тени портика, и гости обратили внимание на то, что прекрасная графиня Алисия держит за руку какое-то чудо-юдо. Замолчали, переглянулись.

– Смотрите, какую гостью я к вам привела! – воскликнула я. – Это Белль! Она будет учиться с нами в Академии чар и ведовства! Идем-идем, не стесняйся!

Белль шла, только улыбалась смущенно.

Я подвела ее прямо к парапету фонтана. В чаше достаточно глубоко, по пояс взрослому человеку. Вода чистая, так что ничего страшного с дурнушкой не случится. Освежит голову, ей полезно!

Разговоры стихли, никто не понимал, что последует дальше, не знал, какую отличную шутку я затеяла. Даже Доминик и Рой прервали беседу и подошли ближе. Доминик поглядел на меня и приподнял брови: мол, что происходит, Лиса? Сейчас узнаешь, Ник! Вот смеху-то будет!

– Я хочу сделать Белль небольшой подарок.

Я втянула ее на скользкий парапет. Как бы самой не навернуться. Положила руку на тощую цыплячью спину между узких лопаток.

– Прыгай, Белль. Ты должна окунуться с головой!

Белль облизнула губы и посмотрела мне в лицо. Вот глаза у нее, пожалуй, были недурны – большие, темно-серые. Глупые, доверчивые глаза. Я захлопала ресницами.

– Давай-давай, Белль. Не упускай свой шанс!

И легонько ее подтолкнула. Так и не знаю, сама она нырнула или подошва разношенных туфель поехала, но дурнушка оказалась в воде. Скрылась с головой.

Через мгновение вскочила на ноги. Мокрая курица, и только! Вода потоками с нее стекает, платье облепило нескладную фигурку, волосенки к черепушке приклеились. Смехота! А самое нелепое, что она первым делом на свои руки поглядела, будто все еще надеялась на что-то.

– Шутка, Белль! – закричала я. – Шутка! Весело, правда?

Я рассмеялась, и следом за мной все. А как иначе. Ведь смех у меня такой приятный, искренний, будто хрустальный колокольчик звенит.

Белль не смеялась. Она пыталась вскарабкаться на мокрый каменный бортик, но все время соскальзывала в чашу. Гости подобрались поближе и давали советы:

– Эй, ну давай-давай, поднажми! Ползи, ползи, слизнячок! Фух, опять упала, вот неуклюжая!

Белль сжимала губы и откидывала со лба челку.

Тут кто-то взял меня за локти – крепко взял, мне не понравилось! – и отодвинул с дороги. Оказывается, на парапет поднялся Доминик, встал на колени, наклонился к дурнушке и протянул ей руку.

– Держись, – сказал он.

Белль от протянутой руки шарахнулась, а он тогда – ну не идиот? – прыгнул в фонтан, обхватил дурнушку за талию и посадил. Помог подняться, оперся ладонями на бортик и в одно мгновение выбрался сам. Красавчик, я же говорю! Хоть и дурак.

Прошел мимо и случайно оттолкнул. Надеюсь, что случайно! Накинул на плечи Белль собственный сюртук, повел ее за собой к дому.

– Все хорошо, – говорил он ей. – Все, не плачь.

Веселье увяло само собой. А ужасней всего то, что гости отводили взгляды, будто им не слишком приятно было на меня смотреть. Смотреть! На меня!

– Да ладно вам, – хихикнула я. – Белль сама хотела развлечься.

– Она сама хотела развлечься, – сказала я отцу, который во время моего рассказа не проронил ни слова. – Сама полезла знакомиться. Сама в фонтан прыгнула. А я виновата! Интересное дело. Потом эта фурия...

– Мэтрисс Звонк, называй ее по имени.

– Ой, ла-адно, мэтрисс Звонк дождалась, пока наступит вечер и гости разойдутся. Я ведь не знала, что бедненькая-бледненькая, оказывается, ее помощница.

Белль больше не появлялась на вечеринке, и я думала, что скоро все забудут о шутке, которую Доминик испортил своей выходкой, но гости отчего-то поскучнели и вскоре начали расходиться. Противная девчонка: испакостила мне вечер, к которому я так долго готовилась!

Я одна сидела за столом. Стемнело, гости разъехались, музыканты разошлись. Еды оставалось навалом, но есть не хотелось. И спать не хотелось. Ничего не хотелось...

Я налила себе бокал лимонада, подняла его и сказала сама себе тост:

– За Алисию, которая не отступает и не сдается!

– За Алисию, – произнес вкрадчивый тихий голос.

Я не сразу разглядела собеседницу в тени деревьев, но вот из сумрака выступила невысокая пожилая женщина, укутанная в шаль. Я узнала декана Академии ведовства и чар: видела ее, когда приезжала на вступительные испытания.

– Здравсьте, – откликнулась я. – И спасибо.

Я старалась держаться вежливо: передо мной декан, а не какая-то там выскочка-сиротка. Тогда я еще не знала, что мэтрисс Звонк – начальница Белль и пришла по мою душу. Она ведь даже шанса мне не дала.

– Выпьешь со мной, Алисия, за твое здоровье? – спросила она и улыбнулась.

Хитро улыбнулась и недобро. Уже тогда мне следовало заподозрить неладное, но куда там! Я обрадовалась оказанной чести: мэтрисс Звонк – декан факультета чаровников, знакомство с ней лишним не будет. Я сама, не дожидаясь служанки, налила лимонада во второй бокал и протянула гостье. Та взялась за тонкую ножку сухими пальцами, и по стеклянным граням побежали зеленые всполохи. Лимонад вскипел, запузырился. Пахнуло розмарином – ароматом магии мэтрисс Звонк. Не говоря ни слова, она перелила несколько капель в мой бокал, демонстративно отпила из своего и кивнула, приглашая попробовать напиток.

– Что это? – подозрительно спросила я. – Что за заклятие?

Мэтрисс Звонк открыто колдовала на моих глазах. Не сошла ведь она с ума, чтобы травить наследницу рода Уэст. Да и в бокале точно не яд – она сразу дала это понять.

– Это заклятие пойдет тебе на пользу, графиня, – снова улыбнулась деканша, и, могу поклясться, глаза ее сверкнули. – В конце концов оно сделает тебя счастливой.

Магия чаровников простая, ее еще называют бытовой. Я удивилась: что же такое могла наколдовать мэтрисс Звонк? Говорят, выдающиеся чаровники умеют изготавливать зелье удачи. Тому, кто его выпьет, везет во всех делах. Он знакомится с нужными людьми, никогда не опаздывает, а на экзамене вытягивает единственный выученный билет. Но откуда вдруг такая милость?

Удивлялась я недолго: так привыкла к всеобщему обожанию и желанию угодить. Мэтрисс Звонк приезжала к моему отцу не иначе как по делу. Порадует дочь графа Уэста, глядишь, и дело решится в ее пользу.

– Счастливой? – переспросила я.

– В конце концов, – подтвердила деканша.

В ее прямом взгляде мне померещилась насмешка, но даже тогда я ничего не заподозрила – осушила бокал одним махом. От лимонада, сдобренного магией, по всему телу побежали веселые пузырьки, заклятие защекотало меня изнутри, я хихикнула.

– Это ведь зелье удачи? – уточнила я, совершенно не сомневаясь, что это оно и есть, но ответ мэтрисс Звонк был неожиданным.

– С чего ты взяла, Алисия? Тебе не многовато удачи? У тебя есть все, что ты хочешь, и даже более того.

У меня аж челюсть отвалилась от такого заявления! Разве может быть многовато удачи? Жизнь полна опасностей и неприятностей: то ноготь сломается, то на воротничке кружево оторвется, то растяпагорничная прольет на платье чай, а ее еще не смей проучить!

– А что же тогда? – спросила я как можно доброжелательнее, хотя скулы уже сводило от бешенства: старушонка начала меня раздражать.

Губы мэтрисс Звонк подрагивали в полуулыбке. Ее самодовольный вид действовал мне на нервы, и я, чтобы отвлечься от созерцания старушечьей физиономии, потянулась к крошечному эклеру. Кухарка готовила их под моим строгим контролем: пирожные должны быть размером с фалангу большого пальца. Те, что не удались,

я собственноручно выбросила в мусорное ведро под выразительные вздохи кухаркиных детей. Мой отец и так оказал им великую милость: после смерти кухаркиного непутевого мужа-охотника, сгинувшего в лесу, выделил Ветте и ее спиногрызам комнатку за кухней. Пусть радуются, что сытно едят и спят в тепле, а господские сладости не про их честь. Еще рожи прыщами обсыплет!

Потянулась я, значит, к эклеру, но ощутила странное: рука сделалась слабой-слабой, навалилась сонливость, усталость. Выходит, все же утомилась я на вечеринке, перенервничала. И было отчего! Неблагодарный Доминик прямо-таки выбил меня из колеи: ушел и даже не попрощался.

Я сделала вид, что передумала брать пирожное, но тут напала зевота. Я рот раззявила, как деревенская чушка, и прямо поразилась на себя: как стыдно! А зевота одолевала и одолевала – не совладать.

– Устала, Алисия? – заботливо спросила мэтрисс Звонк, однако и теперь мне чудилась в ее голосе издевка.

– Да. Прошу меня извинить, но я вас оставлю, – пробурчала я, борясь с сонливостью.

Встала и села: ноги не шли.

– Подремли, Алисия. Я предупрежу слуг, чтобы они перенесли тебя в спальню.

Голос деканши журчал, точно ручеек, убаюкивал. Почему, правда, не отдохнуть? Может быть, отец перенесет меня на руках, как делал, когда я была малявкой. Иногда я специально притворялась, изображая внезапно сморивший меня сон в самых неожиданных местах: на качелях в саду, на скамейке, на подоконнике, где я играла в куклы, на чердаке. Отец всегда был страшно занят, его должность при дворе требовала времени и сил, которых на меня уже не оставалось. И эти мгновения, когда мой сильный и прекрасный отец осторожно брал меня на руки, целовал в макушку, боясь нарушить сон, были единственной возможностью побыть рядом. Нет, я, конечно, могла потихоньку поиграть в его кабинете, пока папа работал с документами, но обычно такие игры заканчивались тем, что папа просил няню увести меня: я не умела сидеть молча, все время расспрашивала отца, отвлекала от работы, то принималась петь песни, то залезала к нему на колени, требуя объятий и поцелуев. Папа не ругался, он вздыхал, отсылая меня, но дела, дела...

Постепенно я научилась извлекать выгоду из папиных угрызений совести. Нельзя играть в кабинете? Тогда изволь купить мне живого пони! Нет времени почитать мне сказку на ночь? Что же, новое платье и туфельки скрасят мой вечер. Меня такое положение дел вполне устраивало.

Я так погрузилась в воспоминания, что почти уснула, но грезы прервал шепот мэтрисс Звонк. Тихий, но зловещий, он вовсе не напоминал ее обычный голос. Я хотела посмотреть на деканшу, однако голова сделалась тяжелой-тяжелой, я не могла приподнять ее со скрещенных рук.

– ...и пребывать тебе в образе том безобразном, пока не полюбит тебя достойный и красивый мужчина. Полюбит за твою душу, за твое сердце, за то, кем ты являешься на самом деле...

Она еще что-то говорила, но я не стала прислушиваться: ясно ведь, я просто дрыхну и вижу причудливый сон. Ведь не может уважаемый декан факультета чаровников нести сущий бред?

И все же спокойно провалиться в дремоту мне не дали: послышался шорох юбок, звук легких шагов, и девичий голос произнес:

– Мэтрисс Звонк, граф Уэст просит передать, что экипаж готов.

Белль? Это Белль? Снова она! Я так возмутилась, что чуть не проснулась. И тут в голове словно щелкнуло: я сообразила, кто та знатная дама, на которую работает бедненькая-бледненькая, – это же сама деканша! Вот засада! Небось пожаловаться успела!

– Что с графиней? – обеспокоенно спросила дурнушка. – Позвать слуг?

– Я сама позову. Мне еще нужно перед отъездом переговорить с Энвером.

С Энвером? С моим отцом?

– Как ты себя чувствуешь, Белль? Ты совсем недавно болела, а сегодня вымокла с ног до головы. Как же так получилось, что ты упала в фонтан?

Пауза. Мне представилось, что серенькая мышь пожимает плечами и отводит взгляд.

– Сама не знаю. Залезла на парапет, а туфли поехали, вот и бултыхнулась. Спасибо графу Аларду: помог выбраться.

– Да-да, с графом Алардом я тоже поговорила... – задумчиво ответила деканша.

Неужели этот негодный Доминик меня выдал – выложил все про неудачную шутку! Вот гад! Никогда не прощу! Мне сделалось неуютно, захотелось оказаться в спальне, подальше от странных речей мэтрисс Звонк, но ужасная слабость сковала меня по рукам и ногам.

– Иди, Белль, жди меня в гостиной.

Легкие шаги удалились. Мэтрисс Звонк подошла ближе, положила мне на макушку узкую ладонь, похожую на птичью лапку.

– Надеюсь, ты справишься с испытанием, Алисия. Ты была такой хорошей малышкой. Ласковой, будто солнышко. Удачи тебе... Она понадобится.

* * *

– Вот так, папочка! Эта твоя Па-а-амела, подруженька твоя, мерзкая колдунья! Посмотри, во что она меня превратила! – Я развела руки в стороны, приоткрывая жирные тела; впрочем, прикрыть их все равно не получилось бы. – Вот в это! Просто ни за что! За шутку! Давай, папуля, поскорее сними заклятие, у меня мало времени: пора собираться к отъезду.

– Нет, – ответил отец.

– В смысле? – опешила я.

Верно, папа не расслышал или недопонял.

– Как это «нет»? Ты разыгрываешь меня, да, папуля?

Папа смотрел на меня с толикой сочувствия, но без тени улыбки. Так же он смотрел на меня перед тем, как отчитать за пощечину горничной. У меня все внутренности заледенели от страха, как бывает, когда запнешься и теряешь равновесие, – вот-вот упадешь, уже падаешь, а сделать ничего не можешь.

– Выслушай меня, Алисия, – сказал он. – Во-первых, все равно не сумею снять заклятие. Я отлично справляюсь с боевыми заклинаниями, но бытовая магия не моя сильная сторона.

Об этом я знала, но почему-то не подумала, что магистр не одолеет магию чаровника. Внутренностям сделалось и вовсе худо от волнения.

– Но...

– Я не договорил. Во-вторых, я все равно не стал бы снимать заклятие.

– Но почему?..

– Я знаю, что на самом деле случилось на вечеринке. Ты унизила Белль, посчитав ее не ровней себе. За то, что она бедна, за то, что некрасива.

– Так и думала, что эта вонючка нажалуется!

– Алисия! Белль упорно твердила, что сама упала в фонтан. Удивительно, не находишь? Неужели никто не видел, как девушка карабкается на скользкий парапет, и не остановил ее? Обо всем рассказал Доминик...

– Вот тварь! – воскликнула я, возмущенная до глубины души. – Чтоб жабы съели его глаза!

В минуты волнения в мою речь прорывались бранные словечки, которые в изобилии использовала моя няня, когда я была ребенком. Няня – женщина простая, деревенская, воспитывала как могла.

– Алисия! – гаркнул отец, разгневавшись не на шутку. – Помолчи хотя бы минуту! Иначе к заклятию мэтрисс Звонк я добавлю заклятие

немоты!

Я изобразила, что закрываю рот на маленький замок и выкидываю ключ в окно. А Доминику я еще припомню его предательство! Ему что, больше всех надо? Если бы он удержал язык за зубами, я бы и горя не знала, собирала бы вещички перед поездкой.

Отец хотел добавить что-то о Доминике, объяснить или оправдать его поступок, но потер лоб и махнул рукой, мол, пустое.

– В-третьих, дочь... – Слова явно давались отцу с трудом. – В-третьих, прости меня...

Никогда в жизни отец не просил у меня прощения. Он, граф, входящий в совет при дворе, великий магистр, могучий боевой маг, никогда не считал себя неправым. Он мог быть нежным, заботливым, порой смешил меня, но извинился впервые.

Я вытаращила глаза и приоткрыла рот, забыв, что он заперт на воображаемый ключ. Отец мучительно подбирал слова.

– Я чувствовал, что воспитываю тебя неправильно, но обманывал себя. Говорил себе: Алисия славная девочка, дурной характер – следствие переходного возраста, она перерастет. Придумывал тысячу причин: она живет без мамы, без братьев и сестер, поэтому немного эгоистична. Поедет в академию, заведет друзей и изменится. Да и, признаюсь откровенно, мне было удобно не вмешиваться в твои дела. Я успокаивал себя: она здорова, весела, у нее есть все, что нужно, а характер... Мало ли у кого в юности скверный характер, она повзрослеет. Я обманывался, считая себя снисходительным и терпеливым отцом, а на самом деле пустил воспитание на самотек. Вседозволенность до добра не доводит.

Впервые отец так откровенничал со мной. Впервые говорил серьезно. Обычно он беседовал со мной, словно с пятилетней малышкой, а я подыгрывала: хлопала ресницами, сюсюкала и хихикала.

– Это последняя возможность изменить твою жизнь, Алисия. Ты не понимаешь пока, как многого можешь лишиться. Настоящей любви, преданности, дружбы, искренних человеческих чувств.

– И не надо мне, – тихонько буркнула я. – Вот уж печаль. И без них живут.

– Живут, – согласился отец. – Только можно ли назвать это жизнью?

Какое-то время он разглядывал меня, а я затаилась, точно мышь под веником, – еще одна поговорка моей няньки. Отец выговорился, высказал все, что накипело, глядишь, и отойдет. Сейчас главное – выбрать момент, изобразить раскаяние, состроить умильную мордашу – он и разжалобится. Можно и всплакнуть – верный способ! Как я про него забыла? Не иначе от растерянности.

Губы задрожали, я шмыгнула носом и... И ничего! Слезы не полились, как обычно. Я попыталась снова, тайком пребольно ущипнув себя за бедро. Словно огнем обожгло: теперь на нежной коже наверняка появится синяк, но глаза – вот незадача! – остались сухими. Папа наблюдал за мной со смесью жалости и грусти.

– Увы, Алисия. Заклятие избавило тебя от неискренних слез, и от неискренних чувств тоже – теперь твое притворство перед всеми как на ладони. Не получится изобразить паиньку.

От таких новостей мой желудок смерзся в ком льда. Или это сердце? Плохо представляю, где находится сердце...

– Да как же это... – выдохнула я, начиная понимать, что этот кошмар просто так не закончится. – Я ведь не могу... В таком виде... Я чудовище!

Вот теперь слезы действительно хлынули из глаз. Искренние. Как мило.

Отец подошел ко мне и попытался обнять. Я оттолкнула его руки. Хотел погладить по макушке, я увернулась.

– Ты не чудовище, Алисия. Ты просто стала обычной девушкой. Не плохой, не страшной, такой, как многие. Это не конец света!

– Конец! Конец! Это катастрофа! Я уродина!

– Не преувеличивай, Алисия. Ты вполне мила, если приглядеться. Эти славные веснушки...

– Папа, это прыщи!

Некоторое время я рыдала навзрыд, все еще цепляясь за остатки надежды растрогать отца. Он вздыхал, молчал, но стало ясно: решения своего не изменит.

– Не могу ведь я появиться в академии под своим именем, – всхлипнула я. – Все знают Алисию Уэст. Как я стану смотреть им в глаза, когда расколдуюсь?

– Видишь, ты уже начинаешь мыслить в позитивном направлении! – обрадовался отец моим первым вменяемым словам

после воя и рева. – Не переживай, об этом я позаботился, подготовил документы.

Отец вернулся за стол и вынул из папки гербовый лист с печатью.

– Удостоверение на баронессу Пеппилотту Гриллиан, родом из небольшого городка на границе с королевством.

– Пеппи... лотту? Гриль?

– Алисия, не драматизируй, это настоящее имя. У истинной Пеппилотты, увы, не проявилась магия, поэтому она не сможет учиться в академии, ты на время притворишься ею.

Более нелепое имя трудно вообразить. Словно сама судьба решила дать мне щелчок по носу, раздавить окончательно.

– Как же меня станут звать? Пеппа? Пеппа на гриле?

– Назовись Лоттой. Да и чем плохо имя Пеппа?

Я застонала, воздев руки к потолку. Впрочем, какая уже разница – Пеппа так Пеппа, моя жизнь все равно рухнула.

– А как же платье, – промямлила я. – Ни одно на меня не налезет. Что я возьму в академию?

– По этому поводу не переживай, студентам все равно выдают форму, а нарядиться можно только на зимний бал. К этому времени с тебя снимут мерки и сошьют платье. Выберешь любой фасон.

– Ага, – кисло согласилась я.

Маленькая ложечка меда в огромной бочке дег... говна.

Впрочем, не рано ли я отчаиваюсь? Что там нужно-то? Влюбить в себя самого достойного и красивого мужчину академии? Да, видок у меня пока неконкурентоспособный, но навыки и мастерство остались! Где наша не пропадала! Глядишь, к зимнему балу и платье пригодится: на праздник явится не лягушонка, а блистательная Алисия Уэст под ручку с лучшим студентом.

Мне ведь студента надо охмурить? Не преподавателя же? Вот следует уточнять такие важные моменты. И как понять, кто из них лучший? По каким критериям?

Все эти важнейшие вопросы я не замедлила задать отцу, а он лишь глаза закатил.

– Алисия! Это магия, а не задача по математике: все должно получиться само собой. Но ты можешь спросить у мэтрисс Звонк, возможно, она сумеет объяснить лучше.

Обязательно спрошу! Решается моя судьба, я не могу слепо полагаться на эфемерные магические силы.

Когда в голове составилась некий план, сделалось ощутимо легче. Кишки перестали сворачиваться в узел. Я докажу старухе, что самый достойный полюбит меня и в таком облике. Алисия не отступает и не сдастся!

Я несколько месяцев предвкушала триумфальное прибытие в академию. Новенький мобиль сверкает на солнце глянцевыми боками; экипаж, запряженный лошадьми, – пережиток прошлого. Лошади медленные, грязные и вонючие, то ли дело механическая повозка, работающая на магических кристаллах. Верх откинут, мои рыжие волосы развеваются на ветру. Их видно издалека, они словно пламя. Мобиль лихо тормозит у ворот академии, и я, не дожидаясь, пока водитель выгрузит мой багаж, величественно врываюсь в открытые створки. Благоклонно принимаю заискивающие улыбки и восхищенные взгляды, кое-кому соизволю кивнуть. Следует сразу дать понять, что в академии появилась новая звезда.

Мечты, мечты... Мало того что я оставила дома все наряды, подобранные с такой тщательностью, и драгоценности, ограничившись простенькими украшениями, которые могла себе позволить небогатая наследница захолустного барона, так еще и перед слугами пришлось изображать подругу Алисии, задержавшуюся после вечеринки. Саквояж, собранный в дорогу, являл собой печальное зрелище – потрепанный и потертый. Папа выудил его с чердака и с гордостью объявил, что сам в юности отправился на учебу именно с этим образцом безвкусицы. Чему тут радоваться? Стыдиться надо!

В полупустом саквояже сиротливо болтались зубная щетка, набор заколок, расческа и прочие девичьи безделушки. Сверху их прикрывало нечто, принятое мною изначально за походную палатку, но оказавшееся ночной сорочкой. Розовая, в рюшах... Я раньше любила розовый цвет, теперь меня от него тошнило. Папочка расстарался: швея спешно сшила сорочку-палатку за несколько часов. Я запихала ее в саквояж, закрыв глаза и сдерживая рвотные позывы.

Ничего-ничего, мэтрисс Звонк, не думайте, что вы меня сломали! А похудеть – не проблема: яблоко на завтрак, огурец на обед, а ужин... Ужин отдам врагу!

Вместо роскошного мобиля мне была предложена разбитая карета, без герба рода Уэст. Пеппилотта Гриллиан не должна

привлекать к себе лишнего внимания. Впрочем, я обрадовалась наглухо закрытым ставням: нечего прыщами светить.

Академия располагалась неподалеку – в пригороде столицы, как и наше имение, только немного южнее. Поскольку здесь испокон веков обучались дети аристократов, студенческий город представлял собой уютное, светлое и во всех отношениях удобное местечко.

Летом я успела прогуляться между рядов чистеньких домиков с зелеными, для факультета ведовства, и бордовыми, для чаровников, крышами. В каждом таком домике четыре комнаты, рассчитанные на восемь студентов: две комнаты для девушек, две для парней. Учебные корпуса стоят поодаль – величественные и основательные здания.

Сдавая вступительные экзамены, я побывала только в главном. Приятно поразила бирюзовым мраморным плитам на полу, статуям великих магов в нишах, белокаменным колоннам. На пике лета центральный холл был пуст и звонок, звук моих каблучков эхом отражался от стен, взлетал к куполообразному потолку...

Я подъехала к воротам в сумерках, кучер, наш личный кучер, который расшаркивался перед Алисией и едва не подметал вихрами пол, поставил саквояж прямоком на дорогу, в пыль, развернулся и уехал, напоследок окинув свинку Пеппи безразличным взглядом.

Я потащила к площади перед центральным зданием. Сегодня первый день сборов, можно было приехать и завтра, но я так стремилась поскорее оказаться в академии, занять лучшую комнату, выбрать соседку.

Впрочем, кто мне помешает сделать это сейчас?

У главного корпуса толпились испуганные первогодки, напоминающие встревоженных воробьев. Сбивались в стайки, жалась к баулам, стоящим у ног. Я издали заметила Меринду и Зею, дернулась было к ним, да вовремя вспомнила, что увидят они вовсе не очаровательную Алисию, а толстуху в пододеяльнике.

Пододеяльником я назвала балахон, который мне подогнал папуля. У меня буквально чесотка началась, когда выяснилось, что прежде пододеяльник принадлежал кухарке и был ее парадно-выходным платьем. Скорее бы выдали форму!

Я, как и все, не знала, куда идти и что делать. Я иначе представляла свой первый день: я окружена девочками, которые стараются меня развеселить и заискивающе улыбаются, мол, выбери

меня своей соседкой. Теперь же я стою одна-одинешенька в сгущающихся сумерках с саквояжем в обнимку в облепившем вспотевшее тело плотном платье.

Была не была: подойду к Меринде! Она еще та заноза, но заноза хорошо изученная! Стоит подобрать к ней ключик, и откроется первая дверца на пути к цели.

Меринда и Зeya оживленно беседовали и не сразу заметили мое появление. Я пристроилась неподалеку, но достаточно близко, чтобы вступить в разговор. Девочки покосились на меня с раздражением.

– Долго ли нам здесь стоять? – спросила я.

Ненавязчивый вопрос – хорошее начало разговора. Мы сейчас все в одной лодке – растерянные первогодки.

– Студенты-старшекурсники помогают заселиться в домики, но нужно подождать своей очереди, – снизошла до ответа Меринда.

Именно снизошла. Никогда не видела на ее симпатичной мордахе такого надменного выражения. Неужели я сама так смотрела на бедненькую-бледненькую? Неприятно. Мне-то можно. А вот им – нельзя!

– Вы уже выбрали, с кем будете жить?

– Угу, – неразборчиво буркнула Зeya.

Ясное дело, никому из них не хотелось делить с незнакомкой неряшливой наружности не то что комнату, но даже домик. Однако их желания интересовали меня меньше всего. Надо затесаться в их компанию всеми правдами и неправдами. Просто надо! Меринда, конечно, не претендует на пьедестал первой красавицы, но стоит где-то рядом.

– А соседняя комната свободна? – беззаботно спросила я.

– Нет, занята! – моментально ответила Зeya, скользя взглядом по толпе студентов.

Увидела кого-то, замахала руками:

– Аманда, Рона, сюда!

Быстро они от меня избавились. Я скрипнула зубами от злости и сделала еще одну попытку хоть как-то зацепиться за выгодное знакомство:

– Меня зовут Ал... Пеппилотта Гриллиан, баронесса. А вас?

– Пеппи? – Зeya хихикнула, но тут же прикрыла рот ладонью.

– Зови меня Лотта.

– Нет, пожалуй, имя Пеппи тебе подходит больше.

Теперь хихикнули обе. Посмеялись и отвернулись. Имен своих не назвали. Ладно. Запомним!

К нашей троице приблизились двое студентов-старшекурсников. Видать, те самые добровольные помощники. На плечи первого, высокого и светловолосого, накинута зеленая мантия, второй в замшевой бордовой куртке. Оба держали в руках списки. У ног чаровника крутилась черная кошка с белыми пятнами – его фамильяр. Я окинула парней оценивающим взглядом: подойдет ли кто-то из них на роль самого достойного? Пока не разобралась.

– Привет, девчонки, – поздоровался чаровник.

Поздоровался-то он со всеми, а уставился на Меринду. Та кокетливо пригладила волосы. Ведун же всю улыбался Зее. Я оставалась невидимкой. Мерзкое-мерзкое ощущение!

– Привет, ребята, – откликнулась я.

Те на миг обернулись на мой писклявый голос и тут же уставились в списки.

– Так, назовите свои имена, – попросил белобрысый. – Кто из вас идет на факультет ведовства?

– Я! – ответили мы хором.

Имена Меринды и Зеи быстро отыскились в списке, моего не оказалось.

– Да смотри же внимательнее! – прошипела я, не сдерживая злости. – Гриллиан. Грил-ли-ан! Пеппилотта!

– Ты в моем списке! – сообщил чаровник, прижав пальцем строчку на листе и развернув его так, чтобы я прочитала.

Его отвратительный кот потерялся о мою ногу, пришлось отпихнуть.

– Фигня! Я на факультете ведовства!

– Нет, малышка, – усмехнулся парень, и слово «малышка» прозвучало из его уст изощренным издевательством. – Ты будущий чаровник, признай это. Куда нам до этих снобов.

И он шуточно подпихнул плечом ведуна.

Я с трудом сглотнула: во рту моментально пересохло от ужаса. Снова происки деканши! Мало ей моего изуродованного тела, так она еще и жизнь решила мне сломать? Графиня Алисия Уэст не может быть бытовым магом! Только не это!

– Дай сюда! – рявкнула я на ухмыляющегося чаровника и вырвала из его рук список.

А в нем черным по белому значилось мое, вернее, Пеппилоттино имя. Гадство!

– Удостоверилась, малышка? Пойдем, провожу тебя в твой новый дом.

Мой новый дом. С бордовой, а не с зеленой крышей, как я представляла. Придется жить среди никчемных чаровников с их жалкой бытовой магией! Гадство, гадство, гадство!

Старшекурсник, не заметив, как вытянулось мое лицо, продолжал объяснять:

– Я покажу, где выдают форму. Склад за учебными корпусами, и к нему небольшая пристройка, там и мерки возьмут, и под фигуру подгонят.

Я не трогалась с места, вцепившись в ручку саквояжа. Чаровник сделал пару попыток его забрать и сдался.

– Поторопимся? – намекнул он. – До ночи надо всех расселить и...

– Пошел вон! – заорала я. – Я никуда не пойду, пока меня не переведут на факультет ведовства!

Кот зашипел и выгнул спину. Меринда, Зея и оба студента вытаращили на меня глаза.

– Хм... Ладно, – только и ответил парень.

Они ушли и оставили меня в одиночестве. На быстро пустеющей площади. Под темным угрюмым небом.

Ненавижу вас всех!

Бежали минуты, но никто не торопился утрясать недоразумение с путаницей факультетов. Не знаю, на что я, собственно, рассчитывала? Старшекурсникам и дела нет до моей печали, мэтрисс Звонк сидит дома и удовлетворенно потирает ручонки, а декан ведунов, мэтр Авис, знать не знает, что у него увели студентку.

Ничего-ничего, Па-а-амела, ты еще попляшешь, когда я выведу твои махинации на чистую воду, но сейчас следует сосредоточиться, найти соседку и выбрать комнату.

Пока я опомнилась, почти всех первогодков развели по домам. Осталось несколько человек, и они, точно намагниченные, постепенно стекались все ближе друг к другу. Я невольно оказалась в центре притяжения лишь потому, что не двигалась с места. Я обрадовалась было, но пригляделась к последышам и ужаснулась!

Справа ко мне робко приближалась веснушчатая девица с волосами цвета морковки – им далеко до моего благородного медного оттенка. Слева короткими перебежками, волоча за собой объемный узел, подбиралась каланча – такая длинная и худая, что того и гляди сломается пополам. Двое парней – один другого страшней – заходили с тыла. Какой-то паноптикум, честное слово!

– Привет, девочки! – раззявил в улыбке рот страшила номер один, патлатый и сутулый тип в поношенной мантии. – Как насчет того, чтобы поселиться в одном доме? Похоже, остались только мы.

Еще бы вы не остались! На вас ведь без слез не взглянешь, а поселить рядом с собой такое чучело – все равно что повесить на дверь объявление: «Осторожно, изгой!»

Ой... Матушки-батюшки! Но если я сейчас стою в центре круга, значит...

Нет, глупости. Я давно бы могла найти себе соседей, если бы не взбрыкнула.

Я в панике огляделась: не остался ли еще кто-то без пары, но увы.

– Я Бруно, – представился страшила номер один.

Команда уродцев обменивалась улыбками. Морковь и Каланча успели выяснить, что обе учатся на факультете чаровников, парни с

восторгом подтвердили, что они тоже. Все с ожиданием уставились на меня.

Ладно. Это все равно ненадолго. Завтра я пообщаюсь по душам с распрекрасной Памелой, и она как миленькая переведет меня на факультет ведовства!

– Я – Клара!

Морковь подошла на небезопасное для своей жизни расстояние, будто вот-вот полезет обниматься! Избави меня, Солнцеликая, от этой участи! Я отодвинулась и едва не уперлась спиной в подкравшуюся сзади каланчу.

– Меня зовут Мальвина, – сообщила она и тут же, засмутившись, покрылась пунцовыми пятнами.

– Ди, – коротко представился страшила номер два, до того не проронивший ни слова.

Это был тощенький парнишка с длинным носом, узкими скулами и щербинкой между передними зубами. Густые темные волосы, пожалуй, отлично смотрелись бы на ком-то другом, на Ди же они выглядели чужеродным элементом, словно природа, знатно поизмывавшись над его внешностью, прослезилась от увиденного и сжалась над бедолагой.

– Вот и славно! – взмахнула руками морковная Клара. – Вы не представляете, как нам повезло. Почти все домики расхватали, но нам достался супердом! Там всего две комнаты. Девчачья на три места, а двухместная у парней. Здорово, да?

Я мысленно завопила. Я вопила долго и отчаянно, пока мой внутренний крик не прервало появление того самого старшекурсника с котом-фамильяром. Морковь и Каланча немедленно бросились тетешкать мерзкое животное, кот терся о ноги, пушил хвост. Его хозяин, хотя ему нечего было пушить, выглядел не менее гордым и вальяжным.

– У вас обязательно появятся свои фамильяры, девочки, – покровительственно сообщил он.

На меня взглянул с опаской.

– Ну что, Пеппилотта, не передумала ночевать под открытым небом?

– Передумала, – проворчала я.

«Я еще заставлю тебя целовать носки моих туфель!» – злорадно добавила я про себя.

– Пеппилотта! – восхитилась Мальвина басом. – Пеппи! Какое милое имя. Тебе идет!

Странно... Очень странно, что я не испепелила ее взглядом на месте!

Наш парад уродцев побрел по дорожке, вымощенной бордовыми, под цвет факультета, кирпичами напрямик к рядам аккуратных домиков.

Мой саквояж тащил заморыш Ди. Он и Мальвинин баул прихватил, как только не рассыпался от натуги. Ничего, не стонал, не пыхтел. Старательный коротышка Ди. Бруно нес свою и Морковкину сумки. Эти страшилы, небось, радовались, что впервые в жизни приблизились к настоящим девчонкам.

Я шла с гордо поднятой головой, как на эшафот. Еще вчера я и вообразить не могла, что графиня Алисия Уэст будет делить домик с отщепенцами. Сегодня утром я думала, что ситуация близка к катастрофе. Наивная! Настоящая катастрофа только начиналась!

Как я и опасалась, самый крошечный, стоящий наособицу домишко, дом-изгой, дом-неудачник, окруженный истоптанным газоном, с покосившимися ставнями и с намалеванным на стене неприличным знаком, оказался нашим.

Сдается мне, здесь испокон века селились чудилы.

Парни вручили нам вещи. Клара рассыпалась в благодарностях, Мальвина снова запунцовела и робко кивнула Ди. Надеюсь, он не ждал от меня признательности? Я не просила его нести мой багаж.

Я подхватила саквояж, толкнула дверь и захлопнула ее перед носом сунувшейся было Клары. Как бы мне хотелось запереться на сто замков, остаться в одиночестве и тишине хоть ненадолго!

Не тут-то было. В комнату робко протиснулась Морковь, за ней, пригнувшись, Каланча, и в маленькой спальне сразу сделалось тесно.

Под потолком вспыхнули магические светильники. Не знаю, как можно существовать в этой камерке! Она размером не больше спичечного коробка.

Я упала на кровать, заправленную к нашему приезду и застеленную бордовым покрывалом. Они нарочно мозолят мне глаза

этим мерзким цветом? Хорошо хоть, потолок белый. Буду смотреть в потолок!

– Пеппи, – позвала Клара. – Пеппи. Пеппи, Пеппи!

– Да чего тебе? – рявкнула я так, что Морковь шарахнулась в сторону.

– Ты за формой пойдешь? Склад сегодня допоздна работает. Можно и завтра, конечно.

– Пойдем, – со вздохом сказала я.

Еще одного дня в пододеяльнике от кухарки я просто не вынесу.

Села. Кровать надсадно заскрипела, прогнулась подо мной. И она туда же: издевается!

Наверное, мое лицо так красноречиво передало мои чувства, что Каланча жалостливо сморщилась.

– Ничего, не переживай. Кровать выдержит. Должна. Они ведь рассчитаны на таких... таких корпулентных девушек.

Корпулентных – гадство, гадство, гадство! – девушек!

Жизнь, набирая обороты, продолжала катиться под уклон.

Едва забрезжил рассвет, я со всех ног побежала в центральный корпус. Теперь он напоминал скорее растревоженный улей, чем островок безмолвия и покоя. Студенты в бордовых и зеленых одеждах, с бумагами, книгами, свертками в руках, поодиночке и группами носились туда-сюда, казалось, без всякой цели. Только преподаватели в черных накидках не поддавались всеобщему хаосу. Один из них, молодой мужчина, стоял у мраморной плиты и водил пальцем в воздухе. Повинуясь его жесту, на камне проступали сияющие письмена. Вот она, высокая магия!

Завороженная, я подошла поближе. Что там? Тайное знание, недоступное непосвященным? Заклятие-оберег, изгоняющее из академии злые силы?

– Расписание? – в негодовании воскликнула я.

На стене пылающими буквами довольно коряво и впопыхах были начертаны дни недели, а магистр приступил к распределению учебных дисциплин по группам.

– Первокурсница? – ответил вопросом на вопрос суровый преподаватель. – Какие-то проблемы?

Воздух над его головой сгустился, отрастил перья, клюв, и вот на плечо магистра опустилась какая-то пичуга вроде воробья, склонила голову набок.

– Первокурсники обязаны явиться на общий сбор сегодня в три часа дня! – выкрикнула птица. – Первокурсникам находиться в центральном корпусе без куратора не положено!

– Ну-ну, Чим, какой ты сердитый. – Препод погладил фамильяра по торчащему хохолку.

Магистр сразу упал в моих глазах, как выяснилось, что он чаровник, поэтому церемониться я не стала.

– Что у чаровника на уме, то у фамильяра на языке, – процитировала я всем известную поговорку.

Фамильяр, сотканный из силы мага, часть его души. Случалось, магические зверушки подводили своих хозяев, выдавая истинные

чувства, о которых маг и сам мог не догадываться.

– Что есть, то есть, – с улыбкой согласился магистр. – Да только я человек цивилизованный, а Чима еще воспитывать и воспитывать. Представьтесь, дерзкая студентка, скоро нам с вами вместе работать.

– Это вряд ли, – задрала я подбородок. – Сегодня меня переведут к ведунам! А зовут меня Ал... Тьфу! Пеппилотта Гриллиан. А вас?

– Магистр Рауф.

И преподаватель, не тратя больше слова, взмахом руки начертил свою фамилию на мраморной плите и рядом дописал дисциплину: «Призыв фамильяров».

– Не пригодится! – отрезала я.

Мое заявление о переводе на факультет ведовства магистр Рауф пропустил мимо ушей, только поглядел снисходительно.

– Кстати, как мне найти вашего декана?

– Второй этаж направо до конца коридора, дверь... – Он усмехнулся. – Ты поймешь.

Ой-ой, какие мы загадочные. Но если понадобится – я открою все двери на втором этаже! Я мэтрисс Звонк из-под земли достану!

По каменной лестнице я добралась до второго этажа и словно оказалась в бурной реке, состоящей из студентов, причем пришлось брести против течения, постоянно натыкаясь на плечи и запинаясь о ноги. Направо, в административное крыло, никто не стремился: все торопились в противоположном направлении – на занятия.

– Я пойму, – бормотала я, приглядываясь к дверям. – Пойму... Почему я пойму? А, вот оно что!

Одна из дверей мягко светилась изнутри, а на деревянном полотне извивалась, точно живая, зеленая змейка – фамильяр деканши.

В первый раз, когда я увидела змеюку, выглянувшую из рукава мэтрисс Звонк, я заорала так, что стекла задребезжали. Не терплю всяческих гадов! Скользкие твари! Уже тогда следовало насторожиться: чего хорошего можно ждать от человека, у которого фамильяр – гадюка!

Правда, папа сказал, что это не гадюка, а зеленый полоз, совершенно безвредный, а как фамильяр очень редкий вид, показатель высокого ума и организованности, но я на это ответила только: «Фе!»

Я занесла руку, чтобы постучать, однако к чему эти расшаркивания? Мэтрисс Звонк – мой враг, между нами война. И я,

чувствуя себя бойцом и героем, открыла дверь с ноги.

– Здрасьте! – заявила я деканше, спокойненько сидевшей в кресле.

При моем появлении она и не дернулась, и бровью не повела, лишь сложила ладони домиком, облокотившись на столешницу.

– Здравствуй, Алисия. Я ждала тебя. Присаживайся и отдышись.

От ее сдержанного тона я будто сдулась и покорно опустилась на стул.

Воздух в кабинете деканши, нагретый лучами солнца, пах розмарином. Я жарилась в длинной бордовой юбке, широкий пояс сдавливал талию... То место, где прежде была талия.

Получая форму, я настояла, чтобы пожилая кастелянша-чаровница, подгонявшая одежду, сделала ее на размер меньше, чем нужно. Она покачала головой, глядя, как я с усилием накидываю петли на пуговики.

– Как же ты есть станешь, деточка? Весь живот себе передавила.

– А есть я не планирую! – гордо ответила я.

Впрочем, зачем я так старалась с формой чаровников, если после беседы с мэтрисс Звонк кастелянше придется возиться уже с зеленой юбкой?

Мы молчали. И молчали. И молчали. Мэтрисс Звонк, похоже, ничуть не мучилась угрызениями совести за мою загубленную молодую жизнь, разглядывала меня точно гончар, в пьяном угаре слепивший ночную вазу из глины, грязи и тины. Губы подрагивали в улыбке.

– Что? Нравится результат? – дерзко спросила я.

– Вполне. Вот только размышляю, не добавить ли нахальной студентке парочку бородавок для полноты образа?

Я, готовившая обличительную горячую речь, подавилась словами. С этой станется и рога мне отрастить!

– Не надо, – сказала я на всякий случай. – Я поняла. Я пришла поговорить.

– Слушаю тебя, Алисия. Внимательно слушаю.

«Ах ты, старая кошелка! Ну ничего, наступит время для мести. Не сейчас, но я все запомню!»

– Я поступила на факультет ведовства, но вместо этого!..

Эмоции захлестнули, и я приподняла подол бордовой юбки и потрясла им, точно красной тряпкой перед мордой быка.

– Это нечестно! Нечестно! Ладно, я понимаю, вы решили меня проучить за эту свою...

Я проглотила слово «уродину», точно горькую пилюлю.

– Помощницу. Но нельзя рушить мое будущее!

– Кто тебе сказал, Алисия, что ты поступила на факультет ведовства?

– Отец!..

Я нахмурилась, только теперь сообразив, что на самом деле отец никогда не говорил напрямую, куда я зачислена. Я сдала вступительные испытания, поскольку все их сдают. Ведь это лишь формальность, правда? Отец учился на зеленом факультете, значит, и я должна. Разве нет? Я настолько была в этом уверена, что ни разу не попросила отца показать мне бумаги с предписанием.

– Но он не опровергал... – прошептала я.

– Конечно, не опровергал. Он слишком избаловал тебя. Потакал капризам. Он и теперь пытался совершить невозможное – перевести мага с прирожденным даром бытовой магии на факультет, где учат управлять стихиями и тонкими эманациями. Бомбардировал совет академии прошениями. Пришлось ехать самой, объяснять, что все деньги мира не смогут купить для изнеженной графини нужный дар.

Так, значит... Мэтрисс Звонк приезжала к моему отцу не для того, чтобы попросить чего-то для себя...

– Ну нет, – выдохнула я. – Не может быть. Я – чаровник? Бытовой маг?

Мир рушился. Рушился. Все сделалось хрупким, ненадежным. Моя блистательная будущая жизнь, распланированная, продуманная на годы вперед, рассыпалась горсткой битого стекла.

– Вы ведь не наврали мне? – спросила я онемевшими губами.

– По поводу чего? По поводу дара? Ты видела полоза на двери? Его могут видеть лишь студенты факультета чаровников.

Будто подтверждая ее слова, из рукава деканши на мгновение высунулась плоская зеленая голова, мелькнул раздвоенный язык.

– Ж-жалко глупыш-шку, – раздался шепот.

– Цыц, – урезонила своего фамильяра мэтрисс Звонк.

– А по поводу заклятия? Оно такое...

«Бестолковое!» – собиралась сказать я.

– Расплывчатое, – добавила я осторожно. – Нельзя ли внести конкретику? Кого именно я должна очаровать? Когда он будет считаться очарованным? Что он должен для этого сделать? Поцеловать? Признаться в любви? Не могу ведь я действовать наугад!

С каждым моим вопросом – вопросом жизни и смерти, между прочим! – улыбка деканши становилась все шире. В конце концов она расхохоталась.

– Тебе нужна формула любви? – спросила она.

– Да! – в гневе воскликнула я. – Формула! Правила! Что-то, за что можно зацепиться! Между прочим, даже в сказках, чтобы снять заклятие, герою требовалось выполнить несколько простых заданий. Ну там – одолеть дракона, перебраться через огненную реку...

В мой голос против воли прорвались умоляющие нотки. Мэтрисс Звонк погасила улыбку, задумалась.

– Ладно, Алисия. Если тебе так проще – выполняй задания и надейся, что рано или поздно они приведут тебя туда, куда нужно.

Она пожевала губу, поглядела в потолок и выдала:

– Когда соломинка скажет спасибо, когда черное обернется белым, когда спуститься по лестнице будет труднее, чем подняться, когда перышко покажется тяжелее камня и когда самый далекий станет самым близким, тогда твоя красота вернется к тебе.

– Вы бредите? – осведомилась я.

Это я еще мягко. Я была в бешенстве! Я с ней по-хорошему, как с человеком, а она!..

– Неудивительно для вашего возраста, но...

– Ступай вон, Алисия, – не повышая тона, произнесла мэтрисс Звонк.

Но мне от ее спокойного голоса сделалось очень не по себе. Я прямо-таки ощутила, как сквозь кожу на подбородке выступают бородавки, и опрометью бросилась к выходу.

Вот и поговорили.

Когда я приплелась обратно к домику, оказалось, что комната пуста, а кровати аккуратно заправлены. Неужели Морковь или Каланча расстарались? Да кто их просил лезть в мое личное пространство?

Я выплеснула накопившуюся злость: сдернула на пол покрывало, заколотила кулаками по подушке, выбивая из нее перья. Вот так тебе, Белль! Вот тебе, старушка-змеюшка! А это – раз, два, три – тебе, отвратительный предатель Доминик!

Я мутузила несчастную подушку, пока не взмокла. Пряди мышастых волос приклеились к щекам, блузка прилипла к подмышкам. Гадко, жарко, обидно до невозможности.

Я внезапно поняла, что именно предательство Доминика задело меня сильнее всего. Я вспомнила, как мы малышами носились по саду его имения, взявшись за руки. Лазили на деревья, сидели в бассейне, который его отец, чаровник, наполнял для нас теплой водой с пеной, переливающейся на солнце. Странно, тогда я не презирала чаровников. Мама Доминика всегда была очень добра ко мне и даже, когда мы с отцом изредка оставались ночевать, заглядывала в мою комнату, чтобы рассказать сказку.

Мы виделись с Домиником нечасто. Дни, которые в детстве, казалось, тянулись бесконечно, замельтешили как в калейдоскопе. Доминик вытянулся, превратился в нескладного подростка, а потом вдруг в красивого юношу. Жалела ли я о нашей дружбе? Еще два дня назад я сказала бы – нет. Но сейчас, когда пух медленно кружился в воздухе, оседая на пол, носки туфель и подол платья, возвращая воспоминание о зимней ночи, когда я, малышка, сидела у окна, смотрела на вьюгу и думала о мальчике с темными волосами и добрыми глазами, я поняла – да. Что говорить: цапнуло меня его вероломство.

– Змееныш, – прошептала я.

Шмыгнула носом, стерев одинокую слезинку.

Но тут же отвлеклась от грустных мыслей: в комнате начала твориться чертовщина. Перья, будто живые, снова взлетели в воздух, а после впитались в подушку, точно та была пористой губкой. Вмятины

разгладились. Скомканное покрывало, которое я придавила ногой, задергалось, пытаюсь выбраться. Я вскочила, а оно запрыгнуло на кровать и растянулось поверх постели.

Первые две секунды я ошарашенно хлопала глазами: что это такое? Комната приняла первоначальный аккуратный вид, словно и не было моего буйства.

– Точно! – сообразила я. – Бытовая магия. Будь она неладна.

В домиках чаровников все пропитано ею. Удобно: не нужно заправлять постели, вытирать пыль и мыть полы. И все-таки я бы предпочла домик с зеленой крышей, пусть там и приходилось иногда запачкать руки. Папа в минуту откровенности, вспоминая юность, со смехом рассказал, как они с соседом прятали мусор под кроватью, пока куратор не обнаружил гору бумажек и объедков и не заставил отчистить не только свою комнату, но и соседнюю. Урок на всю жизнь.

Но куда же делись Клара и Мальвина? Я заглянула в смежную комнатку, где располагалась небольшая уборная. В стаканчиках у раковины торчали две зубные щетки, на крючках висели полотенца ненавистного мне бордового цвета. Три одинаковых. Какое мое? Пожалуй, стоит привести себя в порядок.

Я тронула одно из полотенец рукой, и по темному полотну побежала светлая строчка, сплетаясь в символы «П.Г.». Пегая Гнуся. Ой, простите, Пеппилотта Гриллиан. Не имя, а мечта.

Я поплескала в лицо водой, стараясь не глядеть в зеркало. Пока я не видела своего свинячьего пятка, можно было представлять, что я по-прежнему прекрасная Алисия Уэст, а не Пеппи-дурнушка.

Может, все не так плохо? Папа сказал, что я не уродина, просто обычная. К тому же, если я планирую очаровывать неизвестного мне пока студента, стоит присмотреться к новому облику и подумать, как его подать в выгодном свете. Маленькие глаза – обвести поярче, и надо решить, что делать с пухлыми губами.

Глубоко вздохнув, я уставилась на свое отражение.

– Гадство! – воскликнула я.

Россыпь мелких прыщей исчезла, но их место заняли пять огромных, пылающих на лбу, точно огненные письмена, пупырей. Узнаю почерк мэтрисс Звонк. Милейшая женщина, добрейшей души человек! Спасибо, хоть не бородавки!

– А-а-а-а, – заорала я, воздев руки над головой. – Да когда же это прекратится!

Во входную дверь заколотили.

– Пеппи? У тебя все в порядке? – раздался смутно знакомый мужской голос.

Я отогнула краешек занавески, разглядывая незваного гостя. На пороге топтался щербатый. Как его там? Ди. Разговаривать ни с кем не хотелось, но надо выяснить, куда запропастились соседки.

Я отперла дверь и встала на пороге, возвышаясь над парнем.

– У меня все прекрасно! Я билась в экстазе!

– Я решил, что-то стряслось. Думал, тебе плохо.

– Мне хорошо. Лучше не бывает. Чего тебе?

– Мы тебя потеряли. Куратор первого курса повел всех на завтрак.

Никто не знал, куда ты пропала. Пойдем, провожу.

Я замялась. С одной стороны, я твердо решила худеть и ограничивать себя в еде, но с другой – где, как не в общей столовой, я смогу присмотреться к студентам и выбрать самого достойного? К тому же желудок предательски бурчал и требовал пищи. И с куратором неплохо бы познакомиться. С ним надо наладить дружеские отношения, тогда можно рассчитывать на поблажки.

Алисия Уэст в мгновение ока окрутила бы молоденького куратора: ими обычно становились выпускники прошлого года, учащиеся в магистратуре. Но Пеппи придется попотеть... Во всех смыслах этого слова.

Ох, надеюсь, от меня не несет потом!

– Я сейчас!

Я захлопнула дверь и оттянула блузку, приняухалась: ткань высохла и пахла свежестью. Бытовая магия иногда полезна.

– Идем уже! – буркнула я, снова появляясь на пороге.

Ди приподнял брови. Давненько я не чувствовала себя так глупо. Что мог подумать этот цыпленок, услышав мои вопли? А самое нелепое в ситуации – почему меня волнует, что подумает этот щербатый паренек? Он пыль под ногами графини Уэст. Два дня назад я бы не удостоила его и взглядом!

– Курсы завтракают в разное время, – объяснял Ди по дороге. – Сначала первогодки – мы собираемся в столовой в восемь утра.

Я молча брела рядом, мучительно ощущая, каким тяжелым сделался шаг. Ноги как тумбочки, неповоротливое тело. Попадись стена на пути – снесу и стену. Рядом легкой походкой вышагивал коротыш Ди. Чудесная мы парочка, если со стороны поглядеть – жабеныш и водомерка.

– Да отойди ты от меня, – выдохнула я, борясь со смущением. – Иди впереди, а я следом.

– Почему? – не понял Ди. – Мне еще многое нужно рассказать о распорядке дня.

– Мы выглядим странно, – прошипела я, благо поблизости не было никого, кто бы мог услышать. – Ты ниже меня на голову. А я...

– Что ты?

Нет, этот полудурок реально не понимает?

– Мне неловко идти рядом с тобой! – сказала я без утаек.

Ди встал напротив, поглядел прямо в лицо, внимательно и очень серьезно.

– Почему тебе неловко?

Я махнула рукой: как ему объяснить, что рядом мы смотримся как два болвана? Пусть. В конце концов, едва ли мы часто станем ходить в столовую вместе с Ди.

* * *

Павильон, в котором располагалась столовая, издали напоминал хрустальную шкатулку – все из-за витражных окон от пола до потолка

и крыши, покрытой слюдяной черепицей. Вокруг до самой поздней осени, благодаря магии ведунов, цвели кусты сирени и жасмина.

Внутри за круглыми столиками сидели первокурсники и вовсю уминали олады. Рот наполнился слюной.

«Один. Только один оладышек!» – строго сказала я себе.

– Нам сюда.

Ди кивнул в дальний угол и повел меня за собой, ловко лавируя по тесным проходам, не рассчитанным на... хм... корпулентных девушек.

– Эй! Ой, осторожнее! Раскрой глаза! – неслось мне вслед.

Ди остановился у стола, отодвинул для меня стул. Я пригляделась к сидящим и точно напоролась на невидимую преграду. Мало того что я делю дом с Морковью, Каланчой, Сутулым и Щербатым, так теперь я вынуждена буду лицезреть эти неприятные физиономии и во время еды? Клара весело махала мне рукой, Мальвина сияла, точно увидела любимую родственницу. Я в панике принялась шарить глазами по столовой. Увы, все места давно заняты. Сборище уродцев снова с вами!

Едва я уселась, как Морковь придвинула ко мне тарелку, а Каланча налила из чайника дымящийся травяной напиток.

– Где ты была? – спросил Бруно. – Тебя мэтр Зотис обыскался! А вот и он, кстати!

Заприметив студентку-потеряшку, ко мне через весь зал устремился парень в бордовой мантии. Он хотел выглядеть грозным, но на юном лице ясно читалась растерянность. Похоже, для него должность куратора тоже в новинку.

– Пеппилотта Гриллиан?

– Ага.

– Первокурсникам не рекомендуется передвигаться по территории студенческого городка, не ознакомившись с регламентом.

Я скептически воззрилась на куратора: мол, и что ты мне сделаешь? Мэтр Зотис явно почувствовал себя не в своей тарелке и поскорее сунул мне в руки тонкую брошюру.

– Расписание, план кампуса, список учебников. Ознакомьтесь.

– Ага.

– Ну и нахалка! – прошамкал голос откуда-то снизу. – Никакого уважения!

Я наклонилась посмотреть, кто там бормочет, и увидела у ног куратора фамильяра – черепаху. Смехота! Хотелось бы посмотреть, как он с ней передвигается!

Хотела и посмотрела – мэтр Зотис подхватил рептилию на руки и отправился на боевое дежурство. Вернее, к барной стойке, откуда он и кураторша ведунов, девица в зеленой накидке, наблюдали за поведением своих подопечных. Они принялись болтать и думать забыли о первокурсниках.

– Ешь скорей, а то остынет, – посоветовала мне Клара.

Оладышки на вкус оказались восхитительны – воздушные, нежные, с легким сливочным кремом. Я опомниться не успела, как умяла их все.

– Добавки? – спросила девушка в бордовом переднике, с подносом в руках.

– Нет, – со вздохом отказалась я. И уточнила у соседок: – Здесь работают слуги? Не знала, что в академии кроме студентов есть обслуживающий персонал.

– Не слуги – студенты, – пояснил Ди. – Сегодня дежурит второй курс чаровников, их очередь готовить завтрак.

– Что? – выдохнула я. – Они сами? Своими руками?

Какой ужас. Неужели и мне придется стоять у плиты, а после обслуживать столики, как какая-то... какая-то горничная!

Мальвина пожала плечами:

– А что такого? Бытовая магия – на кухне первая помощница, зато голодной никогда не останешься. Мало ли как сложится жизнь.

– Фу! – сказала я, изнывая от отвращения.

Дым, смрад, грязные сковородки, опухшие от мыла пальцы, одежда, пропахшая жиром. Мерзость! И это вместо того, чтобы сплетать воздушные стрелы, приказывать земле расступиться, взлетать под небеса на крыльях ветра.

Я несколько раз вдохнула и выдохнула носом, борясь с тошнотой. Соседки с тревогой наблюдали за мной.

– Пучит? – участливо осведомился Бруно, за что я кинула в него салфеткой.

Ди снова наполнил кружку напитком и протянул мне.

– Наверное, все кажется непривычным после домашней обстановки, – сказал он.

Похоже, не издевался. Пытался поддержать?

– А мне здесь ужасно нравится! – высказалась Клара. – У нас и слуг-то никогда толком не было. Дед разорился, а отец продолжил разбазаривать состояние. Здесь хотя бы кормят вкусно, а не одной овсянкой на завтрак, обед и ужин, как я привыкла.

Я в растерянности уставилась на Морковь. Но и Мальвина не могла похвастаться происхождением, а Бруно, хоть и признался, что сын барона, младший, пятый сын в семье – наследство не светит.

– Так что придется самому зарабатывать на жизнь, вот тебе и барон! А ты, Ди?

– Небольшое имение, – отчеканил Ди, точно зачитывая грамоту. – Деревенька Березки на сто душ досталась в наследство от деда. Виконт.

– Мы отлично подходим друг другу, – заключила Клара. – Ведь и Пеппи небогата. Да, Пеппи? Будем отличной командой.

Я сама не поняла, как схватила с тарелки Бруно последний оладышек и запихнула в рот. Ох, за этим телом глаз да глаз: стоит зазеваться, как оно уже что-то жует!

– Ешь, ешь, – сказал Бруно и сочувственно похлопал меня по руке. – Тебе ведь больше нужно.

Пока я жевала, мимо нашего столика прошли студенты-ведуны. Уставились на нас, переглянулись, и один нарочито громко произнес, будто бы для своего дружка, но так, чтобы слышали все:

– Ух ты, у нас в академии сегодня готовится костюмированная вечеринка? Некоторые, смотри, уже нарядились в пузырья, соломинку и лапоть.

Пузырь, Соломинка и Лапоть – персонажи детской сказки. Кто их не знает? Яснее ясного, кого он имел в виду под пузырем. Высокая и тощая Мальвина – соломинка, а рыжая и простоватая Клара – лапоть.

На физиономиях ведунов проступило самодовольство. Я начала было отодвигать стул. Пузырь или нет, я никому не позволю себя оскорблять: сейчас я сотру заносчивые ухмылки с их гладких мордашек!

Но меня неожиданно опередил Ди. Встал и загородил дорогу нахалу. Тот воззрился на шуплого чаровника как на недоразумение.

– Чего тебе, недомерок?

– Немедленно извинись!

Ведуны заржали.

– Ой, посмотри, какой грозный цыпленок нарисовался. Отойди, малыш, пока не размазали по полу.

Перепуганный Бруно настойчиво дергал Ди за край мантии, но тот лишь отмахнулся.

– Извинись! – повторил Ди.

Мальвина и Клара испуганно прижались друг к другу.

– Да не надо, – пискнула Каланча.

Или теперь стоит называть ее Соломинкой?

– Надо!

Ди не шутил, он не собирался уступить дорогу, и ведуну в конце концов это надоело.

– Ну, цыпленок, сам напросился!

Он размахнулся, собираясь влечь тумака, и замер, с удивлением глядя на собственную руку, оказавшуюся в захвате у «цыпленка». Студенты вскакивали с мест. Девчонки визжали. Краем глаза я заметила побагровевшего, под цвет мантии, куратора, пробивающегося к месту битвы.

– Отставить! – орал он. – Прекратить!

Кто бы его послушал!

Столы смели прочь, ведуна и Ди окружили плотным кольцом. Я была уверена, что крепкий ведун очень скоро положит subtilного Ди на обе лопатки. Но тот держался на удивление стойко для коротышки. Ускользал, наступал и разукрасил лицо самодовольного типа знатным синяком. В толпе раздались смешки, и потешались, что удивительно, вовсе не над чаровником.

Ведун все сильнее распалялся. Его вывело из себя, что цыпленок, которого он посчитал ничтожным соперником, так долго держит удар. Парень в зеленой мантии сложил руки лодочкой, резко распахнул их, сметая Ди воздушной волной. Тот не удержался на ногах, упал, с грохотом повалив стул.

– Эй, нечестно! – крикнул первокурсник-чаровник. – На поединках запрещено применять стихийную магию!

– Это не поединок! – рявкнул мэтр Зотис. – Это хулиганство!

Он протянул руку Ди, помогая ему встать на ноги. Ди с безразличным видом вытирал разбитый нос. Кураторша ведунов цепко держала за рукав зачинщика драки.

– Оба, за мной! Немедленно!

Матильда глядела на Ди глазами, полными обожания.

– Ты сильный! Сильный! – сказала она. – Но легкий.

Я фыркнула, не сдержавшись. Следом за мной фыркнул сам Ди. И вот уже вся наша шайка уродцев заливалась смехом. Хохотал и мэтр Зотис, хохотала куратор ведунов. Вся столовая сотрясалась от смеха.

– Ладно, – сдался наш куратор, вытирая выступившие слезы. – Наведите здесь порядок и заканчивайте завтрак. На этот раз мы с Жасмин удержим язык за зубами, никому из вас не нужен первый выговор в учебном деле. Цените нашу доброту!

Хорошо, что кураторы сами едва вышли из студенческого возраста и помнят собственные промахи. Ведуны и чаровники единодушно заявили, что ценят, никогда не забудут, а порядок навели в два счета. Стихийная и бытовая магия, оказывается, отлично умеют ладить друг с другом перед лицом общего дела.

Я раздобыла себе еще одну тарелку оладий и со вздохом опустила на стул. Со следующего дня возьму себя в руки, но сегодня столько волнений!

– И чего ты полез? – спросила я Ди. – Молодец, конечно, и все такое. Вступился за нашу честь. Но на будущее: я бы и сама справилась!

– Ты – герой! – сказала Соломинка.

– Я чуть в штаны не наложил! – заявил Бруно.

Клара протянула Ди кипу бумажных салфеток, чтобы тот прижал их к носу, но салфетки быстро пропитались кровью.

– Пеппи, принеси еще, будь добра.

– А почему я? Я занята! – сообщила я. – Ем.

Клара, Мальвина и Бруно сидели, втиснувшись между столом и стеной. Бруно принялся выбирать, опрокинул чашку, запнулся. Похоже, не шутил, когда говорил, что испугался. Глаза бы мои не смотрели на это жалкое зрелище.

– Ох, ладно! Сейчас сама принесу!

Я отправилась на поиски салфеток.

А нашла бедненькую-бледненькую. Да что сегодня за день-то такой!

Мысленно я оставила Белль в прошлом – мокрую, убогую неудачницу. У меня совсем вылетело из головы, что дурнушка поступила в академию на первый курс, а значит, я могу встретиться с ней в любой момент. Когда Белль встала у меня на пути, я едва не попятилась, будто увидела привидение.

Девчонка двигалась навстречу, к выходу, но, поняв, что мы не разминемся, улыбнулась и посторонилась, уступая дорогу. Я же застыла точно вкопанная: так дурно стало! Бедненькая-бледненькая сейчас вовсе не выглядела уродиной. В ее бледности и хрупкости теперь виделась аристократическая утонченность, да и взгляд у нее был не как у человека, который считает себя ниже других, – смелый, открытый взгляд.

Но сильнее всего меня подкосила одежда: зеленая юбка, зеленая накидка. Передо мной стояла ведунья. Уверенная в себе, вполне симпатичная ведунья. Теперь ее не могло выдать поношенное платье: в форме факультета все равны.

Как бы мне хотелось взяться обеими руками за это тощенькое горлышко! Воровка! Украла мою жизнь, мою мечту! С губ сорвался невнятный хрип.

– Все хорошо?

Белль подошла ближе и коснулась руки. Играешь с огнем, девочка! Я собиралась оттолкнуть негодяйку и лишь невероятным усилием воли взяла себя в руки. Это ведь снова начнется свалка, прибежит куратор, потащит к мэтрисс Звонк на ковер – неприятностей и новых прыщей не избежать.

– Переживаю из-за Ди. – Я выдавила кислую улыбку.

– Его зовут Ди? Смелый парень! Давно следовало дать отпор Теренсу, он задира, каких мало.

Я стояла с приклеенной улыбкой и ждала, пока Белль выговорится и отпустит мое запястье. Прохладные пальцы, казалось, прожигают кожу. Я глядела на них, как хищник смотрит на беспечного зайчишку. Такие тоненькие косточки. Сжать бы их как следует – ух, захрустят.

По виску скатилась крошечная капля пота. «Нет, Алисия, нет. Нельзя ломать ей пальцы. Мэтрисс Звонк! Помни о мэтрисс Звонк!»

Я сделала шагок в сторону. Еще один.

– Салфетки. Нужны салфетки для носа Ди, – пробормотала я.

Белль кинула встревоженный взгляд на наш столик.

– Да, конечно. Тебе помочь?

– Нет! – рывкнула я и прикусила губу. – Нервничаю что-то.

Надо отдать должное Белль: до нее дошло, что стоит оставить меня в покое. Сказала: «Понимаю», снова улыбнулась и выпустила – слава Солнцеликой! – мое запястье. Обошлось без нового кровопролития.

Я сцапала на стойке охапку салфеток, а то наш коротыш всерьез решил истечь кровью. И тут меня подкараулил новый неприятный сюрприз. Впрочем, чему я удивляюсь – с момента появления в академии со мной не произошло ни одной приятной вещи. Мироздание на пару с мэтрисс Звонк глумилось над графиней Уэст с изрядной долей изобретательности.

Белль ушла недалеко: переместилась к столу с напитками, где ее перехватили две ехидны – Меринда и Зея. Они что-то оживленно втолковывали бедненькой... Стоп, никакая она больше не бедненькая-бледненькая. Разрушительница жизни – вот она кто.

Но о чем мои подружки говорят с Белль? Как бы подслушать? Впрочем, почему нет? Мое тело – отличное прикрытие.

Я кинула салфетки на колени Ди, проходя мимо, и напрямиком отправилась к троице. Взяла графин с морсом. На меня никто и внимания не обратил, Меринда продолжала трещать, Зея поддакивала, Белль молчала.

– ...без обид? Нам ведь учиться вместе. Не хочу, чтобы между нами осталось недопонимание. Честно, я думала, что ты решила искупаться в фонтане.

– Да-да, точно! – встряла Зея.

– Я и сама хотела в него забраться! Это так освежает!

– Ага! Очень! – поддакивала Зея, будто глупая галка.

– Мы и представить не могли, что Алисия придумала злую шутку! Мне родители такую головомойку устроили! Боялась, вообще на неделю дома запрут.

– И меня отругали!

Значит, так, подруженьки? Не знали? И даже не догадывались? Ну-ну!

– Мир? – спросили они хором.

Ишь, как у вас подгорело! Трусливые поганки. Как жареным запахло – сразу в кусты. Смеялись вместе, а отдуваться мне одной!

– Мир, – помолчав, согласилась Белль. – А где сама Алисия? Разве она еще не приехала в академию?

Меринда прыснула.

– Она в ближайшее время не появится! – жизнерадостно заявила она. – Подхватила какую-то заразу! Сыпь или понос.

Я едва морсом не подавилась! Так вот, значит, какое объяснение моему отсутствию придумал любящий папочка. А подруга детства, вместо того чтобы расстроиться, радуется моему недомоганию.

– Мне пора, – сдержанно сказала Белль.

Но и после ее ухода подружки не угомонились.

– У меня просто камень с души упал, когда я узнала, что Алисия не приедет, – продолжила Меринда. – Задранный нос и корона на голове. Она бы нас с тобой еще заставила перед ней маршировать на цыпочках. Как же она меня бесит, слов нет.

Вот как, Ринда? Не ты ли два дня назад клялась в вечной дружбе: «Ты же моя ненаглядная Лисонька, мы ведь поселимся вместе, в одном доме?»

Сладкий напиток отдавал горечью. Руки тряслись. Я пила уже второй стакан – еще немного, и из ушей польется. Но и вернуться на место не могла: по лицу все сразу поймут, что на душе скребут кошки. Начнутся расспросы. Ни к чему...

– Пеппи? – обратилась ко мне Зея.

Проклятье. Чего ей нужно?

– Ты ведь Пеппи, правильно?

Я растянула губы в осточертевшей улыбке и повернулась. На остренькой худосочной мордочке Зеи светилось превосходство. Она ехидно рассматривала мою бордовую форму.

– Ой, бедненькая, так ты все-таки чаровница! – Она выдала издевку за сочувствие. – Да, жаль-жаль. Бытовая магия – это так скучно.

– Что ты! – в тон ей пропела я. – Я поняла, что мне невероятно повезло!

– Смотрю, ты и друзей себе нашла, – невинно захлопала глазами Меринда. – Такие очаровашки.

Она посмотрела на четверку отщепенцев, подняла тоненькую белую ручку и пошевелила в воздухе изящными пальчиками. Дурынды Морковь и Каланча расплылись в улыбках, замахали в ответ. Бруно выглядел так, будто сейчас потеряет сознание от восторга. Только Ди смотрел не на красотку-блондинку, а на меня. Чуть приподнял брови: «Помощь нужна?» А этого, кажется, не провести. Сиди уж, боец, с клубком змей я как-нибудь сама разберусь.

– По крайней мере, мозгов у них побольше, чем у некоторых, – сладким голосом произнесла я. – Вероятно, некой Алисии будет интересно знать мнение ее подруг, когда она вернется в академию. А она вернется! В следующий раз, когда станете обсуждать понос или сыпь, не принимайте толстух за предмет мебели!

Глаза Меринды округлились.

– Ах ты!.. – воскликнула она и дернула меня за прядь волос. – Ты! Уродка!

С фантазией у бедняжки всегда было туго. Никакой изобретательности, уж я бы сумела уязвить изощренней. Но что говорить, и «уродка» попала в цель, в самое больное место.

– Ты еще пожалеешь! – выдохнула я. – Это война!

– Иди-иди на место, жиробасина! – подключилась Зeya, которая только и умела, что подтягивать.

Я заметила любопытные взгляды, устремленные на нас со всех сторон. Первокурсники предвкушали новую битву, на этот раз между девочками.

«Помни о мэтрисс Звонк!» Мне никак нельзя снова ее разозлить.

К нам приближался Ди. Нос пришел в норму и даже, кажется, не был сломан. Хотя в случае Ди сломанный нос не испортил бы внешности: все испорчено до него. Миротворец фигов.

Он ничего не успел сказать: кое-кто его опередил! Рой, которого я в последний раз видела на вечеринке, встал между Мериндой и Зеей, приобнял за плечи.

– Девочки-девочки, не ссорьтесь.

Те сразу растаяли в присутствии красавчика Роя и принялись изображать из себя милашек.

– Да мы шутим, да, Пеппи? – засюсюкала Меринда.

Нет, не устыдилась, просто знала, что в глазах парней девушка должна выглядеть милым, застенчивым и беззащитным существом. Я сама ее учила!

– Пеппи? – Рой отпустил плечи подруг и наклонил голову. – Рад знакомству.

А ведь он еще на вечеринке привлек мое внимание. Красивый, умный, обходительный парень.

– Как твои дела? Нравится в академии?

– Очень! – промурлыкала я.

Кажется, я определилась с самым достойным!

– Ненавижу академию! – прошептала я. – Факультет чаровников – полнейшая дрянь!

Я держала брошюру, выданную мне мэтром Зотисом, двумя пальцами за края, словно боялась испачкаться от одного прикосновения.

– Пеппи, ты преувеличиваешь, – откликнулась Мальвина, хотя я вовсе не к ней обращалась.

После завтрака куратор развел нас по домам, точно бестолковую малышню. А то сами бы мы не дошли! Заблудились бы в кустах сирени! У-у-у! Такие опасные кустики!

– Через час мэтрисс Звонк, ваш декан, ждет первокурсников на вводную лекцию, – сообщил мэтр, доведя нас до крыльца. – У вас есть время изучить распорядок дня и список дисциплин.

Вот я и занялась изучением. Читала и понимала, что настроение опускается все ниже с каждой строчкой.

– А что там? – спросила Клара, которая вместо того, чтобы готовиться, сооружала прическу из своих непослушных жестких волос. – Читай вслух!

– Еще и вслух читать эту гадость? – Впрочем, потом можно потребовать от Моркови ответную услугу. – Ну ладно. Призыв фамильяров.

– Ой, как ми-ило! – пробасила Соломинка. – Жду не дождусь, когда у меня появится свой славный теплый комочек!

– Или холодный склизкий комочек, – прервала я ее восторги. – Жаба, например! И вообще, не перебивай... Высокая кулинария.

– М-м-м, блюда чаровников не сравнятся даже с кухней лучших ресторанов. Конечно, если у них владелец и сам не чаровник. Вот как в ресторане «У Алонсо». Бывали? Помните их девиз: «Мы добавляем в блюда щепотку любви»? Как точно!

– Если ты не замолчишь, я дальше читать не стану, – проворчала я.

Их неумные восторги на фоне моей печали раздражали просто невероятно.

– Прости-прости! Я молчу-молчу! – Морковь, когда волновалась, начинала повторять слова по несколько раз.

– Зачаровывание вещей, наложение облика, основы целительства, основы создания оберегов, травология, – скороговоркой прочитала я, пока меня снова не перебили. – Мрак, прах, безысходность, тоска и скука – вот как их следовало бы назвать. И совершенно не понимаю, при чем здесь целительство!

– Ну как же! – всплеснула руками Клара. – Ведь в основе целительства лежит та же магия, что и у нас. По сути целители те же чаровники. Мы все могли поступить в Академию целительства, если бы...

– Были поумнее, – вздохнула Мальвина. – Там столько всего надо учить, знать. Это ведь не предметы зачаровывать, а понимать, как устроен организм, все косточки, все органы. У меня бы точно голова лопнула.

– Я умная! – отрезала я. – Просто...

Да что говорить, я прежде никогда не задумывалась, кто именно поступает в Академию целительства. Я-то сразу знала, что стану ведуньей, и мысли не допускала о другом пути. Выходит... Мои глаза удивленно распахнулись: я только теперь поняла – Доминик унаследовал от родителей магию чаровников. И не стыдился этого, и ни о чем не сожалел. Целителей везде ценят, маги-целители на вес золота. Если бы только отец сказал мне раньше, кто я на самом деле, возможно, все в моей жизни пошло бы иначе! А он вместо этого пытался подкупить членов совета и молчал до последнего.

– Что «просто»? – переспросила Клара, так как пауза затянулась.

– Просто не захотела!

Морковь переглянулась с Соломинкой. Промолчали, но на лицах ясно читалось: «А теперь-то почему воешь?» Смейтесь, смейтесь. Есть еще желающие поглумиться над глупой Алисией? Вставайте в очередь!

Я быстрее перевела взгляд на страницы брошюры, зная, что Клара и Мальвина в это время обмениваются ухмылками, мол, ну что за дура. Сама бы так сделала. А то, глядишь, и шушукаться пойдут в уборную под предлогом, что обеим срочно понадобилось зеркало.

Внутренне я была к этому готова, но совсем не ожидала, что Клара примостится рядом на краешек кровати.

– Тебе еще понравится, – улыбнулась она.

Как-то по-доброму улыбнулась, и меня эта улыбка кольнула в самое сердце. Мне все улыбались: горничные, лакеи, учителя, которых нанимал отец, подружки. Та же Меринда сверкала зубами, точно хотела ослепить их сиянием. И все же чего-то в их улыбке недоставало. Какого-то тепла, что ли... Странно все это. И почему я прежде не замечала? Я только теперь поняла, что вот так, светло, мне улыбались немногие люди в моей жизни. Папа, когда не был занят работой по горло. Родители Ника, когда я была маленькой. Сам Доминик когда-то. Белль...

Стоп! А разрушительница-то как пролезла в мои мысли!

– Сначала всегда не по себе, – продолжала Клара, не заметив, как я напряглась и сжала челюсти. – Но тебе понравится, вот увидишь! А на ведунов не обращай внимания, они привыкли задирать нос выше неба, будто только их магия имеет значение!

– Но это правда! – с горечью воскликнула я.

– Нет, неправда! Поверь, ты еще скажешь спасибо своей магии, когда станешь хозяйкой дома...

– Очень мило! Буду стоять на кухне у плиты в фартучке, а мой блохастый фамильяр станет ловить мышей в подвале! – пробурчала я.

Развить тему мы не успели, потому что в окно осторожно стукнули. За стеклом маячили две макушки: Щербатый и Сутулый подавали знак, что собрались и ждут нас.

– Они так и будут за нами таскаться? – простонала я.

– А что не так? – удивилась Мальвина. – Вместе веселей! И ни один задира не прицепится, после того как Ди дал отпор тому наглецу! Ди милый, а Бруно забавный.

Милый? Забавный? О Солнцеликая, да эти девчонки ничего не понимают в парнях. Вот Рой – да, мил до невозможности.

И Доминик.

Собака! Гад ползучий! Глаза бы мои тебя не видели никогда!

Кстати, о Рое. Пора продумывать стратегию привлечения этого симпатичного ведуна к моей корпулентной особе. Жаль, что мы учимся на разных факультетах: остается мало возможностей для маневра. Однако, как выяснилось, каждый первокурсник должен выбрать дополнительное занятие на вечернее время – верховую езду,

театральную студию или танцы. Узнаю, куда запишется Рой, и отправлюсь вслед за ним! Там-то я его и прищучу!

Я встала, отряхнула юбку, и она тут же разгладилась. Что же, есть своя прелесть и в бытовой магии.

Первокурсников-чаровников собрали в лекционной аудитории. Я завертела головой по сторонам – впервые я могла увидеть и сосчитать всех нас. Двадцать шесть человек. Всего двадцать шесть. Из них никого, кто побывал на вечеринке, которую я никогда не забуду. Верно, я ведь их не приглашала, рассчитывая познакомиться с будущими ведунами, а бытовых магов и за людей-то не принимала.

Я подавила тяжелый вздох, но с этого момента решила оставить прошлое в прошлом. Я и в бордовой форме всем покажу, на что способна.

Мэтрисс Звонк заняла место у кафедры, окинула первогодков взглядом, в котором, не узнай я так близко коварную старушенцию, мне бы померещилась теплота.

– Приветствую вас в стенах старейшего учебного заведения для магов, – начала она.

Тихий, но хорошо поставленный голос достигал самых дальних уголков кабинета. Студенты перестали шушукаться и прислушались.

– Знаю, многие из вас считают факультет чаровников факультетом второго сорта и клянут судьбу за то, что они родились не с тем магическим даром, о котором мечтали.

Мне показалось или мэтрисс Звонк на мгновение задержала взгляд на моем лице? Я дерзко уставилась в ответ.

– Да уж, – пробурчал патлатый парень с первой парты. – Всю жизнь мечтал возиться со сковородками. Ладно девчонки, им полезно...

– Эй! – крикнула незнакомая девица, сидевшая за чаровником, и, потянувшись, отвесила ему подзатыльник. – А тебе полезно встряхнуть мозги.

– Тихо! – Строгий голос декана взвился под потолок, усиленный магическим воздействием. – Увы, хотите вы того или нет, вы чаровники, и это невозможно изменить. Изначально в мире всегда существовало два вида магии.

Мэтрисс Звонк говорила так громко, что не было ни малейшей возможности ее перекричать, поэтому все прижухли и внимали. Я

тоже, а куда деваться – не затыкать ведь демонстративно уши.

– Два вида магии, удерживающих вселенную в равновесии.

О, а вот это неожиданно.

– Магия хаоса и стихий. Буйная, разрушительная, очень сложно поддающаяся укрощению. Тех, у кого она течет в жилах, называют ведунами. На другой чаше весов – магия созидания и творчества. Ее носителей испокон века зовут чаровниками. Да, наша магия более вещественна, более, если можно так сказать, груба, но без нее привычный нам уклад давно сгинул бы в тартарары. Мы гармонизируем мир, ведуны, при всей их мощи, на это не способны.

– Ага, ага, красивые сказочки для бедных овечек, обделенных настоящим даром, – прошептала я себе под нос.

Деканша вперила в меня взгляд. Да что ты будешь делать, не уши, а локаторы!

– Вы все знаете, что двадцать лет назад наша страна едва выстояла в страшной битве, – неожиданно сказала мэтрисс Звонк.

Первокурсники принялись переглядываться: настолько смутила всех смена темы. Парни оживились.

– Вы не помните ее, вас тогда и на свете не было, но я помню.

– А у меня такое чувство, будто я сама участвовала, – произнесла Клара, наклонившись к моему уху. – Отец, как напивался, так только и делал, что рассказывал о жутких вещах, которым сам был свидетелем. Я выросла на этих историях.

Надо же. Хоть я и слышала о событиях двадцатилетней давности, в моем доме не принято было их обсуждать. Отец даже как-то сделал строгое внушение няньке, которая пыталась поведать о «жутких татях заморских». Судя по тому, как Ди стиснул в замок руки, он тоже хорошо представлял, что тогда творилось.

– Они пришли из-за моря, – продолжала декан. – То ли люди, то ли звери. Существа, не ведающие жалости. Они истребляли целые города вместе с детьми и стариками. На защиту встали все маги, какие только нашлись в королевстве. Студенты академии сражались бок о бок со своими наставниками. Ведуны призывали на помощь стихии. Волны топили чужеземные корабли, ветра разбивали их в щепки, небо дрожало от молний, а под небесами, будто птицы, летали смелые маги, осыпая противника воздушными стрелами.

Эх, чую, славная была битва. Вот это, я понимаю, жизнь! Слава! Настоящая магия! Если мэтрисс Звонк хотела окончательно втоптать нас в грязь, ей это удалось.

– Но я точно знаю, что победа никогда бы не наступила без чаровников. Мечи защитников не тупились, заколдованные доспехи держали удар, еда всегда была свежей и горячей. Я помню юную девочку, тоненькую и хрупкую как тростинка, но огромного мужества. Она падала с ног от усталости, но снова и снова возвращалась на поле боя, чтобы остановить кровотечение, срастить кости. Она изобрела «морозный сон». Благодаря ему удалось спасти даже самых тяжело раненных.

Все окончательно притихли, впечатленные историей.

– А что потом стало с этой юной чаровницей? – спросил все тот же парень с первой парты.

– Это вы, да? Это вы? – не удержалась Клара.

Мэтрисс Звонк рассмеялась.

– Нет, увы, боюсь, это не я. Даже двадцать лет назад меня едва ли можно было назвать юной.

Я ерзала за партой. Подвиг незнакомой девицы и меня, признаюсь, немного впечатлил, но когда восхищались не мной, меня это быстро утомляло. Ди на меня странно смотрел. Взгляды всех остальных устремились на деканшу.

– Юная чаровница вышла замуж по большой любви за прекрасного графа, с которым познакомилась во время битвы. Он любил ее больше жизни. К сожалению, во время родов она, спасшая столько жизней, умерла, и муж, ведун, ничем не смог ей помочь. Он как-то признался мне, что не задумываясь обменял бы свою стихийную магию на магию чаровников, если бы только это смогло спасти Амалию.

Амалия? Мою маму тоже звали Амалия. Бывают же совпадения!

– Амалия Уэст? – спросил кто-то из студентов.

Мэтрисс Звонк молча наклонила голову.

Меня точно молния прошила. Я сидела, будто окаменев. Отец никогда не рассказывал о молодости, о том, как познакомился с мамой, о том, что принимал участие в битве...

Кто-то тронул меня за плечо. Ди.

– Ты в порядке, Пеппи? Ты побледнела.

– Все хорошо.

Ничего хорошего! Отец всю жизнь молчал о том, что моя мама – чаровница и магия досталась мне от нее. Еще и двух дней не прошло, как я в академии, а голова уже пухнет от свалившихся на меня новостей. Чего еще ждать?

Я встала и, наступая на ноги однокурсников, рванула к выходу. Мэтрисс Звонк не стала меня удерживать.

– Вводное занятие закончено. Все свободны, – сказала она.

У дверей я обернулась, и оказалось, что вся четверка чудаков топает следом, как приклеенные. Будто я их звала!

Но в груди неожиданно потеплело. Никак не разберусь, что это там у меня – желудок? Или все-таки сердце?

Они догнали меня в коридоре.

– Что случилось, Пеппи? – обеспокоенно спросила Мальвина. – Кто-то из твоих родных погиб в той битве? Но ведь это было так давно.

Давно. Что тут скажешь. Кто бы мог подумать, что отголоски того страшного сражения долетят до меня только сейчас.

– Что, в битве? – Я изобразила удивление. – Нет, я просто вспомнила, что на первом этаже должны вывесить списки дополнительных занятий. Идемте выберем, пока остались свободные места.

На первом этаже у мраморной плиты толпились первокурсники. Рядом с расписанием прямо к стене крепились три листа и болтался карандаш на бечевке. Все по очереди вписывали свои фамилию в группу, где хотели бы заниматься. У меня не было времени ждать: в группу набирают не больше двадцати человек. Если не потороплюсь, могу и не попасть вместе с Роем.

– Посторонись! – честно предупредила я, врезаясь в толпу.

– Снова она! – простонал кто-то. – У меня еще после столовой нога не прошла!

– Да не трогай ты ее, зашибет.

Какие нежные! Некогда мне с вами миндальничать.

Я протянула руку, и студентка-ведунья, собиравшаяся вписать свое имя в список, решила не связываться и отдала карандаш.

Так, посмотрим. Верховая езда. Надеюсь, Рой не любитель верховой езды, мне она никогда не нравилась. Желающих почти не нашлось: пока четверо, и среди них не было светловолосого красавчика. На танцы записалось десять человек, но и среди них не оказалось наследника графа Гарти. Зато список в театральную студию почти заполнился. Я занервничала, пробегая глазами фамилии. Что, если Рой еще не записался?

Нет, вот же он! Рой Гарти. Я побыстрее добавила внизу свое имя – стала шестнадцатой. Оглянулась на своих... Ну этих, соседей. Раз уж у

меня все равно в руках карандаш и на данный момент я распоряжаюсь судьбами. Четверка маячила за спинами все прибывающей толпы.

– Кого куда? Быстро!

– Эй! Так нельзя! – выкрикнул кто-то.

– Отбери карандаш, тогда поговорим! – Я грозно уставилась в пространство, но на бой никто не вышел.

Мои уродцы мялись, видать, им было неловко пользоваться ситуацией. А мне было ловко!

– Всех пишу в театральную студию!

Девчонки уступят мне роль, если кого-то из них поставят в пару с Роем.

– Фамилии сами допишите. Мальвина, Клара, Бруно и Ди... Ди, что у тебя за нелепое имя? Это полное?

Взгляды, пышущие возмущением, устремились на Ди.

– Хм... Ди... митрий.

– Вот, хоть звучит по-человечески.

– Мы пожалуемся декану! – пискнула девица в зеленой юбке.

– Да пожалуйста!

Я двинулась в обратный путь в расступающейся передо мной ораве студентов.

– Ого... – прошептала Клара. – Ничего себе. Я ведь правда хотела в театральную студию, но уже не надеялась попасть.

– Думаю, будет правильно, если в театральную студию устроят прослушивание, – сказал неугомонный Ди.

– Да-да, – обрадовалась писклявая ведунья.

Но разборки прервал мелодичный перезвон колокольчиков – звонок на следующее занятие. После всех волнений у меня напрочь вылетело из головы, какое же следующее. К счастью, в двух шагах от списков на стене огненными буквами горело расписание. А под расписанием стоял магистр Рауф, точно и не уходил. Чим порхал над его головой и трубил, будто в рупор:

– Первокурсники-чаровники, подходим, подходим. Не теряемся! Не разбегаемся! Первое занятие – призыв фамильяров!

Чуть поодаль стоял незнакомый преподаватель, и полы его накидки развевались от невидимого ветра. Я закусила губу и поскорее отвела взгляд. Магистр – укротитель ветров – ждал на первое занятие своих подопечных. Как же я им завидовала! Даже хотела подставить

подножку торопившейся мимо пискле-ведунье. Удержалась. Оцените, мэтрисс Звонк, мою силу воли!

Магистр Рауф дождался, пока мы все собьемся в кучку вокруг него, и повел нас за собой, все дальше и дальше от укротителя ветров, зеленых накидок и от моей мечты...

Преподаватель привел нас в просторную аудиторию. Вдоль стен стояли столы, а в центре находился круглый участок, засыпанный песком. Будто манеж на ипподроме, только маленький. Мы все устремились к центру, но магистр Рауф поднял ладони.

– Рано. Присаживайтесь. Давайте сначала поговорим о фамильярах.

Я приземлилась на неудобный узкий стул, еле втиснулась за парту и подперла щеку. Говорите, говорите, мне неинтересно.

– Вы все знаете, что фамильяров может призвать только чаровник. Они созданы из его энергии и являются отражением его души. И все же фамильяры обладают собственным разумом, собственным мнением. Они верные друзья и помощники. Невозможно заранее предугадать, кого вы получите.

Тоска-а-а-а... Я украдкой зевнула.

– Ваш куратор, мэтр Зотис, очень переживал, когда получил черепаху. Он мечтал о пуме или о ком-то другом, столько же устрашающем и сильном.

Я вспомнила черепаху в руках куратора и фыркнула. Да уж, везунчик. Преподаватель не обратил внимания на мой смешок, зато Чим встрепенулся:

– Ага! Ага! Это же дерзкая студентка! Смотрите-ка, все же пришла на занятие!

– Тихо, Чим! – урезонил его магистр. – Мэтр Зотис переживал, а зря. Ведь черепаха – символ упорства в достижении цели. Ворон – мудрости. Жаба – уверенности в себе.

Все, чую, ходить мне с жабой до конца моих дней!

– А ваш обтрепанный воробей что означает? – спросила я.

– Быстроту ума, – не моргнув и глазом преподаватель. – А теперь скажите мне, зачем, как вы думаете, нужны фамильяры?

– Всегда есть с кем поболтать? – предположила Клара.

Ага, тебе-то это необходимо.

– Тоже правильно. Еще мнения? Да, Верт, говори.

– Они могут становиться невидимыми и шпионят для своего хозяина. Пролезут в любую щелочку, все запомнят и расскажут.

– «Шпионят» не самое подходящее слово... Но да, в целом ты прав.

– Они обладают отличной памятью. Могут запоминать массу важной информации. Даже на экзамене знания фамильяра не будут считаться подсказкой.

Да-а? Удобненько! Годится! Хоть какая-то польза от этих блохастых.

– Фамильяры – аккумуляторы энергии. Благодаря им магичаровники всегда могут пополнить запас, – сказал Ди.

– Они защищают своего хозяина, – робко пробасила Мальвина. – Будут сражаться до конца. С помощью когтей, зубов, клювов...

– Мягких жабьих лапок, – не выдержала я.

Все захохотали. Я приосанилась, но ненадолго. Тот самый патлатый вредный тип, что возмущался по поводу сковородок, – его, как выяснилось, звали Верт – оглядел меня с ног до головы и выдал:

– Придется тебе самой защищать свою жабу!

Я показала ему неприличный знак, принятый у магов: перекрещенные указательные пальцы, мол, прокляну!

– Никто не назвал ясновидение, – добавил магистр, дождавшись, пока в кабинете снова установится тишина. – Некоторые фамильяры умеют заглядывать в будущее и предупреждать своих хозяев о грядущих событиях. А теперь вставайте, подходите ближе. Вас ждет первое практическое занятие!

Мы высыпали на песок. Правильнее, конечно, будет сказать: они высыпали на песок, а я степенно взошла. Я что же, курица с отрубленной головой, чтобы бегать?

– Мы уже сегодня получим фамильяра? – затараторила Морковь. – Сегодня, сегодня? Волнуюсь! Очень волнуюсь!

– Вряд ли. Ваша магия пока в зачаточном состоянии.

Увы, да. Магами нас всех можно назвать с большой натяжкой. Отпрысков аристократических семей строго-настрого запрещено обучать дома, чтобы не испортить дар. Раньше некоторые молодые люди так сильно хотели стать ведунами, что лишались и дара чаровников. Он перегорал в них из-за неправильных упражнений. Поэтому нашу магию станут развивать только сейчас.

– Вставайте в круг и соедините ладони.

Клара и Бруно взялись за руки. Магистр Рауф вздохнул.

– Свои ладони. Свои.

Клара залилась краской, Бруно побледнел и снова стал выглядеть так, будто свалится в обморок прямо на пол. Я профилактически ткнула его в бок, чтобы привести в чувство.

Ну что за жалкие существа. Пропадут ведь без меня.

В первый учебный день нас не стали напрягать слишком сильно: вводная лекция, практикум по призыву, а после обеда – свободное время. Относительно свободное, потому что уже в пять вечера студентов ждали дополнительные занятия.

В столовой я нет-нет да разыскивала взглядом Роя. Он сидел за одним столом с Мериндой, Зеей и тем самым драчуном – Теренсом. На меня, понятное дело, и внимания не обращал. А я впервые в жизни не знала, как себя вести.

Останься со мной мое очарование, мне бы и палец о палец не пришлось ударить, чтобы обворожить Роя, достаточно было многообещающе улыбнуться – и он упал бы к моим ногам. А теперь... Как толстушке-простушке влюбить в себя красавца-ведуна? Непростая задача. Не могу сказать, что моя обычная решительность мне изменила, но я определенно начинала сомневаться в своих силах.

– Не переживай, Пеппи, – услышала я голос Клары. – Ни у кого толком ничего не получилось: призыв фамильяров непростое дело.

Фамильяров? Вот уж о чем я меньше всего переживала. Как-нибудь проживу без своей жабы! Было лишь немного досадно, что «легкое дрожание воздуха, будто над травой в жаркий день», как объяснил препод, так и не появилось между моих ладоней. Они вспотели и тряслись от напряжения – это все, чего я добилась на практикуме.

– А вот у Ди между ладонями сгущался туман, – сказала Мальвина. – И будто даже что-то стало вырисовываться. Зачем ты так быстро соединил ладони, Ди?

Тот небрежно пожал плечами:

– Тебе показалось. Ты ведь не думаешь, что я сегодня же обзавелся фамильяром, Маль?

Маль? Это что же, он дал ей дружеское имя? Плохой знак! Они, похоже, думают, что мы тут все станем друзьями? Нет уж, увольте меня из этого кружка чудаков!

Я зачем-то вспомнила, как они рванули за мной следом после лекции мэтрисс Звонк, решив, что я расстроена. А я потом вписала их

всех в театральную студию. Не иначе со мной случился короткий приступ размягчения мозга!

А впрочем... Да! Я составлю из них свою новую свиту! Свита, конечно, неказистая, но на первое время сойдет. Я сразу поднимусь в глазах Роя и этих задавак – бывших подруг.

Надо потихоньку приучать своих чудаков прислуживать мне.

– Клара, принеси-ка графин с морсом.

– Зачем? – удивилась Морковь. – У нас еще сок не закончился.

– Да, сок не закончился, а я хочу морс!

Мне самой понравилось, как повелительно прозвучал мой голос. Клара и Мальвина переглянулись, и Клара стала выбираться из-за стола. Однако Ди ее опередил – поднялся первым. Но перед этим внимательно и серьезно поглядел мне в глаза, будто надеялся отыскать в них какой-то ответ.

Через некоторое время передо мной на стол опустился графин с морсом.

Мы продолжили обедать в полной тишине, которую вскоре нарушил голос Моркови:

– Спасибо, Ди. Утром Пеппи выручила тебя, принесла салфетки.

Прозвучало так, будто Морковь старается меня оправдать.

– Я помню, – сдержанно произнес Ди. – И ты вовсе не должна благодарить меня, Клара.

На что он намекает? Что это я должна его поблагодарить? Мечтай-мечтай, цыпленок.

Все происходило не так, как я представляла. Будто они вовсе не собирались мне прислуживать, а... Что? Платили добром за добро? Фу, мерзость.

– Пойду прогуляюсь! – сообщила я. – Встречаемся в пять у театрального павильона.

Мне нужно побыть одной. Подумать обо всем. Столько всего свалилось на голову за последний день, что разум просто не успевал разложить новости по полочкам.

Я наворачивала круги по аллеям, посыпанным песком, кружила вокруг корпусов, хозяйственных построек, стараясь держаться подальше от других студентов.

Как бы я ни хорохорилась и ни подбадривала себя, привычный мир продолжал рушиться. Рассказ о маме выбил меня из колеи, так

выбил, что я не могла как следует обдумать все, что услышала.

Проще поразмыслить о насущных проблемах.

Итак, я чаровница, застрявшая в теле корпулентной, как сказала бы Мальвина, особы. Рой на меня и не посмотрит. Да еще эти странные задания от мэтрисс Звонк. Что они означают? Ума не приложу. Было бы намного проще, появиись у меня план. Но плана пока не было... Вернее, очень зыбкий и ненадежный – получить роль в одной постановке с Роем, и желательно главную. Тогда нам придется общаться. Приглядится, привыкнет, а там, глядишь, и...

Я со вздохом опустилаь на скамейку и спрятала лицо в ладонях. Я обманываю себя: никогда он не разглядит во мне нечто большее, чем простушку-толстушку, потому что без своего очарования, унаследованного от прабабки-нимфы, без своего титула – я и есть толстушка-простушка. И придется приложить невероятные усилия, чтобы Рой заинтересовался Пеппилоттой...

– Ладно! – сказала я вслух. – Ничего! Сегодня только первый день. Все получится. Я никогда не сдавалась и сейчас не сдамся!

Над крышами и макушками деревьев прозвучали пять гулких ударов – будто великан бил огромной колотушкой по медному гонгу.

Пять вечера! Я со всех ног поспешила к театральному павильону, где рядом со входом толпились студенты. Их было гораздо больше двадцати. Пусть только попробуют пролезть вперед и занять мое место!

– Пеппи! – воскликнула Клара. – Мы здесь!

Я издалека заприметила ее рыжие волосы и пошла, словно на свет маяка. Рядом стояли мои чудилы в полном составе. Глядя на них, я испытала непривычное чувство. Мне нравилось гулять одной, приводя в порядок мысли, но вовсе не хотелось бы стоять в одиночестве у стены, ловя на себе презрительные взгляды Ринды и Зеи: эти две голубушки тут как тут – стоят рядом с Роем. Я, пожалуй, обрадовалась своим чудилам, вот! До чего странное ощущение!

К павильону решительным шагом приблизилась высокая молодая женщина с прической, состоящей из множества косичек. Бахрома на длинной юбке подметала землю, а на груди незнакомки сияла вычурная брошь. За ней следом шествовал гибкий хорек, поблескивал глазами-бусинами. Женщина сняла с пальца перстень, приложила к двери, отпирая магический замок.

– Заходите, ребята, будем знакомиться! Я стану вести у вас театральную студию, и зовут меня мэтрисс Нинон. Как вас много! Придется устроить прослушивание.

Проклятье, именно этого я и боялась! Никогда не задумывалась, есть ли у меня актерские способности. Да и из стихов я знала наизусть лишь детское «Маленькой березке жарко на лугу».

Но какие у меня варианты? Только вперед!

– Вот! Это она! – Студентка-ведунья уставила на меня указательный палец, не успела я протиснуться в дверной проем.

Я узнала писклю – девицу, что больше всех возмущалась у расписания. Успела наябедничать мэтрисс Нинон и теперь победоносно поглядывала на меня.

– Ничего, Раиса, желающих все равно больше, чем может вместить группа, – успокоила писклю руководительница.

Она обвела нас заинтересованным взглядом.

– Присаживайтесь. Мне очень приятно, что у нынешних первокурсников лидирует театральная студия. В прошлом году открыли было Клуб поединков...

Парни встрепенулись и переглянулись: Клуб поединков? Где? Как мы пропустили?

– Но его закрыли очень быстро из-за несчастного случая.

Парни понурились. Мы побрели рассаживаться на кресла, стоящие полукругом у невысокой сцены. Задник был задрапирован плотной тканью, с потолка свисали веревки и лесенки.

На настоящей театральной постановке я побывала раз в жизни. Мне едва исполнилось шесть, когда папа поехал по делам в столицу и взял меня с собой. Несколько дней мы провели в гостинице – в Освинге у нас есть небольшой особняк, но он долгое время стоял закрытым. Ради нескольких дней не стоило везти слуг, расчехлять мебель, прогревать комнаты.

От той зимней поездки воспоминаний почти не сохранилось, но навсегда осталось теплое ощущение моей ладошки в большой папиной руке. В театре давали детский спектакль, и мы сидели на первом ряду. Был канун праздника Пробуждения Солнцеликой, когда темные холодные дни переставали идти на убыль и начинали потихоньку удлиняться: год поворачивал к весне.

Я позабыла сюжет сказки, помню только, как в темноте зала над головой проносился сверкающий дракон, как крошечная фея присела мне на колени и смешно чихнула. На сцене танцевали и пели, и весь мир заполнился волшебством.

«Папа, папа, а ты можешь мне наколдовать феечку?» – умоляла я позже отца.

Он с грустной улыбкой качал головой: «Нет, это умеют только чаровники. Твоя мама смогла бы...»

Мама смогла бы... Почему я вспомнила этот разговор только сейчас?

Я отвлеклась и не заметила, что начались прослушивания. Мэтрисс Нинон выудила из-за портьеры облупленный стул, села напротив сцены. Хорек у ее ног встал столбиком, обвив ноги пушистым хвостом. На сцене маялась пискля, выпучивала глаза. Изображала то ли страдание, то ли старание – не разобрать.

– Что происходит? – спросила я у Клары.

Та удивленно на меня воззрилась.

– Театральные этюды. Ты все прослушала, Пеппи? Мэтрисс Нинон дает задания и смотрит, как мы справляемся. Я так волнуюсь, так волнуюсь. Ведь может достаться что угодно!

– А что силится изобразить пискля? Дерево дуб?

Клара моргнула. Потом хихикнула.

– Пеппи! Так нельзя! Но смешно, не могу! Она изображает невесту, узнавшую о гибели возлюбленного.

Мэтрисс Нинон пару раз хлопнула в ладони. Мне понравилось снисхождение на ее лице – хороший знак, что писклю не примут.

– Спасибо, Раиса. Присаживайся. Кто следующий?

На сцену, игнорируя ступеньки, взлетел красавчик Рой. В спину ему неслись восхищенные вздохи девиц. Рой всего день в академии, а уже обзавелся поклонницами. Я закусила губу. Будет непросто к нему подобраться.

Мэтрисс Нинон подалась вперед, будто уже примеряла на красавчика главную роль.

– Что же, проверим, насколько ты хорош... – пробормотала она себе под нос.

Она задумалась, Рой в это время прогуливался по сцене туда-сюда, зная, что отлично смотрится. Разве что не раскланивался. Руководительница оглянулась и скользнула пристальным взглядом по нашим лицам.

– Нужна помощница.

– Я! – Моя рука взлетела вверх.

– Рой, держись! – раздался с заднего ряда приторно-сладкий голосок Меринды. – Будет трудно, но ты справишься. Можешь представлять меня.

Как бы заткнуть ей рот? Но в голову, как назло, не пришло ничего умнее злобного бормотания: «Затухни, Ринда!»

Мэтрисс Нинон притащила на сцену еще один стул, столь же облезлый и ненадежный, как первый, поставила в центре. Я опасливо приземлилась на него, пропуская смешки мимо ушей.

– Все хорошо, я зачаровала его. Он выдержит.

– Слава Солнцеликой! А то мы так волновались за бедняжку Пеппи! – не унималась Меринда.

– Еще одно высказывание, и вы, юная леди, можете считать себя свободной от прослушивания, – урезонила ее руководительница. – Рой, тебе нужно объясниться в любви Пеппи так, чтобы мы все поверили.

Неожиданно! Против воли в груди затеплилась слабая надежда, что, если Рой хорошо сыграет роль, заклятие спадет. Кто знает, как действует магия? Слова любви прозвучат, нежный взгляд устремится на меня – и все сработает. Волнуясь, я стиснула руки на коленях и попыталась представить, как выгляжу со стороны – такая дородная особа, сдавленная в районе живота поясом юбки и в натянувшейся на груди блузке. Хлипкий стул покряхтывал подо мной. Прыщи горели в свете рампы.

– Хм-м-м... – нерешительно произнес Рой. – Эм...

По рядам прокатились смешки. Лица расплывались в улыбках.

«Они смеются не надо мной! – сказала я себе. – Над ситуацией. Ведь это правда забавно... Красавчик и... пузырь. О Солнцеликая! Дай мне сил не пасть духом!»

Я распрямила плечи, стул подо мной громко квакнул.

– Пеппи, кажется, твоя жаба подает голос! – вякнул Верт.

И этот здесь! Зараза! Зачем я вызвалась!

Взгляд зацепился за моих чудиков. Клара сжимала у груди кулаки, желая удачи. Мальвина и Бруно в унисон кивали, как два болванчика, мол, да-да, ты хорошо справляешься. Ди с прищуром разглядывал Роя.

– Я! Люблю! Тебя! – патетически воскликнул Рой, вытянув руку.

Нервно шагнул вперед и бухнулся передо мной на одно колено.

– О! Несравненная! Твоя красота сравнится лишь с твоей добротой!

Он вопил так, что у меня уши заложило, видно, решил взять усердием, а не мастерством. М-да, может, он и обманет мэтрисс Нинон, но заклятие – точно нет. Руководительница прижала палец к уху и потрясла головой.

– Ладно, Рой, спасибо. Это было сложное задание, я понимаю.

Понимает она! Мэтрисс Нинон сразу упала в моих глазах на несколько пунктов.

– Я принят?

– Это станет известно после окончания прослушивания. Кто-нибудь еще хочет попробовать себя в роли влюбленного?

Спасибо, это без меня! С меня хватит. Я начала вставать с хлипкого стула. Осторожненько, не хватало только грохнуться на пол на виду у всех. Что-то внутри дергало и ныло, точно больной зуб. Как же тяжело, оказывается, не отводить взгляд, не горбиться, не показывать вида, что тебя задевают смешки. Громче всех хихикала Меринда, я узнала ее визгливый голос. Моего смущения они не дождутся!

– Подожди, Пеппи, у нас еще желающий.

Я, выдохнув через ноздри, словно огнедышащий дракон, шлепнулась обратно на стул и злобно уставилась на студента, выбирающегося на сцену.

Это был Ди.

А этого-то куда понесло! Тоже мне, герой-любовник!

Зрители затаились, готовые разразиться хохотом, стоит Ди хоть чуточку облажаться. Очень уж мы колоритная парочка, с нами бы комедию играть, а не любовную сцену ставить. Судя по сосредоточенному виду Ди, он тоже это прекрасно осознавал и потому не торопился.

Он прошел по сцене, приблизился к горе реквизита, сложенного у стены. Со своего места я видела свернутые ковры, вазы с искусственными цветами, зеркала и кучу разного хлама. Так вот откуда мэтрисс Нинон выуживала стулья! Ди присмотрелся и выхватил из корзины потрепанную книжицу. Пролистывая, прошелся по сцене. Вынул из нагрудного кармана карандаш и принялся что-то писать на полях. Замер поодаль, посмотрел на меня.

Стояла мертвая тишина. Признаюсь, даже мне сделалось любопытно, что задумал цыпленок. Я застыла, боясь сдвинуться и квакнуть стулом: не хватало только новых язвительных замечаний Верта.

*Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли... —*

медленно начал Ди, и у меня перехватило дыхание.

Я узнала – да кто бы не узнал! – сонет великого поэта. История не сохранила его имени, все называли его просто Бард. В папиной библиотеке хранился томик стихов, и я, когда накатывала необъяснимая печаль или шел осенний хмурый дождь, садилась на подоконник, закутавшись в плед, и перечитывала бессмертные строки. Никто другой не умел так говорить о любви...

Хитро, Ди! Я невольно восхитилась, с каким изяществом цыпленок выкрутился из щекотливой ситуации.

Читал он, признаюсь, неплохо. Не торопился. Казалось, он рассуждает вслух, а стихотворение рождается будто само собой. Да и задумка с книгой хороша.

Ди помолчал, снова черкнул в книге, кивнул и продолжил:

*Так я молчу, не зная, что сказать.
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
моя любовь, которой нет предела.*

*Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.*

С каждым новым словом он подходил все ближе, пока в конце концов не остановился в шаге от меня и не положил раскрытую книгу на мои колени.

*Прочтешь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой? 1*

Тишина звенела от напряжения. Казалось, зрители вдохнули, но боялись выдохнуть, чтобы не спугнуть очарование. В книге, лежащей на моих коленях, действительно было что-то написано. Ну и корявый же у тебя почерк, Ди! А цыпленок не уходил, не кланялся и не подавал знака, что этюд законен. Чего он ждал?

Я скользнула глазами по строчкам. О, вот оно что!

«Пеппи, подыграй мне. Когда я опущусь на колено и протяну руку, скажи: «Согласна»».

Ди, надо отдать тебе должное, твоя крошечная черепушка чего-то да соображает! Я подняла на него глаза и едва заметно кивнула. Цыпленок быстро улыбнулся, но тут же сделался серьезен.

Он опустился на колено вполне изящно для такого несуразного существа. Я вложила в его ладонь свою и хрипло произнесла:

«Согласна!»

Вот уж не ожидала, что мы произведем такой фурор! Зал взорвался аплодисментами. Парни свистели и улюлюкали, выражая восхищение, и я с удивлением заметила, что некоторые прехорошенькие девчонки разглядывают заморыша Ди с толикой изумления и приязни.

Ди помог мне встать и повел к нашим местам.

– Ну ты артист! – прошептала я. – Не ожидала! Ловко притворился!

Ди пожал плечами, мол, было бы чем восхищаться.

Мэтрисс Нинон покраснелась, глаза ее сияли.

– Принят! Дмитрий, у меня нет слов! Оба приняты! Пеппи вне конкурса за недюжинную смелость.

Хоть какой-то положительный момент моего позора!

Итак, я в группе – полдела сделано. Оставалось надеяться, что Роя не бортанут: он явно пришелся по душе руководительнице, хоть и не сумел связать двух слов. Но такому, как Рой, можно и рта не раскрывать: на него уже просто смотреть – сплошное удовольствие. Должна ведь мэтрисс Нинон это понять?

На сцену вскарабкался невзрачный ведунишка, и я решила, что пора отправляться восвояси. Не успела оторвать свою пятую точку от сиденья, как со всех сторон зашикали. Мешаю я им, видите ли.

– Пеппи, ты куда? – удивленно прошептала Морковь.

Чем дольше длились прослушивания, тем бледнее становилась Клара. Она ерзала, шмыгала носом и бормотала стихотворные строки.

«Как куда? Домой. Отдохнуть, растянуться на кровати, трудный был день!» – собиралась сказать я, но поймала на себе красноречивый взгляд Ди.

«Чего?» – приподняла я бровь.

Он посмотрел на нервничающих чудиков, потом на сцену. Проклятье, не намекает ведь он, что я должна задержаться? Ладно, так и быть. Все равно нужно узнать, оставят ли Роя.

– Да никуда! – буркнула я, усаживаясь на место. – Разминалась.

Морковь справилась вполне неплохо, прочитав наизусть слезливую балладу. Я принялась подталкивать к проходу съезжившуюся в кресле Соломинку: быстрее начнет, быстрее закончит, но та переглянулась с Бруно и затрясла головой.

– Я не хочу, – заявила она внезапно. – Мы с Бруно пойдем на танцы.

– Чего? – возмутилась я. – Здрасьте! Я вас с таким трудом записала, и никакой благодарности!

– Вообще-то мы не твои слуги, чтобы ты распоряжалась нашими желаниями! – вдруг взбрыкнула обычно покладистая Мальвина. – И не твоя собственность! И не обязаны тебя слушаться!

Ишь, как заговорила! Я растерялась: такой отповеди мне прежде слышать не приходилось. Вот так цаца! Никто мои решения никогда не оспаривал, а значит, они верные. Верно? За поддержкой я оглянулась на Ди, но он встал на сторону Соломинки.

– Так и есть, Маль. Почему раньше молчали? Столько времени потеряли!

Мальвина схватила Бруно за руку и потащила за собой к выходу. Ди и Клара, пунцовая от радости, что ее приняли в театральную студию, – следом. Я осталась сидеть, покусывая губы от злости. Виданное ли дело – так пренебречь моей заботой! Я о них пеклась, выдержала бой за карандаш! А они... Бесчувственные пни! Не понимают своего счастья.

Вслед за первым днем, таким длинным и насыщенным, вереницей потянулись следующие дни, все ускоряя ход. Утром не успеешь открыть глаза, моргнешь – и пора готовиться ко сну. Преувеличиваю, конечно, но по ощущениям так.

До обеда занятия. Студенты-чаровники усиленно практиковались в призыве фамильяров, пока без особых успехов, в то время как студенты-ведуны потихоньку учились обуздывать стихии. Пару раз я издали наблюдала за их занятиями. Частенько они проходили на опушке среди деревьев: упражняться с воздушной стихией легче всего на природе, это позже, когда ведуны полностью овладеют силами ветров, можно перенести занятия в павильон.

Смотреть на то, как Меринда, а следом за ней и Зея закручивают опавшие листья в вихревую воронку, было по-прежнему больно. Я от всей души желала им неудачи и, когда листья разлетались веером по площадке, считала это своей маленькой победой. На Белль я не глядела: неблагоприятное занятие. Ее вихревые воронки всегда были идеальны.

Высокую кулинарию вела мэтрисс Кеоля. Она привела нас в полуподвальное помещение с прокопченным потолком и древними печами, что работали на магическом огне. Вдоль стен на открытых полках, занимающих пространство от пола до потолка, стояли склянки разных размеров с травами, крупами, приправами, эликсирами. В корзинах у столов лежали картошка и морковь. Запах жареного лука, казалось, пропитал стены, и стоит пробыть на кухне хотя бы несколько минут, как он навсегда въестся в мою кожу. Я нервно потеряла друг о друга ладони, будто они покрылись тоненькой пленкой жира.

Клара и Мальвина, как обычно, излучали энтузиазм. Мэтрисс разрешила все осмотреть, и в то время как я застыла около стола, боясь прикоснуться к чему-либо, чтобы не испачкаться, они вертели в руках флаконы с разноцветными жидкостями и порошками.

– Чаровники называют их экстрактами или эссенциями, – объяснила мэтрисс Кеоля, когда на нее обратилось множество любопытных взглядов.

Ах вот оно что. Название я, конечно, слышала, но раньше не совалась на кухню, чтобы узнать, какие именно экстракты добавляет в пищу кухарка. Их умели изготавливать только чаровники, и стоили такие эликсиры немалых денег.

– То, что у тебя в руках, Тильда, экстракт благодушия, – продолжала преподавательница. – А та густая субстанция синего цвета, которую пытается понюхать Вертран, эликсир быстрого избавления от простуды. Некоторые, особо ценные экстракты, состоящие из редких ингредиентов, здесь не представлены, но в свое время мы обязательно будем учиться их составлять. Например, эссенция чистой удачи...

На этом месте мне впервые сделалось интересно, и я выпалила, не дожидаясь, пока мэтрисс Кеолея закончит предложение:

– А любовное зелье? Такое бывает?

Преподавательница и бровью не повела, продолжив рассказывать:

– Или эссенция мгновенной памяти: любой человек, употребив его, запомнит книгу слово в слово, лишь пролистав ее. Экстракты как добавляются в пищу, улучшая ее качества, так и употребляются отдельно.

Я пританцовывала на месте от нетерпения, но в этот раз дождалась, пока преподавательница сделает паузу, и снова задала вопрос:

– А любовное зелье?

– Бедной Пеппи только это и нужно, – сокрушенно покачал головой Верт.

Парочка противных однокурсниц подхихикнула, я пронзила их взглядом, и они предпочли слиться со стеной.

– Строго говоря, Пеппилотта, никто не называет это зелье любовным, но существует эликсир, который на время может вызвать повышенный интерес со стороны другого человека. Тот перестает видеть недостатки и обращает внимание на достоинства.

Как любопытно! В моем арсенале оно не помешает. Пока я ни на шаг не придвинулась к желанной цели – к охмурению Роя. На занятиях театральной студии он держался особняком, в окружении девчонок-ведуний, и вместо того, чтобы повторять скороговорки или участвовать в этюдах, только и делал, что раздавал направо и налево улыбки и шуточки. Клара сказала, что он записался в студию лишь для того,

чтобы покрасоваться, а я ответила ей, что, будь у нее такая внешность, она бы тоже не отказалась покрасоваться. Чем больше я издали любовалась Роем, тем сильнее он мне нравился.

Никогда не понимала, какво это: желать заполучить кого-то так сильно, что руки сами собой стискиваются в кулаки, а по коже бегут мурашки. Прежде мне хватало одного взгляда, единственной улыбки, чтобы желанный объект оказывался у моих ног.

Иногда я мысленно возвращалась в последний вечер, когда моя грация и мое очарование были при мне. Вспоминала, как Рой прервал разговор с Домиником и поспешил за лимонадом. Тогда он тоже показался мне симпатичным, но внутри не пекло так невыносимо при взгляде на него. Я даже думаю, останься я прекрасной Алисией, здесь, в академии, я хоть и приняла бы красавчика в свою свиту, вряд ли обмирала бы от одного его присутствия.

Почему жизнь – такая сложная штука?

– На наших занятиях эликсир привлекательности, так он правильно называется, мы готовить не будем, – спустила меня с небес на землю мэтрисс Кеолея.

Послышались тихие девчачьи вздохи и гнусное хихиканье парней. Но я не слишком расстроилась: главное, что любовное зелье существует, а рецепт достанем!

– Вас ждут впереди очень увлекательные практикумы, – закончила приветственную речь преподавательница. – Но начнем с простого. Вернитесь к столам и посмотрите, что я для вас приготовила.

– Картошка? – сморщила я нос. – Вы меня не заставите!

Мэтрисс Кеолея снова проигнорировала мои слова.

– Знаю, дома немногим из вас приходилось самостоятельно готовить ужин.

– Мне приходилось! – подняла руку Клара.

– Но высокая кухня невозможна без азов. Поэтому надевайте фартуки и ставьте корзины на стол. Если не знаете, как обращаться с ножом, пока не трогайте. Я ко всем подойду, покажу.

Клара, Мальвина и даже Бруно с Ди бодро облачились в передники. Девчонки радовались так, словно впереди их ожидало чудесное приключение, а не тоскливая и грязная работа. Клара уже всю чистила картоху и гордо на нас поглядывала. Есть чем гордиться! На ее месте я бы скрывала, что работала кухаркой в отчем доме.

Я не притронулась к фартуку и скрестила руки на груди. Мэтрисс Кеолея переходила от одного студента к другому, брала в руки нож, объясняла.

Какая гадость! Мерзость! Пошлость! Я, дочь графа Уэста, ни разу в жизни не испачкавшая рук тяжелой работой, вынуждена трогать эту вульгарную картошку? В то время как зеленухи упражняются с ветрами! На глаза навернулись злые слезы.

И вдруг, словно стараясь разозлить меня еще сильнее, под потолком, лавируя в воздушных потоках, промчался бумажный

голубок. Не иначе как магия ведунов! Пока все пыхтели над грязными клубнями, я не спускала глаз с голубка.

Он сделал круг над нашими головами и спланировал на стол рядом с Тильдой – одной из самых симпатичных чаровниц на курсе. Она оглянулась, пожала плечами, осторожно взяла бумажного голубка за крылышко, и он тут же развернулся, превратившись в записку.

Тильда нахмурилась, прочитала и неожиданно разулыбалась, кокетливо заправив прядь волос за ухо. Но тут же сморщилась, вспомнив, на что сейчас похожи ее руки, а я злорадно фыркнула.

Что же это за голубок? О чем записка? Меня снедало любопытство. Тем более что еще несколько птичек незаметно для преподавательницы спланировали в руки чаровников. Будто их выбрали и приглашали куда-то. Но куда?

Нам-то с моими чудиками такие перспективы не светят. Я пригляделась к худенькой Тильде. Пойти отобрать, что ли?

– Пеппилотта, а ты почему до сих пор не в фартуке? – строго спросила мэтрисс Кеолея, как по волшебству вырастая рядом со мной.

– А я не собираюсь чистить картошку, – пожала я плечами. – Вот так.

– Отлично, Пеппилотта. – В голосе преподавательницы не появилось и намек на злость. – Понимаю. Ставлю тебе в журнал неуд, который придется отработать. А теперь, будь добра, выйди за дверь и жди окончания занятия в коридоре.

Я изобразила безразличную улыбку, мол, плевать я хотела на ваши неуды и ваши отработки, но в глубине души понимала, что это серьезно. Пять неудов – и я не допущена к экзаменам. Не сдам экзамен, и выгонят из академии. Что дальше? Аристократка без магии – позор на всю жизнь.

Но разве я могла показать испуг? Я гордо расправила плечи и отправилась восвояси.

Дверь оставалась чуть приоткрыта, и сквозь створки прямо на моих глазах проскользнул новый голубок. Так-так, интересно!

Я захлопнула дверь и принялась ждать, надеясь, что это была не последняя летучая записка. Скоро раздался шелест бумажных крыльев. Голубок со всей силы стукнулся о дверь и упал на пол, его бумажный нос погнулся, и крыло помялось. Когда я схватила его, он еще трепыхался, будто живой, – он явно был предназначен не мне. Но когда

я развернула послание, он превратился в обычный лист бумаги, покрытый неровными строчками.

«Дорогая чаровница или чаровник, наш клуб “Сияющее сердце” выбрал тебя своим членом. Ждем тебя сегодня вечером, как только стемнеет, в доме номер три на аллее ведунов на тайное собрание. Помни, тайное собрание на то и тайное – никому не рассказывай о нем, иначе ты будешь с позором изгнан из клуба. На входе сообщи пароль: “Лучший из лучших”. Твой друг Рой Гартти».

Рой Гартти! Рой организовал клуб, куда набирает членов из самых знатных и красивых первокурсников. Умно! Я бы сама так сделала. Но вот незадача – меня он точно не позовет! А мне кровь из носу нужно просочиться в этот клуб для избранных! Гадство! Что же делать?

Я нервно закусила губу. В это время следующий голубок, седьмой по счету, впечатался в дверь, и решение пришло само собой!

В записках нет имен – это мне на руку. Если я появлюсь на тайном собрании, да еще назову пароль, всем придется сделать вид, что так и надо. Однако лучше, если мы придем втроем – я, Клара и Мальвина. Пусть Рой решит, что заклинание дало сбой и голубки ошиблись.

Сам виноват – была бы я на его месте, подготовилась бы лучше. Признаю, летающие записки выглядели эффектно, но этот способ крайне ненадежен.

По коридору прокатился мелодичный перезвон колокольчиков – сигнал к окончанию занятия. Как не вовремя! Сейчас однокурсники ломанутся в столовую, как в такой суматохе ловить последнюю бумажную птичку? Если она вообще прилетит.

За дверью уже раздавались шаги и веселый гул голосов, когда под потолком появился еще один голубок. Я подпрыгнула, как дикая кошка, и поймала его в полете, надорвав крыло. Не страшно, главное, он у меня в руках!

Я выхватила из оравы чаровников Соломинку и Морковь, оттащила их к подоконнику. Ди и Бруно затормозили было, но я замахала на них руками: идите куда шли. Сутулый и Цыпленок нам точно не нужны на вечеринке, где соберутся одни красавчики. Осталось убедить девчонок.

– Смотрите! – Я протянула им записки. – Нас приглашают на закрытую вечеринку!

Морковь недоверчиво вертела в руках изрядно помятый лист.

– Нас? Точно? Как получилось, что все три приглашения попали к тебе в руки?

Надо же, какая въедливая.

– Как получилось? Как получилось... Да никак. Пришел ведун, отдал их мне и сказал, что приглашения для меня, Клары и Мальвины.

Так откровенно врать мне пока не приходилось, но чего не сделаешь ради цели! В конце концов, это вранье во благо. Без меня эти двое чудил никогда в жизни не прорвались бы в элитное общество.

Морковь нахмурилась, а Соломинка воодушевилась.

– Как здорово! Я слышала, что в академии организуют тайные общества и закрытые собрания, но никогда бы не подумала, что окажусь на одном из них так скоро!

– Вот видишь, Клара, Маль согласна! – Ради дела я вспомнила дружеское имя, которое Ди дал Каланче.

– Парней с собой возьмем?

– Парней?

Я сначала не поняла, про каких парней она говорит. Догадавшись, мысленно хмыкнула: «Парней!» Цыпленок и Бруно – красна девица, который, чуть что, пытается свалиться без чувств. Нет уж, обойдемся без этих сокровищ!

– Мы бы их, конечно, взяли, – дипломатично ответила я. – Но у них нет приглашений. А тайну, сами понимаете, разглашать нельзя. И вообще, не хотите – не ходите, сама пойду.

– Нет, мы пойдем. Да, Клара? – вспыхнув, воскликнула Мальвина.

– Ладно, – нехотя согласилась та. – Не могу ведь я вас бросить.

* * *

«Вечером, как только стемнеет» – понятие растяжимое. Почему нельзя указать точное время? Ох уж эта таинственная таинственность. Солнце закатилось за горизонт, погасли последние багровые отсветы, и мы согласились, что ждали достаточно.

Мальвина заплела нам косы – единственное украшение, которое можно позволить себе в академии во время учебного года. Мои волосы всегда укладывала горничная, я никогда не предполагала, что сладить с прической так сложно. Останься при мне копна моих золотисто-рыжих волос, что вились крупными локонами, я бы и не подумала собирать их в уродливый хвостик. Но нынешние жидкие темно-русые пряди смотрелись более-менее прилично лишь в гульке, собранной на затылке.

Соломинка поправила косицу, лежащую на моем плече, разгладила алую ленту и сказала:

– Готово, иди полюбуйся на себя.

– Такое чудо украшать – только портить! – пробурчала я.

Самокритично, что уж, но я решила воспринимать нынешнее тело как временное пристанище. Мальвина неуверенно хихикнула.

– Тебе очень хорошо, правда!

Она увлекла меня в уборную, поставила перед зеркалом. Пришлось мельком взглянуть на поросячий пяточок Пеппилотты.

Стоит признать, что косы мне действительно оказались к лицу, – оно выглядело не таким полным, а зловещие пупыри на лбу – все пять штук, ни один гад меня не покинул! – терялись на фоне алых лент.

– Ладно, нормально, – выпалила я.

В темноте мы подобрались к аллее ведунов. То там, то здесь за нами следовали фигуры, скрытые мглой, раздавались приглушенные голоса и смешки: адепты тайного общества сходились на собрание.

У входа в дом номер три под зеленой крышей тускло мерцал светлячок, невидимый издалека.

– Нам сюда, – прошептала я, хватая обеих оробевших соседок за руки и волоча за собой.

Из-под запертых ставен дома не пробивалось ни единого лучика света: полнейшая конспирация. Морковь и Соломинка уже готовы были сдать и повернуть назад, но кто бы им дал! Я на время выпустила руку Мальвины, надеясь, что трусишка не сбежит, и стукнула в закрытую дверь.

– Кто там? – спросил мужской голос, которому вторило девичье хихиканье.

– Лучшие из лучших! – бодро отрапортовала я.

Дверь распахнулась. На пороге появился Теренс – задира, который подрался с Ди. Он уставился на нас, выпучив глаза. Широкая улыбка на его холеной физиономии завяла.

– Э-э-э... Девочки, а вы к кому? – попытался выкрутиться он.

Не тут-то было. Я протянула заранее приготовленные записки и кокетливо прочиркала, теребя жиденькую косицу:

– Тайное собрание здесь проходит? Мы получили приглашения! Да, девочки?

Я толкнула Мальвину локтем в бок, как более стоворчивую. Она кивнула и издала нечленораздельный звук, который можно было принять за согласие. Теренс скривился, будто я заставила его надкусить кислое яблоко, но посторонился, пропуская.

– Комната налево, – досадливо буркнул он.

Судя по всему, мы находились сейчас на мужской половине дома, где проживал сам Рой Гартти. Полезная информация, пригодится в будущем.

Кровати и тумбочки из одной комнаты перетащили в другую, чтобы освободить место. Окна занавесили плотной тканью, на пол настелили одеяла и покрывала. Под потолком парили огневики-светлячки, тускло освещая пространство. Я снова почувствовала укол зависти. Огневики были слабые, хилые, кособокие, но ведуны настолько овладели магией огня, что сотворили их сами.

В центре комнаты на куске фанеры лежали бумажные кульки с закусками – орехами, вяленным мясом, сыром. Кто-то расстарался, доставляя лакомства из столицы. И денег небось отвалил немало. Хотя что гадать и далеко ходить – Рой все организовал, значит, он и добыл закуски.

Но это еще не все – посреди импровизированного стола высились бутылки из темного стекла. Я узнала вензель на этикетке – «Погреб старого Паула». Вино! Рой с ума сошел! Если куратор узнает, Рою не поздоровится!

На одеялах расселись первокурсники. Я узнала Тильду и еще кое-кого из однокашников. Они с недоумением разглядывали нашу троицу.

– А эти клуши что здесь делают? – раздался пронзительный голос.

О, Меринда! Как давно я не слышала твоих визгов! Даже соскучиться успела.

– У нас приглашения! – заявила я, размахивая в воздухе листами. – На тайное собрание! Как приятно! Столько знакомых лиц! Смотрю, и винишко привезли!

– Тихо, Ринда, – сказал Рой, появляясь у дверей. – Раз у девочек есть приглашения, значит, все в порядке. Присаживайтесь!

Он улыбнулся и незаметно стер с виска каплю пота. Ага, волнуется, что мы, незваные гости, растрезвоним про вино.

– Как приятно! – продолжала щебетать я, плюхаясь на покрывало, аж все косточки хрустнули.

Морковь и Соломинка приткнулись по краям. Я вытянула ноги – неудобно. Подогнула их под себя – неловко. О Солнцеликая, что за пытка?

– Какое счастье здесь находиться! Кто предложит девушке вина?

На самом деле я хорохорилась: я никогда прежде не пила вина. В подвале имения еще со времен дедушки хранились старинные бутылки, укутанные в паутину, как в одеяло. Говорят, такие стоят целое состояние. Лежали в нишах, сложенные красивыми пирамидами, бутылки, только чуть припорошенные пылью, – их дворецкий обычно закупал к праздникам и к приезду гостей. Но гости у нас случались редко, праздники мы отмечали в тесном семейном кругу, а папа предпочитал оставаться в ясном рассудке, поэтому бокал вина за ужином в выходной – все, что он себе позволял.

Отец Клары топил душевную боль на дне стакана, а мой стал трудоголиком – не знаю, что хуже. И если терпкая жидкость поможет на время отвлечься от проблем – почему не попробовать? В компании, где мы нежеланные визитеры, мне понадобится вся уверенность, какая возможна.

Теренс усмехнулся и щедро плеснул вина в три чашки, почти до краев. Подал нам. Я свою тут же ополовинила – в голове зашумело, противная физиономия Теренса внезапно показалась симпатичной. В груди потеплело. Вернее, в желудке – на этот раз я определила точно! Я принялась осматриваться, запоминая «избранных»: пригодится. Среди ведунов я знала немногих. Опасалась увидеть Белль, но ее не пригласили. Я мстительно похихикала и потеряла ладони. Почему-то думала, что проделываю это мысленно, и опомнилась лишь тогда, когда разговоры стихли и взгляды обратились ко мне.

Тильда протянула пакетик с сухарями:

– Пеппи, не торопись так с вином. Ешь!

– Хор-рошая ты деф-фчонка, Тильда! – радушно сказала я, неожиданно горячо возлюбив чаровницу. – Соломинка, бр-р-р... Мальвина! Клара! Вы тоже чүдные... Чудные... Не важно!

Клара, которая лишь пригубила вино, наклонилась к моему плечу и прошептала:

– Пеппи, пойдем на свежий воздух.

– Что? Сейчас? Когда веселье только начинается?

Я допила все, что оставалось в чашке, и поставила ее на стол, сигнализируя Теренсу, чтобы долил вина.

– Теренс, подожди, нам не нужны неприятности! – нахмурился сидящий рядом с ним Рой. – Смотри, как ее развезло.

У-ти, мой заботливый!

– На-аливай! – скомандовала я.

– Рой, да ладно тебе, смотри, девушке хорошо! – Теренс криво ухмыльнулся. – Пусть этот вечер ей запомнится!

Я поднесла к губам чашку и... остановилась. Мне не понравилась ухмылка Теренса, да и на закрытую вечеринку я пробралась с таким трудом не для того, чтобы через час превратиться в сопящий холмик у стены. Я сделала вид, что отпила, взяла ломтик сыра и прислушалась к разговорам, особенно к тем, что вел Рой. Он сидел неподалеку вместе с Мериндой и Зеей.

Если бы я не знала характера этих змеюк – я имею в виду бывших подружек – и если бы не страдала так от собственной уродливости, признала бы эту троицу самыми красивыми студентами на вечеринке. Мне бы хотелось оказаться в их кругу. Хотелось, чтобы Рой вот так, по-хозяйски, поправлял пряди моих волос, как проделывал это сейчас с волосами Меринды. Чтобы нежно и едва осязательно касался кончиками пальцев щеки... Ринда же, безмозглая курица, щебетала без остановки всякую чушь.

– Завтра практикум по азам воздушной магии. Тебе хорошо, Рой, ты сразу сдал. Ветра – это так скучно. Скорее бы мы занялись водной стихией... А папа обещал мне сшить новое платье к зимнему балу! Я буду неотразима! В новом платье и с тобой под руку!

Ну не идиотка?

Соломинка и Морковь тоже отыскивали себе собеседниц: не все «избранные» злопыхали, как Ринда.

Да вот незадача – я ни на шаг, ни на полшага не продвинулась к заветной цели, охмурению красавчика Роя. Он предупредил Теренса, что меня развезло, но считается ли это сближением? Очень сомневаюсь.

– А танцы будут? – спросил веселый, слегка заикающийся девичий голос.

Рой виновато развел руками, мол, где же танцевать, и так тесно.

– У-у-у, – протянул голос. – Скучна-а-а!

– Я знаю, во что можно поиграть! – сказал Теренс, подмигнув почему-то мне. – Деревенские научили. Я мальчишкой часто зависал в деревне с местными парнями. У них эта игра называлась «Веретенце». Девушки и парни садятся в круг, девушки по очереди раскручивают веретено и должны поцеловать того, на кого укажет острый конец.

В комнате, наполненной винными парами, повисла тишина. Парни ерзали, их глаза азартно блестели, девчонки краснели, но всех зацепила тайная, запретная, такая опасная игра.

Даже у меня противно засосало под ребрами. Или не противно? Не разобрать. Я никогда раньше не целовалась и надо ли делать это первый раз с незнакомцем под взглядами всех? Волоски на руках встали дыбом от волнения и... от предвкушения.

– Поцелуй в щечку? – робко спросила Мальвина.

– В щечку? – пренебрежительно фыркнул Теренс. – Что за глупости! В губы!

Девчонки ахнули, подавшись назад. Но никто не уходил. И я не уходила. Я примерно представляю, что творилось сейчас в их головах: «Уйти никогда не поздно. Раз все остаются, так и я останусь, посмотрю одним глазком. Неужели кто-то правда решится? Ой, как страшно. Как интересно!»

– Вместо веретена используем бутылку из-под вина. Девушка целует того, на кого укажет горлышко. Если укажет на другую девушку, можно поцеловать в щечку, – милостиво разрешил Теренс.

Сам-то он, похоже, умел целоваться – несколько не смущался, наоборот, казался умудренным опытом старейшиной среди наивного молодняка. Эти деревенские чему только не научат.

– Садимся в круг через одного! – скомандовал он и сам принялся руководить рассадкой.

Девочки хихикали, стараясь не смотреть друг на друга. Мальвина вся одеревенела, ее не удалось сдвинуть с места, поэтому между мной и нею втиснули паренька-ведуна. А вот Клара учудила: встала, отряхнула юбку и очень спокойно заявила, что благодарит всех за вечер, но она устала и отправляется спать.

– Тот, кто покинет порог этой комнаты до окончания собрания, будет исключен из тайного общества, – заявил Теренс, хитро прищурившись.

Едва ли он действительно рассчитывал задержать Клару, скорее обрадовался возможности избавиться от неудобного члена. Девочки, которые поднялись вслед за Кларой, тут же уселись на место.

– Я сама себя исключаю из вашего клуба подпольных выпивох! – гордо сообщила Морковь, задрала нос и удалилась, хлопнув дверью.

А мы с Соломинкой остались.

– Ну что, приступим! – бодро объявил Теренс, тут же позабыв о Кларе, едва она вышла за порог. – Первой станет...

Он на правах ведущего обвел взглядом девушек, держа при этом пустую бутылку из-под вина, будто драгоценный приз. Он выбирал самую достойную. Я-то понимала, что мне ничего не светит, поэтому расслабилась и наблюдала за лицами девчонок, пожирающих глазами дурацкую бутылку. Каждой хотелось оказаться избранной.

Останься при мне мое тело, мое очарование, разве Теренс хоть на секунду задумался бы о том, кому отдать трофей? Я представила, как нервничаю, покусывая губы, следя за его руками: отдаст мне или другой – и аж дурно сделалось. По крайней мере, я сейчас избавлена от мук тщеславия!

Ведун ухмыльнулся и протянул бутылку Меринде. Кто бы сомневался! Ринда расплылась в самодовольной улыбке и вперилась взглядом в Роя, сидящего напротив нее, – он пожирал ее глазами в ответ. Плохая новость: Рой на меня и не посмотрит, когда рядом моя белобрысая заклятая подруга. Хорошая новость: эти двое еще не целовались, так что у нас с Мериндой равные шансы.

Красотой и очарованием я пока взять не могу, надо использовать другие методы. Запомнится ему. Да. Но как?

– Давай, давай, давай! – внезапно заорали все, потому что Меринда, алая как маков цвет, положила бутылку в центр стола и принялась раскручивать ее.

– Стихийную магию использовать нельзя! – в последний момент крикнула Тильда.

– Я слежу, – отмахнулся Теренс. – Вон, ребята подтвердят.

Ведуны нестройно закивали, гипнотизируя бутылку взглядами. Она качнулась в последний раз и указала на незнакомую мне темноволосую девушку в зеленой накидке. Рой грустно вздохнул, девчонки облобызали друг друга в щечки, и право хода перешло к темноволосой.

Как же заполучить эту проклятую бутылку? И что делать, когда заполучу? Стихийной магией я, увы, не владею и с ее помощью не

смогу направить горлышко в нужную сторону, но в свое время, лет в двенадцать-тринадцать, я, мечтавшая о зеленом факультете, развлекала себя мнимыми тренировками. Я представляла, что умею управлять ветрами, подбрасывала вверх игрушки, стараясь, чтобы они падали так, как я загадала. Добилась завидной четкости, со стороны могло показаться, что я умею управлять воздушными потоками. Мечты, мечты... Потом это глупое занятие мне наскучило, но навык-то остался! Необходимо всего лишь вырвать бутылку из рук конкуренток, и Рой поцелует меня. Вернее, я его.

Удастся ли обмануть заклятие таким незатейливым образом? Вот удивится мой красавчик, когда вместо жабки Пеппилотты рядом с ним окажется красавица Алисия. И этой крокодилнице Меринде утру нос!

– Ааааа! – завопили вокруг так, что стены содрогнулись, а я едва не подскочила.

Оказывается, я почти пропустила судьбоносный момент: темноволосая ведунья, выпятив губы куриной гузкой, чмокнула моего однокурсника Лема в такую же куриную гузку. М-да, такая себе страсть! Но все же поцелуй в губы состоялся, и игра продолжилась.

Похоже, члены клуба подпольных выпивох вошли в раж. Плохо то, что право хода передавали парни, на которых указало горлышко, а меня они словно не замечали. Будто на моем месте образовалась черная дыра антиматерии, так что взгляды, не задерживаясь, скользили мимо.

Даже Мальвине перепала возможность: видно, ее, нескладную, выбрали из жалости, мой же воинственный вид ни у кого жалости не вызывал.

Мальвина запунцовела до самых корней волос. Ну что за чудышко! Может, это твоя единственная возможность поцеловать красавчика.

– Верти давай!

Соломинка дрожащими пальцами раскрутила бутылку. Та пару раз обернулась вокруг оси и уткнулась горлышком прямо в Теренса. Он самодовольно поглядел на трепещущую Маль и сделал снисходительный приглашающий жест, мол, ни в чем себе не отказывай.

Соломинка подалась было вперед, но вдруг замотала головой, пискнула: «Нет, я так не хочу!» – и удрала.

– Ты недостойн, Теренс, – подколот кто-то ведуна.

Все захохотали, и Теренс громче всех, однако глаза сделались злыми. Ага, не нравится, когда насмеваются над тобой?

Теренс двинулся за Мальвиной, успев перед этим сунуть бутылку в руки своей однокурснице, а я под шумок, пока все отвлеклись на эту маленькую драму, выдрала бутылку из ее рук.

– Эй! – пискляво возмутилась она, и я только теперь узнала Раису.

А она, встретившись со мной взглядом, предпочла не связываться.

– Ой, да крути, пожалуйста! Каждый должен попробовать хоть разок!

Рой сидел очень неудобно – напротив Меринды, но сбоку от меня: придется все тщательно рассчитать, ведь у меня будет единственный шанс. Я прищурилась, продумывая стратегию.

– Она уже на кого-то глаз положила! – продолжил глумиться весельчак. – Рой, никак на тебя! Вот как опасно объясняться в любви кому ни попадя. Пеппи, сними глаз!

Все заржали, а Меринда с Зеей громче всех. Может быть, стоило плюнуть и уйти, но я понимала, что надо обратить на себя внимание Роя любыми способами. Ничего, потом он мне сам спасибо скажет, когда заклятие спадет и он увидит, какой приз ему достался. Если же я стану сидеть сложа руки и только вздыхать о своей загубленной жизни, то самого достойного уведут прямо из-под носа.

Я сжала зубы и раскрутила бутылку. И она, моя голубушка, указала прямоком на красавчика. Да! Ловкость рук и никакого мошенничества.

Я поднялась, поправляя юбку. Рой тоже поднялся. Мы уставились друг на друга, словно два барана, а все снизу смотрели на нас, как на артистов уличного балагана. Наверное, для однокашников я сродни бородатой женщине, показывающей трюки. И все в глубине души наверняка сочувствовали Рою, но и сгорали от любопытства, не постарается ли он увильнуть.

Мне вдруг сделалось нехорошо: жарко, душно от их зубоскальства. У Роя были большие серые глаза, чистые, как вода в глубоком пруду осенью. Он не смеялся.

– Если не хочешь, ты не обязана это делать, – сказал он.

Признаюсь, я выдохнула. Я действительно пока не готова. Зато теперь Рой увидел меня, именно меня, а не расплывшуюся фигуру и

горящие на лбу пупыри.

– Ладно, я пойду, – пробормотала я.

Мне как-то резко захотелось играть дальше.

Я выбралась на крылечко, вдохнула полной грудью прохладный бодрящий воздух. Мысли понемногу приходили в порядок. Пока доберусь до домика, успею остыть и все хорошенько обдумать. Я уже ступила на дорожку, ведущую к аллее чаровников, когда услышала, что с другой стороны дома что-то происходит: до меня доносились всхлипы и настойчивый мужской голос.

Я не собиралась вмешиваться: чужие разборки – не мое дело, но... что-то заставило меня свернуть с тропинки и обогнуть угол.

– Не надо! – слабо протестовал девичий голос. – Отпусти!

Мальвина? Что эта дуреха здесь делает? Я замерла, затаившись в кустах сирени, и прислушалась. С девчонками ведь как иногда бывает, говорят: «Отпусти», а сами думают: «Поуготоваривай меня еще!» Сейчас как выскочу, как выпрыгну и обломаю ей романтический вечер. Хотя Соломинка слишком скромна для таких игр, это скорее к лицу Меринде.

– Ну же, не вырывайся, цыпочка, – жарко шептал Теренс.

Значит, он пошел следом за Маль!

– Я ведь знаю, ты хочешь меня поцеловать, так не отказывай себе в этом удовольствии. Лучше, чем я, тебе все равно не найти.

Я осторожно высунулась из кустов. Теренс прижал Мальвину к стене дома, буквально навалился на нее. Соломинка была высокой девушкой, но и ведун не уступал ей в росте. Он притиснул оба ее запястья, так что бедняжка Маль не могла и двинуться, только вертела головой и умоляюще лепетала, пока Теренс настойчиво искал ее губы, но целовал то щеку, то висок. Ведь не нужна ему Мальвина, как пить дать не нужна! Его задел отказ, и самооценка пострадала, вот Теренс и решил вырвать поцелуй силой.

Как мерзко. А Соломинка, эта куреха, даже толком не могла дать отпор. Да на таких, как этот самовлюбленный тип, уговоры не действуют! Таким сразу надо бить промеж глаз, или ниже... тоже промеж.

– А ну оставь ее! – рывкнула я, вылетая из кустов, как чертик из табакерки.

Уткнула руки в бока, чтобы казаться еще внушительнее. На самом деле я не была такой уж отважной – внутри что-то екало, и на горле билась жилка, но нельзя показать слабость.

Папа всегда говорил: не важно, какова твоя физическая сила, главное – сила духа. Побеждает и маленький, и слабый противник, но

враг должен понять, что он не отступит и не сдастся. Вот как Ди. Он меньше Теренса на голову, а как смело боролся...

Но Ди здесь нет.

Теренс при моем появлении так опешил, что отпустил одну руку Маль, и она, точно раненая голубица, замахала этой рукой, словно надеялась взлететь.

Нет чтобы по физиономии ему надавать.

Но тут ведун разглядел, что я одна, и ослабил.

– Что, позавидовала подруженьке, что я не тебя целоваться потащил? Уж прости, поросята меня интересуют только в качестве жаркого!

Оскорбление меня не тронуло. Куда сильнее волновал вопрос, что же делать дальше. Одно понятно: пути назад нет и Соломинку ему на растерзание я не оставлю.

– Девушка ясно дала понять, что она не хочет! – Я старалась говорить ровным голосом. – Или ты ее отпускаешь, или завтра с утра я приду к вашему декану и все расскажу. И про тайную вечеринку с выпивкой тоже.

Теренс выругался сквозь зубы, назвав меня таким словом, которое я не хочу повторять даже мысленно. Напоследок он наконец отпустил ее, сжав запястья Соломинки так, что она всхлипнула.

Проходя мимо меня, он поднял кулак. Я и помыслить не могла, что он меня на самом деле ударит. И все же он ударил. Обрушил кулак мне на плечо, как кувалду. Я пошатнулась, но устояла.

Графиню Уэст никто никогда в жизни и пальцем не тронул. Да у кого бы рука поднялась на столь хрупкое, утонченное создание. А вот Пеппи-поросенка можно лупасить, от нее не убудет. За нее не заступятся. Она просто толстая девица, чудачка, изгой. Чаровница со сковородкой.

Я изо всех сил прикусила губу, чтобы задавить предательские слезы. Ладно, раз я толстушка-простушка, буду вести себя соответственно.

Теренс уже заворачивал за угол, чувствуя себя победителем по жизни, когда я подскочила сзади, схватила его за волосы и треснула лбом о бревенчатую стену. Пока он, очумев, пытался сообразить, что за стихийное бедствие его накрыло, еще и повозила его физиономией по бревнам. Теперь будет чем заняться до утра: занозы сами себя не

вытащат. А заодно поразмыслит, стоит ли аристократу так вести себя с девушками.

– Бежим, Мальвина! – крикнула я, отпуская Теренса.

Он настолько ошалел, что и не попытался нас ловить, – сидел на корточках, ощупывал лицо и тряс головой, как теленок.

Но кто знает, вдруг он озверевает окончательно.

Тетеха Мальвина лишь всхлипывала и даже не сошла с прежнего места. Я потащила ее за собой.

– О Пеппи, – пролепетала она, когда клуб подпольных выпивох остался далеко позади. – Он тебя ударил... Гад! Какой гад!

– Ничего, – буркнула я. – Цела.

Хотя плечо онемело – не знаю, смогу ли завтра писать конспекты.

– А ты как?

Я приподняла руку Мальвины и даже в полумраке увидела, что на запястьях темнеют синяки. Маль поскорее натянула рукав пониже и понурилась.

– Я такая дура!

– Что? Мальвина, нет! Ты не сделала ничего плохого! Это полностью его вина! Завтра все расскажу декану!..

– Нет! – пискнула Соломинка. – О, прошу тебя! Я умру от стыда, если кто-нибудь узнает! Умоляю – никому ни слова! Ни Кларе, ни мальчикам, никому!

Бедняжку трясло от страха. Признаюсь, я тоже вся дрожала.

– Хорошо... – прошептала я.

Потом притянула к себе куреху, она сложилась едва ли не пополам, примостив голову на моем плече, а я похлопывала ее по спине, ожидая, пока она немного придет в себя.

– Все? Идем домой?

– Идем... – Она глубоко вздохнула и вытерла слезы. – Спасибо тебе, Пеппи! Если бы не ты! Ты меня спасла!

– Да ладно, что уж...

Когда мы втиснулись в нашу комнату, Клара уже спала, накрывшись одеялом с головой. Мы старались не шуметь, чтобы ее не разбудить. Мальвина в темноте натягивала ночную рубашку с длинными рукавами, а я первой отправилась в уборную – освежиться перед сном, расплести косы.

Присела на край ванны: такая тяжесть вдруг навалилась. Потерла плечо. Представляю, какой завтра появится синячище! Ничего, зато Мальвина в безопасности, а Теренс получил по заслугам. Я невольно хихикнула, пытаясь представить его расплосованную морду.

Включила воду, поплескала в лицо. Подняла глаза на свое отражение в зеркале и отскочила.

– Ничего себе... – пробормотала я.

Вместо пяти огромных пупырей на лбу осталось всего четыре. А я-то думала, они как солдаты на посту – никогда меня не покинут. И вот, пожалуйста, – один дезертировал. И даже следа не осталось.

– Что?..

Я ничего не понимала. Закружилась по узкой уборной – три шага влево, три шага вправо. И вдруг меня озарило.

«Когда Соломинка скажет спасибо». Кажется, так говорила мэтрисс Звонк? Я тогда и значения не придавала ее словам. А оказывается, вот оно что! Соломинка сказала спасибо, и один из пяти прыщей пропал. А когда я выполню все условия и они все исчезнут – моя красота вернется ко мне!

Что же там еще было? Я крепко задумалась, выуживая из памяти пророчество деканши, которое прежде казалось бредом: «Когда соломинка скажет спасибо, когда черное обернется белым, когда спуститься по лестнице будет труднее, чем подняться, когда перышко покажется тяжелее камня, и когда самый далекий станет самым близким, тогда твоя красота вернется к тебе».

Ничего не понятно, но очень интересно!

Быстрее получится охмурить Роя, чем доискиваться смысла в этих странных словах...

Долго хранить тайну о вчерашнем происшествии не удалось.

Клара с самого утра заподозрила неладное. Неудивительно! Одна соседка напоминает привидение, сошедшее с иллюстраций к детским сказкам: бледная, молчаливая, а рукава рубашки полностью скрывают кисти рук. Вторая соседка постоянно ойкает, делая что-нибудь правой рукой: ни расчесаться толком, ни учебники в сумку запихнуть. Придется на ближайшее время переквалифицироваться в левшу.

Морковь наблюдала за нами какое-то время и вдруг выдала:

– Ну-ка выкладывайте, что произошло.

Мы с Мальвиной переглянулись.

– Ничего!

Соломинка так старательно делала честные глаза и так стремительно при этом краснела – можно было не надеяться, что Клара нам поверит. Она подошла и задрала рукав рубашки Маль. Увидела синяки, ахнула.

– Кто это сделал? Пеппи, а с тобой что? Ты правую руку не можешь поднять.

Она отодвинула ворот моей сорочки, чтобы взглянуть на плечо. Посмотрела и я: надо же, какой интересный фиолетовый оттенок! Клара тоже впечатлилась, в том смысле, что зажала рот ладонью и затрясла головой.

– Да фигня! Видела бы ты его физиономию! Ему досталось гораздо больше! – бодро сказала я.

– Чью физиономию? – обморочным голосом произнесла Морковь.

Сказала «а», пришлось говорить и «б». Я постаралась сгладить острые углы и преподнести все с юмором, но Клара ни разу не улыбнулась.

– Надо рассказать все нашему куратору!

– Этому черепашьему тугодуму? Нет уж!

– Нет, Кларочка, умоляю! – перепугалась Соломинка. – Не хочу, чтобы кто-то узнал! Я умру от стыда.

Вдвоем мы с трудом уговорили непримиримую Клару хранить молчание. «Только если Теренс будет держаться подальше!» –

добавила она.

Мы с Мальвиной перевели дух, однако в столовой во время завтрака выяснилось, что мы никомушные конспираторы. Ди и Бруно присоединились к нам за столом, но беседа не клеилась. Мальвина ковырялась в тарелке, пачкая в каше длинные рукава. Я всматривалась в лица прибывающих ведунов и, когда в зал вошел помятый Теренс, выглядевший так, будто его всю ночь кошки драли, не удержалась от злорадной ухмылки. Я поскорее отвела глаза, потому что Ди прищурился, внимательно приглядываясь к нашим лицам.

Я потянулась к сахарнице, позабыв, что правая рука сегодня плохо работает, ойкнула и уронила керамическую вазочку на стол, осыпав его, одежду и пол сахаром. К счастью, сахарница, как и все предметы в столовой, была зачарована: осколки прыгнули навстречу друг другу, срастаясь, сладкие крупинки одна за одной залетели обратно, крышечка захлопнулась.

Ди, Бруно и девочки в полном молчании наблюдали за происходящим действием, а после в тишине, повисшей над столом, Димитрий произнес:

– А теперь рассказывайте!

Мы оказались приперты к стенке, но я не видела большой беды в том, чтобы поделиться с Ди и Бруно. Во-первых, они точно не пойдут жаловаться куратору, а во-вторых... Не знаю, может быть, я ждала, что они меня похвалят? «Молодчина, Алисия! Тьфу, Пеппи! Как ты его!»

Ди, сузив глаза, издали наблюдал за Теренсом, который как ни в чем не бывало болтал с парнями за столом. Не знаю, как он объяснил расцарапанную мосю, но вид у ведуна был геройский. Я могла придумать лишь одно объяснение: упал в куст. Но чем здесь гордиться?

– Пора на занятия, – сказал Ди, поднимаясь. – Пеппи, я понесу твою сумку. Что у нас первой парой?

И все? Уф, Ди, ты меня разочаровываешь. Не знаю, на что я подспудно надеялась. Неужели на то, что наш коротыш пойдет разбираться по-мужски? От Бруно, походившего на человека, которого вот-вот хватит удар, я так и так подвигов не ждала. Но Ди... Видать, ему не очень понравилось ходить с разбитым носом.

– Основы целительства, – пролепетала Мальвина.

– Очень удачно, – процедил сквозь зубы Димитрий.

Водрузил на одно плечо свою сумку, на другое – мою, Бруно забрал книги у Мальвины, и мы потащились в дальний корпус. На первом этаже располагался лазарет, где студенты не только лечились, но и практиковались на других студентах. Конечно, в Академии чар и ведовства целительство шло ознакомительным курсом, но знания о том, как срастить кость, залечить рану и избавиться от отравления, пригодятся в жизни любому чаровнику.

Сегодня должна быть первая практическая работа, поэтому вместо лекционной аудитории мы сразу направились в лабораторию, где на металлических столах, пугающих блеском, стояли стандартные наборы для оказания первой помощи: бинты, заживляющая мазь, ножницы, жгуты, разномастные скляночки с жидкостями – толком не знаю, что в них налито, но постепенно выясню. В воздухе стоял запах, свойственный любым лекарским заведениям, будь то аптека или кабинет целителя.

– Бр-р-р, – поежилась я.

Пока мы рассаживались, с опасением поглядывая на столы, в лабораторию заглянул мэтр Форзи – наш преподаватель.

– Откройте учебники и читайте третий параграф, – сказал он. – Я опоздаю к началу занятия, студенту нужна моя помощь.

Что-то мне подсказывало, что я знаю этого студента. Я осторожно размяла плечо: от помощи я бы тоже не отказалась, но раз мы решили хранить тайну, придется молчать.

Однокашники загомонили, не торопясь доставать учебники. Разбрелись по кабинету, разглядывая заспиртованные препараты, выставленные в застекленных шкафах.

– Смотрите, это же мозговой червь! – воскликнул кто-то. – Очень редкий вид! Водится только в пещерах Тосса. С его помощью можно добыть любую информацию у врага, достаточно запустить в мозг через ухо!

– А здесь окаменевшее яйцо василиска! – радостно сообщила Тильда. – Я слышала, частички скорлупы добавляют в самые разные противоядия!

Похоже, лаборатория была кладезем редких ингредиентов. Я взяла себе на заметку: когда выясню рецепт приворотного зелья, здесь я найду все, что нужно.

Я тоже собралась исследовать помещение, но Ди неожиданно грозно сказал:

– Пеппи, сядь. Маль, ты тоже садись.

Мы с Соломинкой приземлились на пятые точки, обескураженные его тоном.

– Ты чего раскомандовался? – подозрительно спросила я.

Димитрий вытащил из сумки тощенький учебник по основам целительства и продемонстрировал его нам.

– Сейчас буду вас лечить, – мрачно сообщил он. – Я тут на досуге пролистал учебник и...

– Нет уж, увольте! Проллистал он! Я тоже могу много чего пролистать, но от этого не превращусь в целителя. Я тебе не доверяю!

Ди вздохнул и посмотрел на Мальвину:

– А ты, Маль, позволишь тебе помочь?

Она заморгала и робко протянула руку нашему горе-дохтуру, возомнившему себя великим целителем. Мы с Кларой и Бруно придвинулись поближе, чтобы посмотреть: любопытство разбирало.

– Пеппи, ты ведь мне не доверяешь, – напомнил Ди, приподняв бровь.

– Не доверяю! Но очень интересно поглядеть, как с руки Мальвины будет сползать кожа! – мстительно заявила я.

У Соломинки округлились глаза, она попыталась выдрать ладонь, но Ди держал крепко.

– Я знаю, что делаю!

Мы сгрудились вокруг Мальвины, Ди закатал рукав ее кофты и осторожно положил кончики пальцев на самый большой синяк. Мальвина на всякий случай задрожала, но потом прислушалась к себе, шмыгнула носом и улыбнулась.

– Щекотно!

А багровые следы между тем бледнели и рассасывались на глазах. Не прошло и минуты, как от них не осталось и следа.

– Так! – Я вытащила свой учебник и шлепнула его на стол. – Показывай, какой раздел! Сейчас изучу и вылечу свой синяк.

– Не выйдет, Пеппи, – покачал головой Ди.

О как! Один раз ему удалось справиться с маленьким синячком, он уже и зазнался!

– Дело не в том, что ты не поймешь, – примирительно продолжил Ди. – Это особенность магии чаровников: мы не можем обращать заклятия сами на себя – не действуют. Так уж это работает!

– Плохо это работает! – пробурчала я.

Почему-то раньше мне и в голову не приходило, что заклятие уродства, наложенное на меня деканшей, я смогу развеять сама, стоит только немного подучиться. Напрасная надежда...

– Пеппи, позволь Ди помочь, – принялась уговаривать меня Соломинка.

– Ладно уж...

Стоит ли терпеть боль и скрипеть зубами каждый раз, пошевелив рукой, когда исцеление так близко? Димитрий усадил меня на стул: ему, низкорослику, так сподручней.

– Блузку не расстегну! – прошипела я.

– Это и не нужно, Пеппи, тонкая ткань не мешает. Только не шевелись, на твоё лечение уйдет чуть больше времени.

– Слушаюсь, дохтур! – фыркнула я.

Димитрий встал надо мной, положил одну ладонь на лопатку, другую на ключицу. Я почувствовала, как кожу словно покалывают сотни тоненьких иголок, в месте ушиба разливается тепло и боль отступает.

Ди возвышался надо мной и сейчас, с этого ракурса, не выглядел таким уж коротышкой, наоборот, казалось, заслонил собой весь мир. Слово сейчас остались только я и он, и никого больше. Ди, будто настоящий целитель, изучающе меня рассматривал.

– Голова не кружится?

– Не-а...

Я смущенно заерзала под его пристальным взглядом. Глаза Димитрия были орехового, мягкого оттенка. Оказывается. Я ведь прежде не приглядывалась.

– Ой, – вырвалось у меня, так как тоненькие иголки неожиданно превратились в ощутимые колючки.

– Прости, Пеппи, придется потерпеть... Мерзавец! – не сдержался Ди, вспомнив, кто стал причиной появления синяка.

Из-за вынужденной близости мне сделалось настолько неловко, что я принялась болтать всякую чушь, лишь бы разрядить обстановку.

– А чему ты удивляешься! Кто станет считаться с нескладной соломинкой и поросенком на гриле...

Сказала, и у меня перехватило дыхание. Я старалась относиться к своему новому телу как к некрасивой одежде, которую я скоро сниму и тут же превращусь в красотку. Но что, если за это время я забуду, каково это – ощущать себя грациозной и очаровательной? Самое неприятное, что я в громоздком и неуклюжем теле Пеппилотты чувствовала себя вполне естественно.

– Уродливая... – прошептала я.

Ди услышал.

– Ты вовсе не уродливая, Пеппи, – тихо сказал он, наклонившись ниже, чтобы услышала только я. – Ты очень милая. Особенно когда улыбаешься.

– Я не улыбаюсь.

– Сейчас улыбаешься.

И правда! Я улыбнулась словам Димитрия и только теперь это поняла. Удивительно, меня всю жизнь называли прекрасной, очаровательной, сверкающей, дивной, изящной и бесподобной, но все эти эпитеты так навязли на зубах, что не вызывали никаких эмоций. Однако после того как Меринда обозвала меня уродиной, а Теренс заявил, что поросята его интересуют только в жареном виде, мне хватило одного слова «милая», чтобы на душе потеплело.

– Ну-ка, пошевели рукой, – попросил Ди, которого язык больше не поворачивался назвать горе-целителем: плечо чувствовало себя как новенькое.

Я собиралась сказать спасибо, честно, но тут вернулся мэтр Форзи, застал в кабинете разброд и шатания вместо прилежно зубрящих студентов и устроил нам выволочку.

Следующей парой шел призыв фамильяров. Пока никому из моих однокашников не удалось призвать зверушку, зато у многих между ладоней сгущалось марево – у кого-то молочно-белое, у кого-то серое и даже темное. Казалось, еще немного – и из сгустка тумана появятся очертания существа, но нет.

У меня и вовсе ничего не получалось – воздух лишь чуть-чуть дрожал. Моя внутренняя жаба не желала выходить наружу, ха-ха.

У Ди между ладоней каждый раз буквально рождалось грозное облако, разве что молнии не полыхали. Сам Ди стоял напряженный до такой степени, что по лбу скатывались капли пота.

– Не напрягайся так, – советовал ему мэтр Рауф. – Расслабься. Отпусти. Это будто позволить части себя выйти наружу, понимаешь?

Толку от объяснений пока не было.

На третьей паре мы учились накладывать чары на чашки, чтобы те, как разбитая сахарница в столовой, сами собой склеивались из кусков. Чашек переколотили целый воз, обратно склеились две – внезапно у Бруно и у Лема, того самого, который на вечеринке целовался с черноволосой ведуньей.

На четвертую пару ни Ди, ни Бруно не явились.

Это было очень странно и непохоже на них. Что в головах у этих парней? Нет, я сама иногда не прочь прогулять, однако Ди, кажется, всерьез вознамерился стать паинькой и отличником и вдруг – здрасьте! – ушел в загул.

Но я ему не нянька! Я совершенно не беспокоилась о коротыше, пока мы с Морковкой и Соломинкой шагали на следующую пару. Я была занята: раздумывала, как теперь, после того как Рой обратил на меня внимание, продвинуться дальше? Пригласить на свидание? Нет, здесь следует действовать тоньше. Нам бы хоть один вечер провести наедине, ведь я неглупа и довольно остроумна и умею поддерживать разговор в отличие от клуши Меринды. Она скучная, неинтересная и думает только о своей красоте!

Не то что я!

Неожиданно к нам с девочками приблизился Лем и заговорщически произнес:

– Кая просила передать, что ваш Димитрий вызвал на поединок Теренса. Но я вам ничего не говорил, это секрет!

– Чего? – переспросила я недовольным голосом: появление Лема выдернуло меня из приятных мечтаний, где я прогуливалась с Роем по берегу реки. – Какая Кая? Что за тупое имя?

– Пеппи, замолчи! – оборвала меня Клара. – Можно еще раз и поподробнее?

– Моя девушка, Кая, она ведунья...

А! Та самая черноволоска с куриной гузкой вместо рта! Он теперь считает ее своей девушкой? Как мило!

– ...случайно услышала разговор Ди с Теренсом. Ди вызвал его на поединок. Они отправились прямо сейчас в сторону хозяйственных построек, в одну из заброшек. Бруно вызвался секундантом, а со стороны ведунов секундантом будет Рой. Вот, я вас предупредил, решайте сами, что делать дальше!

– Скорее, девочки, скорее! Надо их остановить! – воскликнула Морковь.

Она тут же развернулась: хозяйственные постройки находились в противоположной стороне от учебных корпусов, за жиденькой рощицей. Мальвина устремилась за Кларой. Я заколебалась: один неуд у меня уже есть, теперь добавится второй за прогул... Вздохнула и догнала соседок.

– Ума не приложу, зачем это Ди? – пробурчала я. – Мало ему в прошлый раз досталось?

– Зачем? – воскликнула Клара, закипев от негодования. – Ты серьезно? Может быть, он посчитал, что должен вступить за честь подруг?

– Я и сама прекрасно вступилась за свою честь! – продолжала ворчать я. – Нет, правда, какой толк от этого поединка, если Теренс снова размажет его по полу?

– Ну что ты говоришь? – пискнула Мальвина. – Они ведь станут драться без магии? Для того и нужны секунданты!

Ага, да, конечно! Чтобы Теренс да поступил честно? Ни секунды не поверю. Зато меня озарила неожиданная идея, связанная с Роем и нашим свиданием!

– Поторопимся, девочки!

Для поединка отлично подходила лишь заброшенная прачечная. Гуляя в одиночестве, я видела это приземистое кирпичное здание с выбитыми окнами. Внутри помещения, засыпанного осколками и кусками кирпича, не осталось перегородок – чем не ристалище. Наверняка студенты давно приспособили прачечную для подпольных поединков.

Когда мы втроем ворвались в бывшую прачечную, выяснилось, что поединок был не таким уж тайным: вдоль стен и на подоконниках расположились первокурсники, и ведуны, и чаровники. К счастью, их было немного, по несколько человек с каждого факультета. Девочек и вовсе, кроме нас, не оказалось.

В центре зала стояли наши дуэлянты – Ди и Теренс – и на первый взгляд вполне мирно разговаривали друг с другом. Лица обоих были решительны и угрюмы. Вот они пожали руки и отошли друг от друга на несколько шагов. Их место заняли секунданты, Рой и Бруно, которые, в свою очередь, стали что-то обсуждать.

Морковь бросилась вперед, втиснулась между ними, принялась что-то жарко выговаривать Бруно. Зрители неодобрительно зашумели: они уже настроились на зрелище, оказавшееся под угрозой срыва.

Признаюсь, моя задумка тоже была рассчитана на поединок. Но сейчас благородная дуэль грозила скатиться в банальную перебранку, и я должна была этому помешать.

– Поединки между магами разных факультетов запрещены! – возмущалась Морковь. – Да это не поединок вовсе, а драка! Вас обоих отчислят!

– Только если ты донесешь! – через губу выплюнул Теренс. – Стукачка!

– Я?.. – задохнулась Клара. – А ты!..

– Отстань от них! – крикнул кто-то из зевак. – Ди хочет взять реванш за ту стычку в столовой. Имеет право!

Никто из них не знал, за что Димитрий вызывал мерзавца на поединок на самом деле, и Клара тоже прикусила язык: она обещала нас не выдавать. Она обернулась за поддержкой ко мне, а я смотрела на Роя.

– Ты можешь гарантировать, что Теренс не станет применять стихийную магию? – спросила я у него.

– Конечно, – кивнул он. – Я против поединка, пытался их помирить, но ни тот, ни другой не хотят даже слушать.

– Тогда пусть дерутся, – сказала я.

– Что?.. – задохнулась Клара. – Теренс, Ди, остановитесь!

Бруно посмотрел на Мальвину, побледнел и опустил взгляд. Его терзал стыд, что сам он не решился вступить за девушку, которая ему нравится, а то, что Маль ему небезразлична, было заметно невооруженным глазом. Он промолчал. Молчал и Ди.

– Я уйду! – психанула Клара. – Ненормальные! Идемте, девочки! Не станем на это смотреть.

Мальвина, роняя слезы, поплелась следом за Морковью. Она шла и все оборачивалась на Бруно, будто это ему грозила опасность.

Смешная Маль!

– Пеппи, ты идешь?

– Я остаюсь.

– Как знаешь!

Похоже, Клара обиделась, но меня это не тронуло. У меня был план!

– Спасибо, Пеппи, – сказал Димитрий.

Он думал, что я осталась его поддержать. Кольнул стыд: и не признаешься ведь, что успех моего плана зависел от его победы. Да разве он, недоросток, одолеет этого увальня хоть в честном, хоть в нечестном бою? Призрачная надежда.

– Удачи, – сказала я по-настоящему искренне.

Бруно и Рой в четыре руки быстро начертили на пыльном полу подобие ринга, развели дуэлянтов по разные стороны. Рой вышел в центр и поднял руки над головой, привлекая внимание:

– Три раунда. Разрешена только физическая сила. Правило одно: победителем раунда становится тот, кто удержится на ногах и не вылетит за черту.

Он отошел и подал сигнал сходитьсь. Ди выглядел совсем малявочным по сравнению с высоким и широкоплечим Теренсом. Тот размахнулся кулачищем, как кувалдой, метя Димитрию в челюсть, – мне ли не знать, как сильно бьет этот кулак. Я отвернулась: не могла смотреть, как Ди разделявают под орех.

К тому же пора было приступить к реализации задумки. Я приблизилась к Рою и встала рядом.

– Ох уж эти парни, – сказала я.

Краем глаза я видела, что Ди пока невредим и ловко избегает ударов. Даже пару раз ткнул Теренса под ребра.

– Не понимаю, что произошло, – откликнулся Рой. – Эти двое невзлюбили друг друга с первого дня, а сегодня ни с того ни с сего ваш Ди потребовал реванш. И оба уперлись как бараны.

Я искоса взглянула на лицо ведуна: он действительно не одобрял поединка и не ерничал над Ди, как это сделал бы любой другой на его месте. Славный Рой... В груди сделалось тесно: все или ничего! Димитрий как раз пропустил удар, покачнулся.

– Думаешь, Теренс победит? – спросила я.

Рой дипломатично пожал плечами.

– А хочешь пари?

Парни ведь любят пари? На этом представлении держался весь мой хрупкий и ненадежный план. Рой на миг перестал следить за ходом поединка и уставился на меня. Теренс, к слову, едва не растянулся, запнувшись о подножку.

– Не отвлекайся, не отвлекайся! Ты ведь секундант! Так хочешь, поспорим?

– Ну... давай.

– Если победит Теренс, я зачарую твою рубашку так, что она месяц не будет пачкаться.

Ума не приложу, как это сделать, но тут главное – пообещать.

– А если победит Ди, то...

Я судорожно вдохнула и выпалила:

– Тогда ты один раз сходишь со мной на прогулку!

Рой снова вытаращился на меня так, словно подумал, будто ему изменил слух или разум. Я же делала вид, что поглощена поединком. Сердце тем временем залезло в пятку и обморочно трепыхалось там.

– Просто не знаю, что ты еще можешь мне предложить.

И я с деланным безразличием пожала плечами.

В это время сокрушительный удар свалил Ди с ног, он всем телом распластался на жестком полу. Зрители, не сговариваясь, со свистом втянули воздух сквозь сжатые зубы. Даже мне было больно на это смотреть. Эх, Ди!

– Вставай! – заорала я.

– Согласен, – ответил Рой и не глядя протянул ладонь для рукопожатия. – Спорим.

Сразу после этого Рой выскочил в центр ринга, останавливая поединок. Бруно помог Ди подняться. Тот стоял на ногах вполне твердо – я выдохнула.

– Счет один – ноль в пользу Теренса, – крикнул Рой и снова подал знак сходить.

Я ждала, что затем Рой присоединится к мне, но он принялся прохаживаться вдоль начерченной на полу черты, наблюдая за ходом битвы. Пришлось отойти к Бруно.

– Как он? – Я кивнула на Ди.

– Держится, – немногословно ответил секундант. – Вообще он отлично дерется, ты заметила?

Как ни удивительно это звучало, но – да, коротыш Дмитрий брал не силой, а умением. Пока Теренс неуклюже размахивал лапищами, Ди ускользал, заходил то слева, то справа и четко наносил удары. Где он так наловчился? Теренс все больше злился, на щеках играли желваки, мокрая челка свесилась на глаза. Но на его стороне была силища: один пропущенный толчок, как в прошлом раунде, и поединок проигран.

Мне очень нужна победа Дмитрия. Реванш над мерзавцем Теренсом приятен сам по себе, но я-то получу в придачу приз в виде свидания с Роем. Я мельком взглянула на Роя, застывшего с противоположной стороны площадки. Он следил за поединком, сложив руки на груди. Статный, красивый...

– Давай, Ди! – завопила я во всю силу легких.

И, будто в ответ на мои мольбы, он совершил эффектный трюк: поднырнул под кулак Теренса, обхватил противника сзади за талию, сделал подсечку и опрокинул ведуна на пол – аж пыль в воздух поднялась!

– Ура! – закричала я.

И не только я, оказывается: чаровники с превосходством поглядывали на зеленух, словно сами лично завалили Теренса.

– Счет один – один! – возвестил Бруно. – Последний раунд.

Рой протянул руку Теренсу, помогая встать на ноги, но тот был настолько зол, что оттолкнул секунданта. Он вытер тыльной стороной

ладони пот со лба, размазывая грязь по лицу. Глаза горели ненавистью. Мне сделалось страшно за Ди, который сейчас мирно беседовал с Бруно, ожидая, пока соперник придет в себя.

Теренс, взревев, будто разъяренный бык, кинулся на Ди, не дожидаясь, пока секунданты покинут ринг. Он не привык проигрывать, и то, что незначительный на первый взгляд противник вот-вот возьмет верх, довело его до бешенства.

– Ди, осторожно! – пискнула я.

Не знаю, мое ли предупреждение сыграло роль или Ди был начеку, но ему снова удалось выскользнуть из удушающих объятий. Теренс тяжело дышал, израсходовав силы в бесполезных прыжках, а Ди пока даже не вспотел. Похоже, зря я ему не доверяла. Я почувствовала гордость за нашего с Мальвиной заступника, а ведь еще несколько минут назад я его стыдилась.

– Теренс, какой ты силач! – насмешливо крикнула я. – Никак не одолеешь – как ты его назвал? – цыпленка? А кто тебе физиономию вчера расцарапал, не подскажешь?

Яснее намекнуть, что на самом деле Теренс слабак, невозможно. Я думала, что помогаю Ди: Теренс отвлечется, потеряет бдительность, тут-то ему и прилетит. Однако после моих слов он озверел окончательно. Видно, решил, что терять ему нечего, и сложил ладони в знакомом жесте, призывая стихийную магию.

– Теренс, нет! – крикнул Рой.

Зрители засвистели, затопали, но Теренса это не остановило. Воздушная волна подхватила Ди будто щепку, пронесла через весь зал и ударила о стену. Он упал на землю, словно сломанная кукла, неловко подвернув под себя руку. Из уголка рта тянулась тонкая струйка крови.

У меня в груди будто что-то оборвалось. Я разрывалась между желанием выскочить на ринг и вцепиться в физиономию Теренса ногтями и броситься к Ди. В реальности же я застыла на месте, ошеломленная зрелищем бесчувственного тела Димитрия. В ушах звенело от напряжения, сквозь этот звон, как сквозь толстую шапку, пробивались возмущенные крики зрителей.

Все это не заняло и нескольких секунд. Рой первый преодолел ступор и сделал шаг в сторону Ди, кинулся на помощь другу и Бруно.

И тут выяснилось, что не все сюрпризы позади. Над головой лежащего без сознания Ди сгущалось грозное облако, нам,

чаровникам, хорошо знакомое.

– А что, ваш Ди уже умеет призывать фамильяра? – удивленно спросил кто-то из зеленух.

С опаской спросил. Еще бы, темная дымная туча разве что молнии не метала, а так выглядела очень мрачно.

– Пока не умел... – растерянно ответил кто-то из однокурсников.

– Р-р-выу! – рявкнула туча.

И на наших глазах обратилась в огромную пуму, чей рост в холке достигал плеча взрослого мужчины. Серая шкура пумы лоснилась и переливалась багровыми искрами, глаза горели зловещим огнем, хвост метался из стороны в сторону, хлеща бока. Ди по-прежнему был без сознания и никак не мог повлиять на своего свежее испеченного фамильяра, пума же издала низкий рык и медленно, шаг за шагом, направилась в сторону Теренса.

«Они защищают своего хозяина, – вспомнила я. – Будут сражаться до конца. С помощью когтей, зубов, клювов...»

Ой-ой, что же будет!

Что чаровники, что ведуны, не сговариваясь, полезли на подоконники. Мои ноги приросли к полу. Пума, проходя мимо, потерлась щекой о мою безвольно свисающую руку и отправилась дальше.

Теренс попятился, оступился, шлепнулся на задницу и пополз, отталкиваясь ногой, протирая штаны о грязный пол. Пума степенно и величественно подошла и остановилась, глядя на мерзавца сверху вниз, а тот все ниже и ниже опускал голову.

Не могу сказать, что происходящее не пугало – есть немного, и в то же время – восхищало. Такая мощь ощущалась в этом звере! Это вам не жабка с мягкой лапкой.

– Хорошая девочка! – прорвало меня. – Сделай кусь!

– Я мальчик, – ответил низкий, рокочущий голос.

Пума искоса посмотрела на меня, и, могу поклясться, я увидела улыбку на звериной морде.

– С чего начнем? Отгрызть ухо? – Зверь принялся к ведуну, который принялся поскуливать от страха. – Или нос? Он ведь тебе не очень нужен, а, Теренс?

– От-тпуста... – заикаясь, прошептал тот. – Я б-больше не б-буду так...

– Как? – дружелюбно спросила пума, оскалив клыки.

Вот и все, конец нашей тайне. Фамильяры не умеют держать язык за зубами, это всем известно.

– Не буду целовать девушек против их воли, больше ни одну не ударю! – взвизгнул Теренс.

В помещении повисла тишина: чаровники и ведуны недоуменно переглядывались. Рой уставился на меня, точно в первый раз увидел. Интересно, он решил, что Теренс ко мне лез с поцелуями? Смешно сейчас об этом думать, но мои ставки поднялись!

– Проси прощения у Пеппи.

Теренс перевел на меня взгляд. Ух и жалко же он выглядел, сидя на полу, весь в пыли, взъерошенный, помятый, перепуганный.

– Прости, Пеппи, – проямлил он.

Интересно, если не прощу, фамильяр Ди отгрызет ему ухо, как обещал? И все-таки я кивнула: объясняйся еще потом с деканшей по поводу отгрызенных ушей и носов!

Пума рыкнула и распалась клочками темного тумана. Секунду спустя Ди пошевелился и сел, держась за голову. Обвел взглядом зал: трясущегося и поскуливающего Теренса, зрителей, рассеявшихся на подоконниках, как птицы на жердочке.

– Что здесь произошло?

Слухи о том, что у первокурсника-чаровника фамильяр – пума, разнеслись по академии подобно порыву ветра. Уже вечером в столовой все косились на Ди так, будто пума прямо сейчас выпрыгнет из его тарелки. Не сомневаюсь, что куратору доложили и о дуэли, но не пойман – не вор, а доказательств у мэтра Зотиса не было. Все же после ужина он отозвал Дмитрия в сторону и долго внушал ему что-то, печально прижимая к груди черепаху.

Поединок закончился дисквалификацией Теренса, он и отпираться не стал, что применил стихийную магию: зрители видели все собственными глазами. Сочувствия от однокашников он не дождался, наоборот – после того, как стали известны подробности прошедшей ночи, на Теренса смотрели с презрением.

Рой первым подошел ко мне и сказал, глядя в пол:

– Ты выиграла. Когда встречаемся?

Внутри разлилось тепло. Вот так, мэтрисс Звонк, посмотрим, кто победит! И месяца не прошло, как я в академии, а уже иду на свидание с самым красивым парнем. Не с той вы связались, разлюбезная деканша!

И хотя сердце ликующе колотилось, я понимала, что на первую, самую важную встречу надо явиться во всеоружии, подготовленной. Рой должен крепко попасться на мой крючок. Вот только на что мне его цеплять? Пока я знала лишь один беспрюирышный вариант – приворотное зелье.

– Я тебе позже скажу, – ответила я Рою, невинно моргая и изображая деву в смятении. – Я так разволновалась из-за дуэли!

Я и правда самую малость переживала за Ди, но раз он на ногах и ничего себе не сломал, паника отменяется.

На занятии мэтр Рауф поставил Ди всем в пример, вот, мол, он старался изо всех сил и первым получил фамильяра. Дмитрий стоял рядом с отсутствующим видом, будто не о нем речь. Еще не все одноклассники видели пуму, и, конечно, его стали уговаривать показать ее. Винс так и вовсе сомневался и бурчал под нос, что это наверняка какой-то фокус, иллюзия, но никак не настоящий фамильяр.

Разве хлюпику Ди может достаться такой шикарный зверь? Бедный Винс, его съедала зависть.

Ди пожал плечами – жест, уже ставший привычным. Мол, да что тут необычного. И хотя в первый раз фамильяр появился без его участия, Димитрий быстро научился его призывать. Соединил ладони, и готово дело: грозное облако с рычанием приземлилось на четыре лапы. Студенты отпрянули, но пума смиренно села у ног хозяина, притворяясь примерным котиком.

Чаровники так вдохновились примером Ди, что у многих дело сдвинулось с мертвой точки. В клубах дыма угадывались очертания животных, и мы принимались хором гадать, кто же скрывается в тумане и вот-вот явится на свет.

– Это черепаха, черепаха! – кричали мы, разглядывая что-то овальное, длинное и вытянутое между ладоней Тильды.

– Только не черепаха, только не черепаха... – как заведенная шептала она.

Будущий фамильяр Бруно был совсем небольшого размера, темный сгусток в белом облаке.

– Это... мышь! – строили мы предположения вслух. – Или белочка!

– Или жаба! – включился Винс. – Ой, хотя о чем это я, жаба будет у Пеппи.

Я показала ему кулак. У меня с фамильяром дело пока не ладилось. Не знаю, может быть, я просто боялась до конца жизни ходить в обнимку с жабой или черепахой?

В конце занятия нас ожидал еще один сюрприз. Клара не принимала участия в обсуждениях, стояла в углу и тренировалась. Когда прозвенел звонок и мы кинулись собирать учебники, Клара подошла к столу не одна: за ней след в след двигался хорошенький белый кролик.

– Всем привет, – пропищал он.

Мы остолбенели, а потом заорали, перепугав бедного крольчишку, а заодно и Морковь.

– Клара и клорик! – кричала Соломинка. – Ой, кролик и Крала! Ура! Поздравляю!

Вот уже двое обзавелись фамильярами. Ничего, мне и так неплохо. Если что, поглажу вон Морковкина пушистика или пуму.

Хотя такой серьезный зверь разве дастся?

В театральной студии нас ожидал сюрприз. Мэтрисс Нинон объявила, что мы достаточно натренировались, чтобы приступить к репетиции первого спектакля, который решено было показать в большом зале академии накануне зимнего бала.

Руководительница принесла с собой кипу свитков, сгрудила их на стол и сообщила, что сейчас она станет раздавать роли, но просит отнестись с пониманием: не все получают главные, и вообще, нет маленьких ролей, есть маленькие артисты. И прочая вдохновляющая чушь. Я сидела рядом с Кларой и Ди. Клара волновалась, грызла губу, Ди говорил ей что-то подбадривающее.

– Да что ты переживаешь, – подключилась и я. – Что тебе светит? Роль дерева? Роль жука на дереве?

По-моему, лучше сразу посмотреть правде в глаза, но Клара всхлипнула, закрыла лицо руками, а Ди воззрился на меня так, словно я отобрала у ребенка конфетку. Я демонстративно уставилась на мэтрисс Нинон, которая, заливаясь слезами, пересказывала сюжет пьесы. По мне, так просто слезливая сказочка, но все замороженно слушали и кивали.

Заговор в королевстве. Король убит, престол занят предателем, наследному принцу удалось спастись, но он бежал из дворца практически босиком, кругом враги, неизвестно, кому верить. Единственный его помощник – кот-фамильяр, причем кот любит ходить на задних лапах и носит сапоги.

– Кто поверит в эту чушь? – прошептала я, но на меня зашикали.

Принц скрывается в глуши и вынужден наняться обычным пастухом. Однажды мимо тех мест, где он пас отару овец, проехала карета, и принц увидел юную графиню, которую любил с детства и с которой был помолвлен. Кот-фамильяр узнает, что бедняжку просватали за мерзкого старого дядю принца, того самого, что узурпировал власть. Принц мучается, страдает, хватается за голову, пытается утопиться – а как иначе, ведь его любимую насильно отдают другому. Но умный котяра разрабатывает хитрый план, избавляется от коварного злодея, который к тому же оказывается могущественным колдуном, и возвращает трон нашему герою.

– Клара, выбирай, какую овечку будешь играть?

Честное слово, я пыталась ее подбодрить как могла.

– Ты угомонишься? – зыркнул на меня Ди.

Я подняла руки: сдаюсь.

Тут мэтрисс Нинон принялась вызывать нас на сцену по одному и вручать каждому свиток с его ролью. Ролей оказалось много – на всех хватит. Главных героев на всякий случай станут репетировать два состава. Не хотелось в этом признаваться, но сердце екнуло. Я храбрилась и язвила, а на самом деле мечтала сыграть графиню. Но кто же позволит!

Роли служанок и селянок закончились, мэтрисс Нинон подбиралась к важным персонажам. Я заерзала.

– Роль графини Вероники я отдаю... – Руководительница обвела взглядом оставшихся претендентов.

Не так много нас и осталось: я, Клара, Меринда, и еще одна девушка – Лора.

На мгновение я забыла, что я сейчас собой представляю – прыщавую и щекастую толстуху с носом-картофелиной и крошечными глазками. На миг я снова стала Алисией. Прекрасной графиней Уэст, с точеным профилем, тонким станом, гордым взглядом. Один поворот головы мог многое сообщить о моей благосклонности, одна легкая улыбка заставила бы любого мужчину следовать за мной хоть на край света. Кровь нимфы и врожденное очарование превращали меня почти в небожителя. Я невольно распрямила плечи и...

– Отдаю Меринде.

С небес очень больно падать, оказывается.

– Но это еще не все, – продолжила мэтрисс Нинон. – Как я уже предупредила, главные роли будут репетировать два состава. Второй графиней Вероникой станет студентка, которая горит театром. Клара, я говорю о тебе!

Клара ахнула и поднялась на дрожащих ногах. Она недоверчиво трогала собственный лоб, будто пыталась определить, не начался ли у нее лихорадочный бред. Когда соседка проходила мимо моего кресла, я лишь невероятным усилием воли заставила себя не подставить ей подножку. Нашлись тут, понимаешь, графини Вероники!

– Я, наверное, пойду... – пробормотала я, пытаюсь встать.

Ди поймал мою ладонь, а я от неожиданности выдрала пальцы и отшатнулась. Его ладонь оказалась теплой и одновременно сильной. Не знаю, почему его прикосновение произвело на меня такой ошеломительный эффект. Не потому ли, что меня давно вот так никто не касался? Отец иногда целовал в лоб на ночь. Горничная помогала одеться и причесаться, но горничную я привыкла считать чем-то вроде предмета мебели, большой и удобной расчески. С Мериндой мы при встрече целовали воздух у щеки. До дружеских объятий я не снисходила. А вот Ди взял меня за руку так легко, будто имел на это право.

– Погоди, Пеппи, остались только главные роли, – напомнил он.

Действительно. Поразмыслив, я села на место. Вероятно, мне предложат сыграть роль нянюшки графини, ничего другого не остается.

– Роль принца Эдуарда достается двум начинающим артистам, – продолжала мэтрисс Нинон, не обратив ни малейшего внимания на мое смятение. – В актерских способностях юного Димитрия я не сомневаюсь, он справится с ролью на отлично. Тебе, Рой, придется приложить больше сил, но уверена, все согласятся, что у тебя есть потенциал.

Девушки, сидящие в зале, согласно закивали, любуясь красавчиком Роем. А ну быстро отвернулись! Вы пока не знаете, но вы вообще-то смотрите сейчас на моего парня!

А в следующее мгновение до меня дошло, что Рой играет в паре с Мериндой! Она тоже это прочухала, подсела к будущему принцу Эдуарду и принялась ворковать, улыбаясь во все тридцать два зуба. Два передних у тебя явно лишние, Ринда!

– Димитрия я выбрала еще по одной причине, – призналась руководительница. – До меня дошли радостные вести о том, что Ди стал счастливым обладателем фамильяра, да не простого...

Ди вздохнул: похоже, разговоры о его необычайном фамильяре слегка выводили его из себя.

– Фамильяры очень редко играют роли в спектаклях, но тут, как говорится, звезды сошлись! Я даже согласна обойтись без сапог!

Ди хмурился, не понимая, о чем речь.

– Твоя пума, Ди! – воскликнула мэтрисс Нинон. – Он сыграет кота в сапогах! Вернее, без сапог! Уверена, отлично справится!

Судя по лицу Димитрия, эта новость не слишком его обрадовала.

– Я пока не слишком хорошо научился обращаться с ним, – помедлив, признался Ди.

– Это ничего! – отмахнулась руководительница студии.

Она наверняка успела вообразить, какой фурор среди публики произведет необычный артист, и ни за что не отказалась бы от этой идеи.

– Остались Пеппи и Лора, – опомнилась мэтрисс Нинон. – Лора получит роль няни графини Вероники.

Я уставилась на Лору. Потом на мэтрисс Нинон. Потом на два свитка, сиротливо лежащих на столе. Или я чего-то не поняла, или забыла, но я решительно не представляла, кого же тогда предстоит играть мне.

– Вижу, ты удивлена, Пеппи.

– Не то слово! – буркнула я. – Кого же играю я? Карету? Тыкву, в которую превратится карета? Кучера? Лебедя в пруду? Простите, версии закончились.

Мэтрисс Нинон расхохоталась, будто я сообщила что-то невероятно забавное. Но мне-то было не до смеха.

– Как я уже говорила, главные роли играют два состава. Один кот в сапогах у нас уже есть. Уверена, что ты, Пеппилотта, справишься с ролью волшебного помощника принца. Я приглядывалась к тебе все

это время и поняла, что ты находчивая, решительная, бесстрашная и ради друзей способна на многое...

Я фыркнула.

– Ради друзей?

«Каких таких друзей?» – собиралась добавить я, но поймала лучистый взгляд Клары, увидела теплую улыбку Ди... Не разочаровывать ведь прямо сейчас этих наивных чудаков? Пусть воображают, что мы дружим.

И, если подумать, любимый фамильяр принца проведет рядом с ним на сцене гораздо больше времени, чем какая-то там невеста, которую спасут из цепких лапок дяди-предателя, помощи Солнцеликая, к концу второго акта.

– Это очень странно – играть кота... Но ладно, я согласна!

– Привет, маленький брат, – раздался рокочущий голос, в котором пробивались веселые нотки.

Пума! Ди, улыбаясь, почесал фамильяра за ухом. Похоже, он все ловчее управляется со своим помощником.

– Это ты мне?

– Тебе, котеночек! Буду учить тебя кошачьим повадкам.

– Ди, какой наглый у тебя фамильярище! Кстати, ты ему дал имя?

Он развел руками:

– Пока не задумывался. Чем плоха Пума?

– Пума – имя для девочки. Может, назовем его...

Я окинула взглядом мощную зверюгу. По шкуре, словно молнии, металась багровые всполохи...

– Всполох?

– Хм, неплохо!

На том и порешили.

* * *

Незаметно пролетела неделя. Мы были загружены с утра до ночи по самые уши. К лекциям, практикумам и домашним заданиям теперь добавились ежевечерние репетиции. Пока мы читали текст по ролям, запоминали диалоги.

Надо отдать должное Ди, он держался с поистине царским достоинством, когда произносил вслух свои реплики. Кот в сапогах по роли язвил и острил, а Всполох еще и умудрялся импровизировать, да так, что все за животы хватались. Клянусь, его морда в такие моменты делалась хитрющей и довольной.

Я все еще ломала голову над тем, где раздобыть рецепт приворотного зелья. Скорее бы состряпать его и пригласить Роя на свидание.

Я пролиставала учебник по высшей кулинарии от корки до корки и, конечно, не нашла в нем инструкций. Улучив свободный час, поспешила в библиотеку, да вот незадача – рецепт приворотного зелья хранился в секции запретной литературы, а первокурсникам туда ход закрыт. Нельзя сказать, что я не пыталась, – лисой прохаживалась мимо молоденького библиотекаря, умильно поглядывая на запертую решетку. Увы, то, что дано Алисии, не дано Пеппилотте – библиотекарь даже не моргнул, только строго сказал:

– Девушка, библиотека закрывается через двадцать минут. Вы сюда размяться пришли или все-таки возьмете какую-нибудь книгу?

Помощь прибыла с неожиданной стороны, тогда, когда я уже и надеяться перестала...

Решение заглянуть к дражайшей мэтрисс Звонк возникло случайно. Мы с Мальвиной и Кларой спускались с третьего этажа центрального корпуса после лекции по травологии. И тут Соломинка сказала:

– Пеппи, ты заметила, твои... хм... папулы на лбу постепенно проходят.

Папулы? Я фыркнула. Мальвина, конечно, мастер деликатных выражений, я до сих пор вспоминаю ее «корпулентную девушку», но иногда стоит называть вещи своими именами.

– Прыщи? Ага...

По крайней мере один исчез навсегда после того, как ты, Соломинка, сказала мне спасибо... Я резко затормозила напротив входа на второй этаж.

– Девочки, идите в столовую, я догоню. Мне нужно поговорить с деканом.

Почему я раньше не сообразила прийти и потребовать объяснений? Вообще-то Маль могла пострадать в той истории, и если мэтрисс Звонк заранее знала, что произойдет, не делает ли это ее сообщницей злодейства? Хотя от милейшей Па-амелы можно ожидать чего угодно!

Дверь, с размаха открытая ногой, отскочила от стены и жалобно закрипела. Зеленая змейка на деревянном полотне хаотично заметалась. Мэтрисс Звонк, однако, даже не вздрогнула и устало подняла глаза от кипы бумаг, лежащих перед ней на столе.

– Здравсьте, здрасьте, – сказала я.

Деканша потеряла лоб и поморщилась, будто ее внезапно пронзила головная боль, но все же указала на стул перед собой.

– Здравствуй, Алисия. Присаживайся. Что тебя привело ко мне сегодня?

Я уселась и вперила в мэтрисс Звонк подозрительный взгляд. В детстве я зачитывалась книгами о дознавателе мэтре Лорсе, тот с лету раскусывал преступников и разгадывал злодейские планы. Перед тем, как расставить все по местам и указать на мерзавца, он сверлил его

уничжительным взглядом, который я как раз и пыталась воспроизвести.

– Алисия, тебе пояс жмет? Или есть другая причина у твоего перекошенного лица?

– Вы знали? – произнесла я зловещим, как я надеялась, шепотом. – О том, что Мальвине угрожает опасность? Знали и не предупредили? А ведь вы должны заботиться о своих студентах.

Взгляд мэтрисс Звонк потемнел, она отложила перо.

– О чем ты, Алисия? – хмурясь, спросила она.

Голова зеленого полоза, фамильяра деканши, высунулась из рукава: он тоже прислушивался. Тут я поняла, что загнала себя в угол: я ведь обещала Мальвине хранить историю в тайне! Видимо, на моем лице отразилось замешательство, потому что мэтрисс Звонк, вздохнув, добавила:

– Обещаю, все, что ты скажешь, не выйдет за пределы этой комнаты.

В конце концов, разве она, произнося пророчество, не знала о событиях наперед? Однако ничего не предприняла. Пора вывести мэтрисс Звонк на чистую воду! И все-таки я не проговорила ни о тайной вечеринке, ни о поединке, который последовал за ней. Рассказала лишь, что Теренс пытался поцеловать Мальвину – Соломинку, а я дала ему отпор.

– Так вот откуда появились царапины! – неожиданно рассмеялась деканша и добавила: – Мэтр Авис приходил с жалобой на факультет чаровников, мол, чей-то безумный фамильяр напал на его студента.

Я не улыбнулась в ответ, мрачно ожидая объяснений. Мэтрисс Звонк тоже посерьезнела.

– Увы, Алисия, я не знала, что так произойдет. Ты – молодец.

Не нужны мне ее лицемерные похвалы после того, что она со мной сотворила!

– Но как же пророчество? «Когда Соломинка скажет спасибо»? Она сказала – и прыщ пропал. Или это пустое совпадение? – воскликнула я. – А все остальное? Что это значит?

Деканша покачала головой.

– К сожалению, девочка, мне это неизвестно. Но я не обманывала: когда ты выполнишь все задания, заклятие спадет.

– Малыш-шка з-запуталас-сь... – подал голос фамильяр, приподняв голову над столом.

Он покачивался и глядел на меня немигающим взглядом, от которого я поежилась.

– Объяс-с-сни ей...

– Алисия, мой фамильяр, Кассандра, обладает даром пророчества. Уверена, мэтр Рауф вам рассказывал о подобном.

Да, что-то такое я припоминала: некоторые фамильяры умеют заглядывать в будущее и предупреждать своих хозяев о грядущих событиях.

– Но Кассандра и сама точно не знает, о чем эти пророчества. У нее слабый дар ясновиденья.

– Бракованный фамильяр? – делано посочувствовала я.

Изнутри меня распирала злость: снова никаких ответов – одни бесконечные вопросы. На этот раз мэтрисс Звонк не разозлилась, она смотрела на меня с сожалением. Не нужно мне ее сочувствие. От нее – точно нет!

– Значит, ни вы, ни ваша Кассандра на самом деле не представляете, какие испытания меня ждут?

Мэтрисс Звонк качнула головой.

– Замечательно! – Я погрызла губу и с толикой надежды спросила: – Так, может, облегчите жизнь и себе, и мне? Снимите заклятие! Я все поняла, честное слово!

– Мне очень жаль, Алисия, но это невозможно. Зная себя, я подстраховалась и наложила неснимаемое заклятие, иначе отменила бы его уже на следующее утро.

В кабинете повисла гробовая тишина. Я несколько раз втянула воздух носом и шумно выдохнула.

– Отлично. Ладно. Ничего. Я вот-вот одержу победу. Рой скоро будет моим, и заклятие спадет!

– Рой? – удивилась мэтрисс Звонк.

– Ну да, самый красивый парень в академии. Разве не это главное условие?

– Рой... – повторила деканша. – Ты уверена?

Тут я взорвалась.

– Я ни в чем не уверена! Так же, как ваша чудесная Кассандра! Как и вы сами! Но я делаю, что могу! А от вас помощи никакой!

Знаете, как тяжело таким... таким корпулентным девушкам добиться свидания с красавчиком? А я сумела! Мне бы еще узнать рецепт приворотного зелья...

Я резко замолчала, догадавшись, что сболтнула лишнего. Плакал мой великолепный план.

Мэтрисс Звонк печально улыбнулась.

– Считаешь, приворотное зелье – основа будущих счастливых отношений? Оно действует недолго, всего один раз и развеивается без следа через несколько дней.

– Не важно, – буркнула я. – За это время я бы сумела его в себя влюбить...

Деканша снова грустно усмехнулась, взяла из горы бумаг чистый лист и протянула мне.

– Записывай.

– Что записывать? – опешила я.

– Рецепт приворотного зелья. Ты девушка находчивая, целеустремленная, и я знаю, рано или поздно ты его все равно добудешь. Не вижу смысла мешать.

Я подозрительно уставилась на деканшу.

– Надеюсь, я не отравлю им Роя?

– За кого ты меня принимаешь? Итак... Взять один гран пыльцы горной феи, два грана порошка из рога единорога...

Я торопливо строчила на листе. Ингредиенты редкие, но вполне доступные. Уверена, они отыщутся в лаборатории целительского корпуса. Я, правда, не вполне представляла, как выглядит головка заунывника. Что еще за заунывник такой? Или волосы Турухтана... Где я должна его ловить, чтобы выдрать пучок волос? Однако это не страшно – разберусь по ходу дела.

– Лучше всего полученное зелье растворить в лимонаде, одна чайная ложка на бутылку, – закончила мэтрисс Звонк.

– Это все?

Неужели деканша вот так запросто поделилась со мной редким рецептом? Наверняка она думает, что я не посмею его применить. Ха, она плохо меня знает!

Я бочком поднялась со стула и попятилась к двери.

– Алисия, ты опасаясь, что я запущу тебе в спину оглушающее заклятие, догоню и со зловещим хохотом вырву рецепт из твоих рук? –

уточнила мэтрисс Звонк, скептически на меня поглядывая.

– Да кто вас знает... – пробормотала я.

Кассандра взобралась по руке деканши и чуть слышно зашипела ей в ухо. Мэтрисс Звонк внимательно прислушалась и кивнула.

– Важное дополнение. Кассандра говорит, что задания не обязательно выполнять именно в том порядке, в каком они произнесены.

– Я вовсе не собираюсь их выполнять. Скоро Рой влюбится в меня и я верну свой настоящий облик!

Деканша и ее фамильяр переглянулись и одновременно покачали головами. Не верят – и пусть! Я всем докажу, что Пеппилотта тоже достойна любви!

Во время обеда я сидела, погруженная в себя, снова и снова перечитывала рецепт и не сразу услышала, что Маль меня окликает.

– Пеппи! Пеппи, о чем задумалась? Что-то случилось? Влетело от мэтрисс Звонк?

Я подняла голову и увидела устремленные на меня встревоженные взгляды.

– А? От мэтрисс Звонк? Нет-нет...

Про милейшую Памелу я и думать забыла. Куда сильнее меня сейчас занимал загадочный заунывник и волосы Турухтана.

– Что это за рецепт? – спросил Ди. Вот ведь какой глазастый.

Я сложила листок и убрала в карман.

– Ничего особенного, небольшое практическое задание от мэтрисс Кеолеи по высокой кулинарии. Мне нужно закрыть неуд.

Прозвучало как будто искренне, соседи понимающе закивали. Эх, была не была!

– Никто не знает, что такое голова заунывника?

Клара и Мальвина воззрились на меня с изумлением, им и отвечать не пришлось: сразу ясно, что не знают. Бруно ответил только: «Бр-р, звучит жутковато». Бруно собственной тени боится!

– Это такое специфическое растение, которое применяется для изготовления различных снадобий, – сказал Ди. – Заунывник похож на одуванчик, только еще более головастый и от малейшего ветра словно печально кивает – отсюда и название. Хранится в высушенном и измельченном виде, определить можно только по запаху.

– Ого... – только и сумела пробормотать я. – И ты смог бы его узнать, если что?

– Конечно.

Снова это легкое пренебрежительное пожатие плечами, в то время как мой пульс отбивал чечетку, а в голове складывался новый план.

– А волосы Турухтана? – спросила я, не смея надеяться на удачу.

– Тоже растение. Так называется трава, которая к осени истончается, белеет и напоминает тонкие седые волосы, развевающиеся на ветру. Ты ведь помнишь легенду о Турухтане?..

– Не помню! – прервала я Ди. Я уже признала все, что мне нужно, и никакие легенды, покрытые пылью веков, меня не интересовали.

Ди изогнул бровь, но продолжать не стал, допил взвар, оставил стакан и поднялся с места. Нельзя, чтобы он ушел. Вернее – ушел один, без меня, ведь он стал важной частью моей задумки.

– погоди, я с тобой.

Я почти не поела, и желудок протестующе заурчал, но нечего ему потакать! Пеппи постоянно хотела есть, в отличие от Алисии. Неужели наступит время, когда я снова буду сыта тарелкой супа и крошечным подсушенным хлебцем?

Мальвина, Клара и Бруно заинтересованно посмотрели нам вслед. Вслух ничего не сказали, однако их глупые мысли ясно читались на их глупых лбах: «Никак Пеппи нравится Димитрий? Давно пора!» И не мечтайте! Ди хороший парень, признаю, но разве он пара графине Уэст? Все животики надорвут, увидев, как мы смотримся вместе. Да мы и сейчас выйдем не слишком гармонично: бочка с водой и лягушонок. Вот Всполох – шикарный, слов нет. Сразу придает Ди значимости, жаль, что на занятия Димитрий предпочитает ходить без фамильяра. Всполох гулял по территории академии или дремал на крыльце домика.

Студенты-чаровники поначалу не умеют долго поддерживать материальный облик своего волшебного существа: на это тратится слишком много энергии, но Ди быстро освоился со своим питомцем. А вот Клорик (теперь мы звали фамильяра Клары только так) появлялся пока лишь изредка.

Я шла рядом с Ди, мы оба молчали. Прежде мне не приходилось просить об услуге, я не знала, с чего начать.

– Ди, ты ведь мой друг?

Спросила я и мысленно поморщилась: ну что за детский вопрос! Будто мы два малыша и идем за ручку гулять по саду. Так когда-то давно я спрашивала у Доминика: «Ты мой друг?» – лишь для того, чтобы услышать: «Да». В те полузабытые времена я не думала о выгоде и просто радовалась, что кому-то нужна. Что этот кто-то держит меня за руку и защитит в случае опасности. Такие вот наивные мысли у пятилетней малышки. Доминик вырос и посматривал свысока, даже мое очарование на него мало действовало. Не боготворил, как другие, не трепетал, в конце концов и вовсе предал... Как же долго я

не возвращалась мыслями в детские годы, думала, воспоминания стерлись из памяти. Снова стало неожиданно больно оттого, что Ник меня выдал мэтрисс Звонк. Не спас.

Так пусть идет темным лесом напрямиком в логово дракона!

– Да, – сказал Ди, словно подтверждая мои мысли, и я не сразу сообразила, что он отвечает на вопрос. – Конечно, Пеппи, я твой друг.

Я немножко расчувствовалась: душу затопили печальные думы, так что его «да» оказалось весьма кстати.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала я. – Честно говоря, этот рецепт вовсе не задание от мэтрисс Кеолеи. Это... Не важно. Вернее, для меня очень важно, только я сейчас не могу рассказать. Помогите мне собрать нужные ингредиенты и приготовить зелье. Боюсь, сама я не справлюсь.

Ди остановился и посмотрел мне в лицо. Все же следует признать, что и глаза у него славные, такие серьезные и одновременно теплые, бархатные.

– Я помогу. Но идти придется ночью, и если нас поймают, то одним неудом дело не обойдется.

– Обойдется двумя неудами! – отмахнулась я. – Подумаешь! Или ты испугался?

Ди усмехнулся. Действительно, парня, устраивающего подпольные поединки с противником, который выше его на две головы, едва ли можно испугать выволочкой от декана.

– Встречаемся ночью, когда девочки уснут, – решила я. – Только ты не вздумай задряхнуть! Я стукну в окно!

Мы почти дошли до домика, когда мне под ноги стремительно метнулась серая тень.

– Всполох! – воскликнула я, искренне обрадовавшись пумычу.

Он дал потрепать себя за ушами, жмурясь от удовольствия.

– Что-то вы задумали, – промурчал он. – Придется идти с вами, подстраховать котят.

– От горшка два вершка, а туда же – подстраховать. Сам ты котенок, хоть и вымахал! – возмутилась я, но больше для вида: помощь Всполоха лишней не будет.

Вечер я провела как на иголках. Абзацы параграфа, который я читала, чтобы отвлечься, стирались из памяти, едва я опускала учебник, – одну и ту же страницу я начинала и бросала несколько раз.

В очередной раз опустив книгу на колени, я кинула взгляд в окно и увидела Всполоха, который несся по аллее, вздымая лапами пыль. Второй раз я увидела пуму, когда, бездумно уставившись на темнеющие облака, шепотом повторяла состав экстракта под названием «Сладкая дрема»: завтра мы станем готовить его на занятии у мэтрисс Кеолеи. Всполох возвращался. Наверное, просто разминался. Такому мощному зверюге скучно сидеть сложа лапы.

Девочки заметили, что я волнуюсь. Они обменивались вопросительными взглядами, но ни о чем не спрашивали до тех пор, пока я со стоном не растянулась на постели. Я переживала не столько из-за ночной вылазки, сколько из-за предстоящей встречи с Роем. Если сегодня я заполучу приворотное зелье, уже завтра смогу пригласить красавчика-ведуна на прогулку, а там... Нет, рано загадывать. Пусть сначала выпьет волшебного лимонада и посмотрит на меня непредвзятым взглядом. Увидит меня настоящую и влюбится. Непременно влюбится!

– Как пообщались с Ди? – вкрадчиво спросила Мальвина.

– Ди?

Я поначалу не могла взять в толк, о чем она говорит.

– А, Ди! Решили сегодня ночью прогуляться под луной.

Пусть лучше думают, что у меня свидание с цыпленком, чем забьют тревогу, обнаружив ночью пустую постель.

– А чего вам днем не гуляется? – нахмурилась Клара.

– Ночью так красиво, тихо! – Я спешно выцарапывала из памяти все, что когда-то читала в любовных романах. – Мы останемся наедине, и никто не помешает нам любоваться звездами.

Не слишком напыщенно прозвучало? Не переигрываю ли я? Судя по тому, как мордахи соседок расплылись в умильных улыбках, – не переигрываю. Знаю я эти улыбочки – в своих мыслях девчонки нас с

Ди уже сосватали, побывали на свадьбе и на наречении наших многочисленных детей. Бррр!

Я закрылась учебником, как щитом, лишь бы не видеть, как Морковь и Соломинка многозначительно перемигиваются. Читала, читала... И надо же такому случиться – провалилась в сон.

Очнулась в крошечной темноте оттого, что Маль трясла меня за плечо. Соседка стояла в одной сорочке, держа в руках ночник с запечатанным в нем огневиком. Я подскочила на кровати, озираясь.

– А? Что?

– Пеппи, ты задремала. Там Ди стоит под окном.

Словно в подтверждение ее слов раздался тихий стук в стекло. Я в который раз порадовалась, что благодаря магии чаровников блузка и юбка не помялись. Я накинула мантию – по ночам становилось прохладно – и пару раз провела расческой по волосам, но не стала усердствовать: Ди все равно, как я выгляжу, у нас исключительно деловая встреча.

– Удачи! – заговорщически прошептали вслед эти две сводницы. – Хорошо погулять.

Насчет «хорошо погулять» не знаю, а вот удача точно понадобится.

Ди стоял, сунув руки в карманы, у его ног сидел, обвив лапы хвостом, Всполох. При виде меня пумыч потянулся, облизнул морду ярким языком и язвительно промурчал:

– «Только не задряхни», сказала она.

– Рецепт не забыла? – с улыбкой спросил Ди: он не сердился.

Я потрясла в воздухе изрядно помятой бумажкой.

– Отлично, тогда идем.

В ночное время студенческий городок преображался. На аллеях после полуночи выключали фонари, но полная луна горела так ярко, будто была самым огромным в мире огневиком, подвешенным в черном небе сильным и добрым магом, чтобы освещать путь всем, кто заплутал в темноте. Стали слышны малейший шорох листьев и скрип стволов, шелест наших шагов по каменистой дорожке, легкая, почти невесомая поступь пумы, журчание далекой реки. Прохладный ветерок охлаждал разгоряченное после сна тело – я закуталась в мантию и накинула капюшон.

Мы не произнесли ни слова, пока шагали в сторону целительского корпуса, но впервые в жизни мне не хотелось нарушать тишину. Ди шел справа от меня, Всполох светлой тенью скользил слева. Я вдыхала вкусный воздух начала осени, пахнувший влажной землей и прелыми листьями, к этим сильным запахам примешивался легкий и пронзительный аромат последних осенних цветов, оставляющий в сердце печаль о чем-то ушедшем, невозвратном...

Вместо того чтобы со всех ног бежать в лабораторию и приняться за составление зелья, я неторопливо брела, чувствуя, как трава щекочет босые икры, и, удивительно, вовсе не хотела спешить. Давно я не чувствовала себя так спокойно и беззаботно.

– Пришли, – негромко сказал Ди, и только тогда я увидела корпус целителей, надвинувшийся на нас из темноты.

Приглушенный свет горел лишь в окнах второго этажа – в комнате дежурного целителя.

– Ой... – прошептала я, только теперь сообразив, что корпус, где лечатся студенты, запирают на ночь магическим заклинанием. – Как же мы зайдем!

Ну и ну. Вот так прекрасные планы и рушатся из-за непредвиденных мелочей! Придется отступить и вернуться следующей ночью. Я мысленно перебрала все способы взлома: похитить перстень, отворяющий дверь, у мэтра Форзи? Обзавестись отмычками? Выбить стекло?

Ди подобрал с земли камешек и запустил им в окно первого этажа. В окне появилась сонная физиономия незнакомого студента, он прижался лбом к стеклу, увидел нас и кивнул. Раздался скрежет отодвигаемого засова, створка распахнулась.

– Залетайте, – скомандовал студент, одетый в больничный халат.

Я в изумлении воззрилась на Ди, не понимая, что происходит. Ситуацию прояснил Всполох. Он грациозным движением запрыгнул на подоконник, чуть поклонился нашему неожиданному помощнику и сказал:

– Благодарю. Все как договаривались: я побеседую с твоим... хм... неприятелем после того, как тебя выпишут.

Только сейчас я разглядела, что под глазом у студента и на скуле темнеют подживающие синяки, одна рука висит на перевязи, а сама студентка еще более тощенький, чем Ди. Но он, видать, драться

вовсе не умеет, в отличие от цыпленка, вот и загремел в лечебницу. Так вот куда вечером бегал пумыч – условиться, чтобы ночью нас впустили. Умно! Интересно, это Димитрий сам придумал?

– Руку, – прошептал парнишка, наклоняясь ко мне.

Подоконник был в метре над землей, но мне даже такая высота казалась почти недостижимой: тело Пеппилотты, прямо скажем, не слишком воздушное.

– Я подсажу, – сказал Ди.

Следующие пять минут жизни я бы с радостью навсегда стерла из памяти, но, боюсь, они, эти пять минут позора, останутся со мной до глубокой старости. При героическом взятии высоты обошлось без кровопролития. Пострадала лишь моя гордость да тот хлипкий кустик, что прежде мирно рос под окнами, но был раздавлен моим корпулентным организмом, когда я грохнулась первый раз.

– Ты цела, Пеппи? – с тревогой спросил Ди.

Сорвавшись во второй раз, я придавила Димитрия, выбив из него весь воздух.

– Цел?

– Кх... х-х-х... Норм.

Всполох отвернул морду, пряча улыбку. Студент откровенно ржал. Мало ему, видно, синяков, мало! Сейчас добавим!

Ди изменил стратегию, взобрался на окно, и теперь они тянули меня вверх в четыре, вернее, три руки. Я перевалилась через подоконник и упала на пол, точно мешок с картошкой. Надо мной склонились три обеспокоенные физиономии. Всполох обнюхал мое лицо, щекоча усами, и вынес вердикт:

– Жить будет!

Ну и ночка! Но чего не сделаешь ради любви!

Я с трудом поднялась, кряхтя, точно старая бабка, и потирая ушибленные бока. Хорошо, что перед Ди не надо притворяться и держать лицо. С ним я могла быть собой – несуразной толстухой Пеппи.

– Пошли уже, – буркнула я.

Лаборатория смотрелась совсем иначе, чем при свете дня. Сколько же здесь шкафов, полок, и на каждой стоят флаконы и склянки. Поиски нужных ингредиентов в темноте могут затянуться не на один час!

Ди не выглядел растерянным. Он деловито установил ступу, вынул из тумбы аптекарские весы, спиртовку и котелок. Всполох тоже не терял времени даром: он обходил помещение по периметру и принюхивался.

– Давай рецепт, – скомандовал Ди, когда с приготовлениями было покончено.

Из-за яркой луны в комнате было достаточно света, чтобы разглядеть мои кособокие буквы. Димитрий прочитал, кивнул сам себе и отправился в рейд по шкафам. Я, стараясь не мешать, осторожно двигалась следом. Похоже, Ди знал, что делает. Ингредиенты, хранящиеся в лаборатории, были рассортированы по каким-то правилам, мне неизвестным, но Ди это не смущало. Время от времени он подзывал к себе Всполоха и, откупорив крышку на очередном флаконе, протягивал его фамильяру. Тот нюхал и чаще всего соглашался с выбором, но иногда чихал и укоризненно смотрел на хозяина.

Я смотрела за их слаженной работой и все яснее понимала, что одна бы ни за что и никогда не справилась с изготовлением зелья. Похоже, декан предполагала это, диктуя мне рецепт: знала, что я или брошу все на полпути, или сварганю то, что не сработает. Милейшая Памела думала, что ничем не рискует!

На столе выстроилась шеренга из больших и маленьких пузырьков. Ди и меня приспособил к делу: заставил измельчать в ступе кусочек рога единорога. Сам зажег спиртовку, поставил котелок и постепенно добавлял готовые ингредиенты, тщательно взвесив их на весах.

Варево в котелке по мере того, как Ди ловко подсыпал и подливал нужные вещества, меняло консистенцию и цвет. Я расправилась с рогом единорога и засмотрелась на то, как варево из вязкой желтой субстанции становится сначала фиолетовым, потом зеленым, булькает,

густеет, снова делается жидким. Оно пахло то жженой резиной, то болотной жижей, то увядшими цветами. Но вот Димитрий добавил щепотку измельченных волос Турухтана – последний ингредиент в списке, – и зелье, на мгновение вскипев, осело, став похожим на обычную воду, лишь едва-едва пахнущую медом. Ди перелил полученное зелье в пробирку, заткнул ее пробкой и протянул мне.

– Готово.

Я с трепетом взяла в руки желанное снадобье. Я не верила своим глазам. Неужели цель так близко? С ума сойти! Я осторожно завернула пробирку в носовой платок и спрятала в карман мантии. Мы быстро убрали за собой следы преступления, вернули флаконы на места, отчистили котелок и вытерли стол. Теперь даже наметанный глаз мэтра Форзи не заметит, что в лаборатории ночью кто-то хозяйничал.

Ушли мы тем же путем, что и забрались в корпус, – через окно. Студент, зевая, сидел на постели, ожидая, пока мы вернемся.

– А что вы делали в лаборатории? – полюбопытствовал он. – Я слышал, что в основном парочки пробираются туда, чтобы приготовить противозачаточное...

Он не договорил, оглушенный моим подзатыльником.

– Ну, нет так нет, – пошел он на попятную.

Мы выбрались наружу, и ясная тихая ночь снова приняла нас в свои объятия. Спать не хотелось: волшебство полнолуния развеется с рассветом, и начнется учебная суета. Я замялась, не зная, стоит ли предложить Ди погулять еще немного.

– Если ты не слишком устала, пойдем со мной, я покажу тебе кое-что, – внезапно сказал Димитрий.

– Устала, конечно, – для вида поворчала я: какая приличная девушка сразу согласится на такое сомнительное приглашение? – Но так и быть, в благодарность за то, что ты мне помог, я с тобой прогуляюсь.

Ловко я, а? Двух зайцев убила. Всполох усмехнулся в усы: от его хитрой физиономии мой маневр не ускользнул, но пумыч не стал меня выдавать.

Ди пошел впереди в противоположную от домиков сторону. Слева границей территории академии служила широкая спокойная река Веснянка. К ней-то мы и отправились: журчание становилось все громче, до носа долетел запах речной воды. Мы продрались через

заросли рогоза и оказались на песчаном пятачке у небольшой тихой заводи, где вода почти не двигалась, застыла, точно зеркало, и в этой темной воде отражались звездное небо и огромная луна. Казалось, что воды и нет вовсе, а там, за тонкой гранью, разделяющей верх и низ, находится другой мир, где живут такие же люди. Но, может быть, там, в их мире, все проще и легче? Нет магии, разделяющей всех на чаровников и ведунов? Нет несправедливых заклятий, которые переворачивают жизнь с ног на голову. Эх, хотелось бы мне там побывать хоть разок...

Посредине узкой песчаной полоски пляжа лежал круглый серый валун – чем не скамейка? На него мы с Ди и уселись, пришлось потесниться, прижаться боками. Отчего-то я сейчас совсем не стеснялась его соседства. Не из-за того ли, что мы были надежно скрыты от посторонних глаз стеблями рогоза и некому было нас осудить или высмеять? С Ди было спокойно и тепло. В прямом смысле тепло: он согревал меня, закрывал от ветра, а с другой стороны ко мне прислонился Всполох, этот и вовсе припекал, как печка.

Ди вынул из кармана бумажный кулек, развернул и протянул мне.
– Угощайся.

В кулке лежали засахаренные орешки, я зачерпнула горсть, отправила парочку в рот: м-м-м, как вкусно.

– Спасибо. – Я помолчала и добавила: – Спасибо за все, Ди.

Сквозь ткань мантии я ощущала продолговатую пробирку с зельем, и это окрыляло. Неожиданно чувство признательности к Ди накрыло с головой, и потянуло на откровенность. Если он мой друг – он меня не осудит.

– Знаешь, что за зелье мы с тобой приготовили? – спросила я и сама же объяснила: – Приворотное зелье. Завтра я пойду на свидание с Роем и дам ему выпить волшебного лимонадика.

Я взволнованно хихикнула.

Улыбка застыла на губах Ди, а потом медленно погасла.

– Что? – спросил он.

Зря притворяется, он и в первый раз все прекрасно расслышал: на берегу реки было так тихо, что был ясно слышен каждый плеск и шорох. Я неловко заелозила: камень вдруг показался жестким. Вздернула подбородок.

– Завтра я пойду на свидание с Роем и дам ему выпить приворотное зелье, – отчеканила я. – Так надо. Ничего страшного в этом нет! Рой просто на время перестанет видеть мои недостатки и станет обращать внимание лишь на достоинства. Он меня полюбит, а когда действие зелья пройдет, любовь никуда не денется, вот.

– Зачем тебе это нужно? – глухо спросил Ди.

А я-то считала его своим другом! Он вовсе не радовался за меня!

– Нужно! – ответила я с вызовом.

Встала, отряхнула юбку.

– Кажется, нам пора идти.

Ди не торопился вставать, он хмурился, точно напряженно обдумывал что-то. Сейчас примется занудствовать, как пить дать!

– Зелье не так безопасно, как это преподнесла мэтрисс Кеолея.

Ну так и есть, начинается душеспасительная лекция! А ведь я почти поверила, Ди, что правила написаны не для тебя. Я сложила руки на груди, мол, говори-говори.

– Знаешь, как оно действует? – не унимался ворчун Ди.

– Не представляю, – фыркнула я.

– Ты слышала сказку о злой королеве и ее волшебном зеркале? Оно разбилось, и осколки разлетелись по свету. Те, кому они попадали в глаза, начинали видеть в близких одни только недостатки, будто зеркало искажало их, как... Как в балагане «Кривые зеркала», ты там наверняка бывала. У зелья обратное действие. Ты думаешь, Рой увидит тебя настоящую? Но это не так! Он увидит совсем другую девушку!

– Не важно! – Я уже начинала злиться. – Это не твое дело! Ты не мой папочка, чтобы говорить мне, что я должна делать, а что не должна!

Ди открыл рот, но не нашелся, что возразить. Так-то!

– Только один вопрос, котенок, – вальяжно произнес Всполох, который до того безмолвно выслушивал нашу перебранку. – Ты бы хотела, чтобы действие зелья кто-то испытал на тебе? Теренс, например?

– Фу! – воскликнула я. – Ну ты сравнил! Теренса и меня! Да в нем и нет никаких достоинств!

Пумыч мотнул головой, исподлобья взглянул на Ди. Тот наконец соизволил встать с камня. На скулах ходили желваки. Он скомкал кулек с орехами, запустил им в реку. Нервный какой!

– Пеппи, ты себя слышишь? – тихо спросил он. – Ты хотя бы понимаешь, что ты собираешься сделать? Если Рой узнает, он тебя не простит.

– А он узнает? – дерзко спросила я. – Ты расскажешь?

Ди дернул уголком губ.

– Нет. Не я. Но действие зелья закончится через несколько дней.

– Между прочим, рецепт мне дала сама мэтрисс Звонк!

– Почему? Зачем? – воскликнул Ди, теряя остатки самообладания. – Не понимаю!

Я и сама не знала, почему милейшая Памела так расщедрилась. Посчитала меньшим злом то, что я получу рецепт из ее рук, а не сверну себе шею, добывая его самостоятельно? Или это очередное испытание?

– Ты меня не отговоришь... – устало произнесла я. – Мне нужен Рой. Вот и все.

Домой мы возвращались в гнетущей тишине, теперь молчание перестало казаться уютным. Я шла рядом с Ди, но между нами будто пролегла пропасть. Хотела бы я, чтобы мне было наплевать, однако обычное равнодушие мне изменило. На душе скребли кошки, огромные, как пумы... В голове топтались несуразные мысли: «Эх, Ди, был бы ты не таким невзрачным цыпленком... С тобой так легко и не нужно ежеминутно втягивать живот и выдавливать из себя милую улыбку... Но, увы, ты не снимешь заклятие. А если бы и снял, как бы я, прекрасная Алисия Уэст, показалась с тобой после на балу? Мы бы превратились в посмешище... Нет-нет, это совершенно недопустимо!»

На следующий день Ди не пришел на завтрак и на занятиях меня избегал, даже не глядел в мою сторону. Подумаешь, обижается, как маленький!

– Какая кошка между вами пробежала? – не выдержала Клара.

Я небрежно отмахнулась.

– Не сошлись во мнениях. Ничего, подуется и перестанет.

Ведь должен Ди рано или поздно прекратить злиться? Он не может вечно меня игнорировать. Девочки взяли было меня утешать, мол, парни все такие, им важно отстоять свою точку зрения, но Димитрий отходчивый и признает, если был не прав. Я кивала, однако в глубине души понимала, что Ди нескоро забудет о размолвке.

Да какое мне дело до его чувств, если впереди маячит свидание с Роем! Вот кто мне по-настоящему нужен.

Прозвучал звонок с последней лекции, я покидала в сумку учебники и, не оглядываясь, поспешила к выходу. Я собиралась дождаться Роя у павильона с бассейном, где ведуны учились покорять водную стихию. Только бы Морковь и Соломинка за мной не увязались: объясняться с ними совершенно не хотелось.

– Пеппи! – крикнула в спину Клара. – Что случилось! Ты куда?

До ушей донесся жаркий шепот Маль, уговаривающей Клару оставить меня в покое: «Ей нужно побыть наедине с собой, она переживает из-за ссоры».

Я волновалась, что к моему приходу ведуны убегут в столовую на обед. Мой хрупкий план строился на том, что после тренировок с водой первокурсникам, которые пока неумело обращались с заклинаниями и к концу занятия промокали насквозь, придется потратить некоторое время на высушивание одежды. Жасмин, их куратор, помогала, но сначала отпускала девчонок и только потом принималась за парней.

Я спряталась за пышными кустами чубушника и наблюдала, как из дверей круглого павильона одна за другой выпархивают студентки в зеленых мантиях и направляются в сторону столовой. Ушли Меринда и Зея. Следом появилась Белль в окружении подружек. Они шагали

рядом, болтали и смеялись. Досадно, но ее приятельницы вовсе не производили впечатления отщепенцев – симпатичные ведуньи, уверенные в себе. Да и сама бедненькая-бледненькая выглядела весьма неплохо. Я, прищурившись, смотрела ей вслед и мысленно насылала ей на голову все мыслимые кары. Увы, с помощью магии чаровников невозможно сбить с ног, окатить грязной водой или сделать так, чтобы земля расступилась, поглотив обидчика: на это способны только ведуны. Поэтому Белль ушла невредимая и вполне довольная собой.

«Не думай о Белль! Не думай о Белль! – мысленно повторяла я. – Много чести!»

Я так отчаянно старалась не думать о Белль, что едва не проворонила Роя. Он показался у входа, огляделся и ускорил шаг, собираясь догнать Меринду. Нужно ему помешать!

Набрав в грудь побольше воздуха и чувствуя себя воздушным шариком, я выплыла из укрытия. Нужно, чтобы голос звучал чуть взволнованно, но не напористо, нежно и капельку испуганно.

– Рой!

Он услышал, обернулся. Поколебался, глядя вслед удаляющейся Ринде, а потом подошел ко мне.

– Привет, Пеппи.

– Помнишь, мы хотели погулять?

Я заранее тщательно продумала эту фразу. Надо дать Рою понять, что это не я его заставляю – он сам принял решение, и ни в коем случае нельзя давить, напоминая о споре. Если Рой человек слова, он не станет увиливать.

Не могу сказать, что лицо Роя озарилось радостью, он даже слегка загрустил, однако покорно кивнул и сам предложил:

– Давай сегодня? Вечером у Трех Бродяг?

Тремя Бродягами студенты окрестили три старые сосны, стоящие особняком. Деревья, покрытые ржавой хвоей, застыли, склонившись макушками, точно устали в дороге и хотели поддержать друг друга. Сразу за ними ухоженный парк постепенно превращался в дикий лес. Гулять по нему позволялось, но недалеко. А нам далеко и не надо!

– Отлично! Сегодня в семь!

Я мило улыбнулась и припустила домой. Нужно успеть все подготовить.

Мэтрисс Звонк предложила растворить приворотное зелье в лимонаде, но ближайšie лавки, где продают лимонад, остались в столице. Я вообще сомневалась, что лимонад – необходимое условие. Просто вредная старушенция хотела создать дополнительные сложности. И тут мне на помощь неожиданно пришла высокая кулинария. Не зря я штудировала учебник – нашла отличный рецепт травяного отвара «Утренняя бодрость». Бодрость Роя не помешает, особенно в комплекте с влюбленностью.

Утром на занятиях у мэтрисс Кеолеи я вела себя как пайныка, а на перемене, придав лицу выражение раскаяния, подольстилась к преподавательнице.

– Простите, что дерзила на первом занятии. Разрешите мне исправить неуд? Мне бы очень хотелось приготовить травяной отвар «Утренняя бодрость». По утрам я чувствую себя как сонная муха.

Я выпалила это единым духом и смиренно опустила взгляд. Как я и предполагала, мэтрисс Кеолея сменила гнев на милость. Выдала мне ингредиенты, подробно объяснила, в какой последовательности их добавлять, где отвар следует чуть-чуть приправить магией, и вручила большую бутылку из темного стекла, чтобы я забрала напиток с собой.

– Спасибо, вы мне очень помогли! – воскликнула я вполне искренне.

Снова убиты два зайца – пиф-паф! Учитесь все у Алисии! И неуд исправила, и будет чем угостить Роя.

Договорившись о свидании, я со всех ног бросилась домой, надеясь, что не застану там соседок. Не должна. После обеда Клара сразу отправляется в театральную студию репетировать роль графини, а Маль и Бруно идут на танцы. Эти двое в последнее время стали задерживаться и после танцев – гуляют до темноты!

В комнате никого. Я вынула из тумбочки заветную пробирку с прозрачной жидкостью, откупорила бутылку и щедро плеснула приворотного зелья: много – не мало! Готово. Вечером, отправляясь на свидание, я прихватчу с собой отвар.

Сделав дело, я поспешила на репетицию. Мы уже перешли от читки сценария к разыгрыванию сцен. Роль кота я выучила быстро, а поскольку каждый вечер по много раз наблюдала, как Меринда и Клара произносят реплики графини, невольно выучила и их. Да что

там, при желании я смогла бы сыграть любого персонажа: я никогда не жаловалась на память.

Я тихонько проскользнула в темное, пахнущее пылью помещение как раз в тот момент, когда принц Эдуард – Ди – и его фамильяр – кот, он же Всполох – обсуждали спасение графини Вероники. Рампа над сценой освещала фигуру Димитрия, выхватив ее из темноты. Свет струился по плечам, узким кистям рук, обрисовывал лицо. Удивительно, но в таком ракурсе Ди, пожалуй, не выглядел цыпленком. Он действительно казался принцем в изгнании – лишенным всего, измученным, но не сломленным.

Интересно, не использовала ли мэтрисс Нинон какую-то запретную магию, чтобы зрители поверили, что Ди, тот самый несуразный щуплый Ди, скрывает в себе такую внутреннюю силу, что по коже бегут мурашки? Да и существует ли такая магия?

– Это опасно, хозяин, – раздался голос Всполоха.

Он кружил по сцене вокруг Ди.

«Не лучше ли отказаться от любви, но сохранить жизнь?» – мысленно повторила я следующую реплику за фамильяром.

– Да и что такое любовь, как не сладкий обман для бедняков и дураков? – продолжал он.

Я знала, что помощник испытывает принца, но зрители на премьере будут потрясены вероломством верного друга.

– Нет, я не обманываю себя, – тихо, но с достоинством отвечал Ди.

И у меня снова зашло сердце. Захотелось отмотать вчерашнюю ночь до того мгновения, когда я рассказала Димитрию о зелье. Он бы ничего не узнал, и мы бы не поссорились...

– Я люблю ее. И последую за ней хоть на край земли, хоть в подземное царство.

Хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь последовал за мной на край земли... Дождешься от этих парней, как же! Приходится все всегда делать самой.

Я отыскала взглядом Роя и улыбнулась.

Я появилась на месте встречи заранее, но до поры до времени затаилась за толстым стволом сосны-бродяги. Всем известно, что девушка не должна первой приходить на свидание: это дурной тон, но я так нервничала, что не могла ждать дольше.

Придет? Не придет? Что делать, если не придет? Позвать снова? Но не буду ли я выглядеть слишком навязчивой?

Сомнения улетучились, когда я заприметила медленно бредущего Роя. Он шел, глядя под ноги, раздумывая о чем-то. В очередной раз, когда он опустил взгляд, я обогнула ствол и небрежно оперлась на него. Только с виду небрежно, на самом деле отдавала себе панические приказы: «Плечи распрямить! Живот втянуть! Улыбочку, улыбочку не забыть! Да только не зубастую. Ножку вперед, носочек выставить. И бутылку не урони! Вот так! Ты готова, Алисия!»

Рой поднял глаза и вздрогнул от неожиданности, увидев меня.

– Привет! – расплылась я.

– Хм... Привет, Пеппи.

Рой подошел совсем близко, чуть поклонился, приветствуя. От моего взгляда не ускользнуло, что он чувствует себя скованно, а еще я отметила, что при разговоре он смотрит не на меня, а мимо.

– Куда пойдём? Есть предложения?

Я надеялась, что у самого Роя есть идеи, ведь это он пригласил меня к Трем Бродягам. Я пожала плечами.

– Просто прогуляемся? Поболтаем.

– Да, хорошо. – Рой слегка расслабился.

Я хотела взять его под руку, чтобы сразу сократить расстояние между нами, но Рой был слишком напряжен. Мы углубились в лес. Очень скоро я поняла, что соглашаться на встречу у сосен было опрометчиво: мы оказались на лоне первозданной природы, со всеми ее прелестями – ни фонарей, ни приличных тропинок, зато комаров и торчащих из-под земли корней хоть отбавляй. Рой придерживал меня, когда я спотыкалась, и даже повесил над нашими головами мерцающий шар-огневик, однако уже через пять минут такой прогулки я подвернула ногу и выдохлась. Мучила жажда, я едва не откупорила

бутыль, чтобы приложиться к горлышку. Через десять минут закрались подозрения, что Рой специально выбрал столь романтическое место, чтобы нас с ним наедине никто не увидел. Через пятнадцать минут я почти уверилась, что Рой замыслил меня угробить.

– Так, стоп, – сказала я, разглядев впереди поваленное дерево. – Давай присядем?

Мы пока ни о чем толком не поговорили. Не считать ведь разговором охи и вздохи с моей стороны, а со стороны Роя единственное словечко, которое он произносил на все лады: «Держись!»

После ссоры с Ди меня мучили небольшие сомнения по поводу зелья. Может, если мы с Роем просто поболтаем, то и зелье не понадобится?

Мы уселись на шершавый, покрытый лишайником ствол. Впервые Рой оказался так близко, руку протяни – и можно коснуться. Погладить его по щеке. В закатном свете мой ведун выглядел особенно красивым. Положить бы голову на его плечо, закрыть глаза и ощутить, как его губы касаются моего виска, щеки, спускаются ниже...

Я, цепляясь тканью юбки за неровности коры, подползла поближе к Рою. Рой растянул губы в улыбке и отодвинулся.

– Как дела с учебой? – быстро поинтересовался он.

– Отлично! – Я вцепилась в пробку на бутылке, но, подумав, оставила ее на месте: еще не время. – А у тебя?

Рой оживился. Битых полчаса я выслушивала рассказ об успехах Роя в постижении стихийной магии. Меня терзали совершенно противоположные чувства: зависть и скука. Даже не думала, что так бывает. Зависть оттого, что мне, как ни крути, никогда не осилить любого, самого простейшего заклинания ведунов. А скуку навевал запинаящийся голос Роя, который оказался неважнецким рассказчиком. Ведь тренировки в бассейне, подчинение ветров и создание огненных шаров можно описать куда интереснее. Ничего, такому красавчику простительно. Я кивала, зевала, смотрела на его точеный профиль и думала: «Не важно, что ты говоришь, но говори-говори, я просто полюбуюсь!»

– А ты, Пеппи? – наконец вспомнил он обо мне. – Какие у тебя любимые предметы? Уже получилось призвать фамильяра? Слышал, для чаровников это важный этап.

Я скривилась, надеясь, что Рой в потемках не сумел разглядеть кислого выражения на моем лице, и ответила:

– Не-а, пока не получилось. Но я не тороплюсь.

– Да и правильно, куда торопиться. Иногда я думаю, а каким бы стал мой фамильяр, родись я чаровником, а не ведуном. Порой я смотрю на пуму вашего Ди и немного завидую.

– Как мило, – ответила я, скрывая в голосе досаду: не хотелось сейчас вспоминать Ди.

– А знаешь, одна моя знакомая ни за что не хотела бы обзавестись волшебным помощником. Она всегда называла фамильяров блохастыми.

– Кто же это? – автоматически спросила я, размышляя о Ди: остыл он или все еще злится?

Да какое мне дело до Димитрия! Я доведу план до конца!

– Алисия Уэст, – ответил Рой, и я едва не подскочила на месте. – Графиня Уэст. Возможно, ты слышала.

– Слышала, – просипела я сдавленным горлом. – А где она, кстати? В академии я ее не видела.

– Приболела, – объяснил Рой. – Приедет позже. Но боюсь, что не смогу вас познакомить, она... Она...

– Что же она?

«Слишком хороша, чтобы якшаться со всяким отребьем?»

– Она невероятно красивая девушка. Когда таких встречаешь, думаешь, что их в реальной жизни и быть не должно – только в сказке. Когда она тебе улыбается, сердце пускается в галоп, ты сам себе кажешься кем-то особенным, избранным. А со временем понимаешь, что на самом деле все ее улыбки – просто средство заполучить от тебя что-то нужное. Я даже рад, что сейчас она не в академии, потому что...

Рой замолчал, а у меня сердце колотилось с такой силой, будто вот-вот выпрыгнет из горла прямо Рою на колени, – вот он очумеет!

– Потому что я не смог бы сопротивляться ее обаянию. Бегал бы за ней, потеряв гордость. Ждал приказов, растекался лужицей у ее ног.

– Даже так?

Рой хмыкнул.

– Видела бы ты меня на вечернике по случаю поступления в академию... Вот так она действует на парней – эта девчонка. А я бы не

хотел до такой степени потерять разум. Это недостойно мужчины. И, откровенно говоря, пугает.

– А если бы она искренне тебя полюбила? – вкрадчиво спросила я пересохшими губами.

Рой качнул головой.

– Только не Алисия. Алисия просто не знает, что это такое.

Я медленно вытянула пробку из бутылки. Рой-Рой, ты даже не знаешь, как близок к своему счастью! И что за беда – ненадолго потерять разум, чтобы потом быть вместе с любимой до конца своих дней? Ну или не до конца, как пойдет: жизнь сложная и непредсказуемая штука. По крайней мере, до зимнего бала точно!

– Пить хочешь? – спросила я. – Держи взвар. Я сама приготовила. Бодрит!

Рой взял бутылку, отхлебнул, прислушался к ощущениям.

– Вкусно, медом отдает.

Он сделал еще несколько больших глотков. Замер. Поглядел на меня. Моргнул.

– Пеппи... Я только сейчас увидел, какая ты симпатичная девушка.

Вечер удался. Впервые за долгое время я чувствовала себя так, словно моя ослепительная внешность вернулась ко мне. Будто я снова блистательная Алисия: Рой не сводил с меня глаз, внимал каждому слову, восхищенно улыбался.

Закралась мысль: что, если благодаря зелью он сумел заглянуть сквозь заклятие и увидел меня настоящую? Но тогда бы он узнал Алисию, верно? Однако Рой продолжал звать меня Пеппи, точнее, вот этак с придыханием: П-пеппи!

Пожалуй, и поцеловать был не прочь, но тут я сама засомневалась: засчитается ли поцелуй, пока Рой находится под действием приворотного зелья? За несколько дней красавчик-ведун привяжется ко мне, узнает и полюбит – тогда и скрепим союз, как говорится в дамских романах, лобзанием.

Какое это все-таки упоительное чувство – быть для кого-то сияющей звездой на небе! И домой идти расхотелось, хотя я продрогла, устала и хромала.

Рой порывался нести меня на руках. Он был, несомненно, сильнее цыпленка, но тоже не силач – недалеко уволок. Отдуваясь, поставил на кочку. Посмотрел виновато. Что поделать, пока я не очень пригодна для столь романтических жестов, но чудо по превращению жабенка обратно в принцессу не за горами!

– Не бери в голову, – смилостивилась я. – Можешь завтра проводить меня на занятия и отнести сумку с учебниками.

Рой расцвел, точно я пообещала ему руку и сердце. Он проводил меня до дома, хихикая, сбивчиво читая отрывки стихов и нежно придерживая за локоть. Глаза Роя странно поблескивали.

Мой прекрасный принц вел себя лучше, чем в сказке, и все же в глубине души подтачивал червячок беспокойства – не перестаралась ли я с зельем? О его действии я знала мало, но подозревала, что со взваром «Утренняя бодрость» его лучше было не смешивать. Рой будто опьянел и не совсем понимал, что происходит. Ничего, выспится и придет в себя. Его восхищение моей особой меня несколько не

утомляло, но если заметят странное поведение Роя – пойдут разговоры.

Мы попрощались на крылечке дома. Рой прильнул губами к моей руке. Тепло и щекотно, будто теленок дышал в ладонь. Я по-хозяйски запустила пальцы в его волосы, на ощупь они оказались мягкими и шелковистыми. Мой Рой! Больше не пытается удрать, не смотрит мимо, не отстраняется. Все идет так, как должно. Еще немного – и я утру нос выскочке Меринде! Всем покажу, где мое место, а где их!

Я размечталась, как появлюсь на репетиции спектакля в своем истинном облике, полюбуюсь на отвисшие челюсти, снисходительно улыбнусь мэтрисс Нинон и скажу: «Так и быть, я согласна играть графиню Веронику, а роль кота пусть забирает Ринда!» Смерю взглядом Ди. Он смешается, скуксится, поймет, какое он ничтожество рядом со мной!..

– Рой? Рой! – Я только спустя пару минут сообразила, что Рой все так и стоит, сложившись в три погибели, прижав мою руку ко рту. – Рой, иди поспи. Уже поздно!

Услышав свое имя, он поднял мутноватые глаза. Не с первого раза удалось забрать у него свою обслонявленную пятерню.

– Спать, спать, – напомнила я ему, будто малышу.

Несмотря на поздний час, Клара и Маль не спали, ждали меня.

– Где ты была? – напустилась на меня Морковь. – Мы волнуемся!

Мальвина успела выглянуть в окно, и глаза ее сделались огромными, как у совы.

– А там кто? Рой?

– Рой! – гордо согласилась я. – Теперь он мой парень!

Я насладилась изумленными взглядами соседок, но ничего объяснять не стала.

– Поздно уже, давайте укладываться.

Я лежала в темноте и слушала, как Клара и Мальвина ворочаются в постелях. На моих губах играла блаженная улыбка. Как же их, должно быть, распирает от невозможности обсудить внезапную перемену в моей жизни. То ли еще будет: завтра мы с Роем произведем фурор!

Но фурор или, скажем, хорошенькую утреннюю встряску Рой первым делом устроил мне. Когда я вышла из домика, то чуть не полетела кубарем, споткнувшись о его ногу. Рой был в той же одежде,

что и ночью, всклокоченный, с опухшими глазами, без учебников – по-видимому, он провел ночь сидя на крыльце.

– Ты чего здесь? – испуганно спросила я.

– Жду тебя. Где сумка?

Я медленно передала ему сумку.

– Ты не спал?

– Не-а, не хочется! Я полон сил!

С противоположного выхода появились Бруно и Димитрий. Ди увидел Роя и будто натолкнулся на невидимую стену. А потом перевел взгляд на меня... Точно кипятком плеснул. Оказывается, его глаза не всегда смотрят мягко.

– Ты все-таки это сделала.

Не спрашивал, уже все понял. Стремительно направился к нам, прищурившись, оглядел Роя, а тот улыбался, точно невинный младенец. Такой лапушка!

– Рой, ты голоден? – спросил Ди. – Спать хочешь? Или еще чего-нибудь?

Тот помотал головой, ни на миг не погасив широкой улыбки.

– Я хочу быть рядом с Пеппи. Пеппи лучше всех! Посмотри, какая она красивая! Пахнет мелиссой. Ты чувствовал, Ди?

Запах мелиссы. Аромат моей магии. Неужели я до сих пор пахну ею даже в этом неуклюжем теле?

Ди схватил меня за предплечье и отволок в сторону.

– Что ты дала ему? – прошипел он.

– Как что? Только то зелье, которые ты приготовил.

– Рой сам не свой! Даже приворотное зелье не действует так странно. Ты с чем-то его смешала?

Я не видела смысла скрывать:

– Да, со взваром «Утренняя бодрость». Наверное, поэтому он, ну... такой бодрый! Думаю, скоро ему полегчает. Зато гляди, какой он ми-илый!

Рой в подтверждение моих слов осторожненько подкрался, обнял меня сзади за талию и промурлыкал в ухо: «Пеппи!»

– Добром это не кончится, – покачал головой Димитрий. – Нужно отвести его в корпус целителей.

– Вот еще! – возмутилась я. – У меня только начало все получаться!

– Что у тебя начало получаться? – нахмурился настырный Ди.
– Не важно! Рой, за мной! – скомандовала я.
Мы ушли и оставили этого зануду стоять и смотреть нам вслед.

Что и говорить, отличная была мысль – использовать приворотное зелье.

Мысль отличная. Реализация подкачала.

Кто же знал, что лучше было не смешивать зелье со взваром «Утренняя бодрость»! Поначалу все шло на ура, как я и задумывала: мы с Роем сели в столовой вместе, за отдельный столик. Я ловила на себе изумленные, недоумевающие, порой злобные – от Меринды, например, – взгляды студентов. Ринда не поленилась, подошла поздороваться.

– Доброе утро, Пеппи. Доброе утро, Рой, – пропела она, во все глаза глядя на блаженно улыбающегося Роя. – Рой, а мы тебя ждем. Ты куда пропал?

– Доброе утро, Ринда, – ответила я за нас двоих, так как Роя в тот момент не интересовала ни одна девушка на свете, кроме меня. – Рой сегодня сидит со мной.

Я с видом собственника похлопала Роя по руке.

– С кем ему еще садиться, как не со своей девушкой. Да, лапушка?

– Да, любимая.

Меринда издала странный звук, точно ее тошнило. Развернулась было, но не выдержала, вернулась, затормошила Роя за плечо:

– С тобой все в порядке? Рой? Посмотри на меня!

Мой красавчик на мгновение отвел от меня взгляд, чтобы посмотреть на Ринду. Я вдруг увидела происходящее будто со стороны: растрепанный Рой с красными глазами точно не производил впечатления вменяемого человека. Как бы эта проныра не догадалась, что дело нечисто!

– Меринда, иди куда шла! – рявкнула я. – Рой, скажи ей!

Тут в памяти всплыло словечко «уродина», которым Меринда наградила меня при первой встрече. Отличная возможность отомстить!

– Может, ты надеялась, что нравишься Рою? – с сочувствием спросила я. – Глупышка. Рой мне признался, что не знает, как избавиться от этой липучки-вонючки, то есть от тебя, Меринда. Помнишь, ты мне говорил, Рой?

Рой наморщил лоб. Снова посмотрел на Ринду. На его лице мелькнуло растерянное выражение, а губы дрогнули, точно пытались сложиться в слово «нет». Я испугалась, сжала его ладонь.

– Правда, Рой? – спросила я нежно. – Ведь я лучше всех?

Лицо моего лапушки просветлело, губы растянулись в улыбке.

– Да. Лучше всех.

– А Меринда липучка-вонючка?

– Да. Липучка-вонючка...

Меринда вспыхнула, фыркнула и стремительно улетучилась. Через некоторое время я украдкой посмотрела на нее: Меринда хлопала носом и вытирала салфеткой слезы, а Зея гладила ее по плечу и кидала на меня убийственные взгляды. Так тебе и надо, Ринда!

На столик, за которым собрались мои соседи, я старалась не смотреть, специально села спиной. Достаточно того, что я мельком увидела мрачного, как туча, Ди, который сидел с каменным выражением лица. Бруно, Маль и Клара молча ковырялись в тарелках. На короткий, очень короткий миг мне вдруг захотелось оказаться на своем привычном месте. Подтолкнуть локтем Ди, похихикать над медлительным Бруно, обсудить с девчонками забавную шляпу мэтра Форзи, в которой он вчера заявился на занятия... Я сама удивилась этому желанию! Разве именно сейчас не сбывается то, к чему я стремилась: я – звезда, Рой пускает слюни, Меринда повержена, но... Отчего-то я не испытывала торжества.

Наверное, потому, что моя красота еще не вернулась ко мне. Да, в этом все дело!

Я рассчитывала, что постепенно действие взвара выветрится и Рой станет вести себя более осмысленно: его взгляд, полный обожания, был приятен, но одновременно утомлял. Однако события принимали все более странный оборот.

Студенты разошлись на занятия. Я отправила Роя в павильон ведунов, на практикум по заклинанию воздушной стихии. Удостоверилась, что его покачивающаяся фигура бредет в нужном направлении. Каково же было мое удивление, когда из окна центрального корпуса во время лекции по травологии я увидела моего ведуна, бесцельно слоняющегося вокруг здания. Время от времени он задирает голову, смотрел наверх и, судя по тому, как шевелились его губы, бормотал: «Пеппи».

Мне сделалось не по себе. Было невыносимо смотреть на его бледное лицо и всклокоченные волосы, обычно аккуратно уложенные. Я пересела подальше от окна. Вместо конспекта на листе бумаги чертила прерывистые линии и колючие снежинки.

Все не так. Все неправильно. Опаивая Роя приворотным зельем, я вовсе не хотела превратить его в одержимого. И что теперь с ним делать? Он, конечно, пускает слюни от восторга при виде меня, но... Но... Это будто и не Рой вовсе, а половинка Роя. Четвертинка. Некто с его лицом и фигурой, но с пустой черепушкой.

Я невольно отыскала взглядом Ди. В сложившейся ситуации только он может меня поддержать и что-то посоветовать. Димитрий, оказывается, тоже смотрел на меня, почувствовав неладное. Приподнял брови: «Что?» Я написала на листочке: «Рой» – и показала ему.

– Разрешите выйти?

Старенький мэтр Лоза, преподаватель травологии, подслеповато прищурился поверх сползших на кончик носа очков. Поворчал под нос, что нынешние чаровники относятся к учебе спустя рукава, что чудодейственные свойства болиголова так и останутся для некоторых тайной, но все же кивнул.

Ди выскользнул за дверь. Я вытянула шею, чтобы рассмотреть за окном Роя. Он стоял, прислонившись к березке, обнял ее, как родную, и пялился на окна лектория. Через несколько секунд к нему присоединился Димитрий. Он что-то внушал Рою, пытался оттащить от дерева, но тот отмахивался и капризно надувал губы.

О Солнцеликая, до чего жалкое зрелище. Хуже всего, что однокурсники тоже заметили драму, разыгрывающуюся под окнами. На мэтра Лозу, который как заведенный бубнил о корневищах и листьях и, повернувшись спиной к аудитории, тыкал указкой в плакат, никто не обращал внимания. Чаровники перешептывались, перебрасывались записочками, а Маль и Клара не мигая, как две змеюшки, сверлили меня взглядами. Они будто стремились забраться ко мне в голову и прочитать мысли. Невыносимо.

Я сгрэбла со стола учебники и бумаги, побросала в сумку и молча покинула кабинет. К счастью, мэтр Лоза, увлеченный болиголовом, не заметил моего побега.

Я намеревалась спрятаться от всех на берегу речки, на том крошечном песчаном пляже, который показал Ди. Хотелось побыть одной, вдали от Роя и Димитрия, пусть разбираются сами. Не желаю видеть ни слюнявого восторга Роя, ни осуждения на лице Ди. Я выскользнула незамеченной, свернула за угол, но тут встретилась нос к носу с Всполохом. Он ощутил тревогу хозяина и шел к нему навстречу.

– Тор-ропишься? – В голосе пумы дрожали рыкающие нотки, я даже струхнула. – А как же Р-рой? Р-разве тебе не нужен его поцелуй?

Меня передернуло. Почему-то мысль о поцелуе со шлепающим губами Роем вызывала чувство гадливости. Мне в самом деле нужно его поцеловать?

Я обернулась. Рой отлип от березы и теперь тащился за мной как привязанный, а Ди преграждал ему путь и что-то говорил, говорил...

Все неправильно. Все должно быть не так! Мой первоначальный восторг оттого, что зелье сработало и Рой разглядел в толстухе Пеппи объект, достойный восхищения, улетучился. Страшная штука – это зелье. Во что оно превратило красивого, здравомыслящего и в общем-то неплохого парня?

– Не хочу я его целовать... – жалобно прошептала я. – Ничего уже не хочу. Пропусти, Всполох.

– Нет, – ответил пумыч. – Ты это сделала, тебе и испр-равлять.

– Как я это исправлю? – Я развела руками. – И зачем, когда через несколько дней действие пройдет само?

– Пр-ройдет, – согласился Всполох, глядя на меня в упор янтарными глазами. – Да только все это вр-ремя Р-рой не будет спать, есть и пить, пока силы его не покинут и он не упадет замер-ртво.

– Мне все равно! – крикнула я.

Из окон кабинета травологии пялились любопытные физиономии, а мне вовсе не улыбалось превратиться в героиню третьесортного любовного романа. Пока еще никто не понимал, что происходит между мной и Роем, но слухи не остановить – даже если не узнают правды, то такого насочиняют, что держись!

Нужно уйти прямо сейчас, пока не прозвенел сигнал с занятия. Еще две-три минуты, и появится слишком много свидетелей.

Я резко сорвалась с места и стремительным шагом отправилась к аллее чаровников. Всполох догонит меня в два счета, если захочет. Если пожелает, он вцепится зубами в мою лодыжку и заставит вернуться. Мне казалось, я слышу за собой мягкую поступь кошачьих лап, я с трепетом ждала, как острые когти вонзятся в кожу... Но меня никто не преследовал. Мне давали возможность уйти.

Да только я брела все медленней. «Рой не будет спать, есть и пить, пока силы его не покинут и он не упадет замертво», – повторила я про себя слова Всполоха.

К своему ужасу, я остановилась – не ожидала подвоха от собственных ног, приросших к земле. Магия здесь не замешана. А что тогда? Неужели совесть?

Я уперла руки в бока, стараясь хотя бы так показать себя хозяйкой положения, развернулась и грозно сказала:

– Что нужно сделать? Только быстро!

Вопрос застал парней в тот момент, когда Ди удерживал Роя за воротник, а Рой упорно, хоть и не агрессивно по шажочку продвигался вперед, точно борясь с сильным ветром или волной.

– Пеппи-и-и, – тоскливо позвал он.

Должно быть, неуспокоенные духи такими же тоскливыми голосами зывали к своим возлюбленным с того света. Да и выглядел бедняга Рой так, что краше в гроб кладут: бледный, глаза впали. Жутковато, прямо скажем! Может, все-таки сбежать? Однако я решительно сцепила зубы, приблизилась к Рою и взяла его за руку.

– Ну вот, не волнуйся. Я рядом. Твоя Пеппи здесь.

– Пе-е-еппи... – протянул ведун.

Я почему-то вспомнила, каким красивым и полным достоинства был Рой, когда, скрестив руки на груди, наблюдал за поединком. И вспомнила Роя, когда он на тайной вечеринке поправлял локон Меринды и легко касался ее щеки. Как он старался, изображая принца Эдуарда, путал слова, забавно прищуривал один глаз, будто прося прощения за неуклюжесть. Он мне очень нравился все то время, пока был собой. Я мечтала о поцелуе... А потом сотворила с человеком, который был мне небезразличен, нечто кошмарное.

Следует признать, приворотное зелье явно не тот способ, каким можно заполучить искреннюю любовь. Почему я не прислушалась к Ди?

– Он ведь очухается? Он ведь не останется таким навсегда?

– Не останется, – ответил Димитрий – у меня от сердца отлегло. – Ведем его в наше тайное место.

– Наше тайное?... – не поняла я.

А потом как поняла! И на сердце неожиданно потеплело. Ди говорил про маленький пляж у реки, наше тайное убежище, скрытое от любопытных глаз.

Я повела Роя, как маленького, за руку, а он доверчиво вышагивал рядом на подгибающихся ногах. Ди страховал сбоку, на случай, если обессиленный Рой начнет заваливаться. Всполох замыкал процессию.

Маленькая заводь по-прежнему отражала небо и была все так же безмятежна, не подозревая о страстях, развернувшихся в моей жизни.

Всполох сел на самом краю песчаного пятка, втиснувшись хвостом в заросли осота. Ди усадил Роя на камень-скамейку, сломал один из крепких стеблей и принялся ладонями разравнивать площадку, откидывая прочь мелкие камешки.

– Пеппи, подойди, – скомандовал он.

Мне сделалось не по себе, однако я встала на указанное место, а чтобы было не так страшно, принялась язвить:

– Только не говори, что принесешь меня в жертву на алтаре!

Ди молчал и острым стеблем, как большим карандашом, чертил вокруг меня причудливые символы, которые постепенно окружали меня широкой спиралью.

– Ведь не принесешь? – забеспокоилась я.

– Хозяин, ты не забыл прихватить серебряный нож? – благодушно промурлыкал Всполох.

И хотя теперь его голос не был похож на прежнее грозное рычание, я не на шутку испугалась.

– Какой еще нож? – спросила я дрожащим голосом.

– Не забыл, он всегда со мной. – Ди вскинул на Всполоха недовольный взгляд. – Не пугай ее раньше времени.

– Я, пожалуй, пойду!

Я подняла ногу, едва не ступила на свеженачертанный символ, но меня остановил окрик Ди:

– Стоять!

Он распрямился и пояснил уже мягче:

– Не бойся. Понадобится лишь несколько капель твоей крови. Только кровь того, кто наложил заклятие, может его снять...

«А кровь милейшей Памелы сумеет снять заклятие уродливости?» – подумала я. Успела представить, как связываю деканшу и за ногу волочу на пляжик глухой безлунной ночью. Но Ди вернул меня с небес на землю:

– Конечно, если это изначально не неснимаемое заклятие. Но твое не такое, поэтому все получится.

Он продолжил чертить символы. Рой безмятежно улыбался, подставив лицо ветерку, и глядел на меня глупыми влюбленными глазами.

– Откуда ты так много знаешь, Ди? – подозрительно спросила я. – Помог приготовить зелье, нашел все ингредиенты, а теперь вот чертишь сложную схему. Мы оба учимся на первом курсе, но я ничего этого не умею.

Ди работал, не поднимая головы. Он помолчал, потом ответил:

– Все просто. Я всегда знал, что буду чаровником: мои родители чаровники. Обучать будущих магов до академии нельзя, чтобы случайно не разрушить дар, но я ничем не рисковал. Отец рассказал мне многое...

Он отряхнул руки и поднялся.

– Готово. Сейчас я поведу Роя по лабиринту, а когда мы дойдем до центра, я порежу твой палец, чтобы несколько капель крови упали на землю.

– Точно несколько? – опасливо спросила я.

– Верь мне.

Ди улыбнулся знакомой, теплой улыбкой, по которой я успела соскучиться, и я перестала бояться.

Он подошел к Рою, поднял его и поставил перед собой, положил ладони сзади на плечи.

– Рой, сейчас я отведу тебя к Пеппи.

– Пе-е-е-еппи...

Рой наступил на первый символ, и тот вспыхнул под его ногой ярко-синим цветом. В воздухе запахло сандалом. Для наших мест это редкая и дорогая древесина, торговые люди привозят сандал из далеких южных стран и продают втридорога. Папа как-то подарил мне браслет из светло-коричневых сандаловых бусин, которые пахли так же приятно. Или нет... То был браслет из грецкого ореха? Однако мне точно знаком этот аромат.

Так вот как пахнет магия Димитрия – сандалом.

Ди подталкивал Роя вперед, и тот послушно шагал к цели – к его желанной и любимой Пеппи. Символы загорались один за другим и больше не гасли. Вот их осталось только три, вот один. Наконец Рой встал нос к носу со мной, восторженно мигая.

– Пеппи!!!

Бедняга, чем дальше, тем хуже. Похоже, он забыл все слова, кроме моего имени.

Вот он стоит – мой желанный и недоступный граф Гарти. Взъерошен, но все еще хорош собой. Что, если я его сейчас поцелую и заклятие спадет? Вдруг достаточно лишь его – пусть наведенной, но искренней любви?

Я закрыла глаза и привстала на цыпочки.

– Рой...

Слова «поцелуй меня» завязли на зубах, как смола. Так нельзя.

– Пеппи?

– Нет, ничего... Давай, Ди, где там твой нож?

Я отыскала взглядом Дмитрия, а он так поглядел в ответ, будто я Роя не целовать собиралась, а воткнуть нож в его сердце.

– Ну чего? Не принуждаю я его!

Ди качнул головой, но не стал ничего говорить. Вынул из нагрудного кармана мантии маленький складной ножик, щелкнул, выдвигая лезвие.

– Одна капля крови! – напомнила я, трясась как осиновый лист. – Максимум две! Не больше!

– Не больше, – успокоил меня Ди.

Укола я не почувствовала и удивилась, когда на кончике пальца набухла алая капля. Сорвалась вниз, упав к моим ногам, и в тот же миг все символы, горевшие ровным голубым светом, вспыхнули алым пламенем, взметнувшись к небу, а когда сияние померкло, оказалось, что на песке не осталось ни единой линии: они исчезли без следа.

Рой тряс головой и тер глаза, будто в них попал песок.

– Чт-то случилось? – спросил он, запинаясь.

– Ну вот! – обрадовалась я. – Молодец! А то все Пеппи да Пеппи!

Напрасно я надеялась, что события дня сотрутся из памяти Роя – тогда бы не пришлось ничего объяснять. Воспоминания возвращались к нему постепенно, по мере того как прояснялось сознание. Мы вели Роя к центральному корпусу, а он, сначала благодушный, мрачнел на глазах.

– Ты дала мне что-то выпить, – пробормотал он. – Сказала, что это взвар... бодрит. Что это было на самом деле?

Я резко развернулась и отправилась в сторону столовой: все равно скоро обед. Но от Роя и теперь отлипнуть было не так просто, только сейчас им двигала не одержимость, а гнев. Он догнал меня и преградил путь.

– Не пропущу, пока не скажешь.

Его губы сжались в тонкую злую линию. Что же, следует признать, он имел право сердиться. Ди стоял неподалеку, не вмешивался, давал возможность объясниться.

– Это было... – Проклятие, как же трудно выговорить вслух! – Это было приворотное зелье.

Глаза Роя полезли на лоб. Ну, по крайней мере, теперь это были не пустые глаза ожившего мертвеца.

– Ты мне очень нравишься, Рой Гарти, – затараторила я, надеясь признанием смягчить вину. – Правда. Я не думала, что все получится так! Так... ужасно...

В животе Роя неожиданно заурчало, как в чреве голодного льва.

– Такое ощущение, что не ел вечность. – Он прижал руку к урчащему животу.

– Ну... В общем... Давненько не ел, – выдавила я. – Такая вот побочка.

Рой посмотрел на меня, как на паука в банке, – с омерзением и удивлением. Таких талантов он во мне явно не подозревал.

– Побочка, значит. Хотелось бы услышать подробности!

– Присядем?

Я взяла было его за руку, чтобы подвести к скамейке, но Рой вырвал ладонь и вытер ее о брюки. Мы сели. Я сбивчиво,

перепрыгивая с пятого на десятое, пересказала события. Поставила на первое место мою любовь. Ведь это оправдывает меня хоть немного, да? Про помощь Ди умолчала: ни к чему осложнения.

Рой за все время рассказа не произнес ни слова. Отрешенно разглядывал камешек под ногами; лишь когда я закончила, так пнул его, что тот, прочертив дугу, исчез из поля зрения.

– Я прогнал Меринду. Благодаря тебе она думает, что я обозвал ее липучкой.

– Ничего страшного, – пробормотала я. – Не так уж она и расстроилась.

Перед глазами возникла Меринда, льющая слезы, с распухшим носом. Чудное зрелище! Любовалась бы и любовалась!

– Извинись, и все, – посоветовала я от чистой души.

Рой взвился, лицо исказилось от гнева. Вскочил на ноги, пошатнулся: сказывалась бессонная ночь, и сжал кулаки. Ты ведь не будешь их распускать, Рой? Ты ведь не такой?

Он не тронул меня, даже не крикнул. Сказал с горечью:

– Ты мне предлагаешь извиниться?

Не дождался моего ответа, развернулся и ушел.

Я, понурившись, сидела на скамейке. Ди шлепнулся рядом, Всполох растянулся у ног, поигрывая хвостом.

– Ты все сделала правильно, – сказал Ди.

– Ага...

За обедом я вынуждена была наблюдать картину «Рой Гартти расстилается перед Мериндой». Он утащил ее за отдельный стол, принес графин с морсом. Что-то убежденно говорил, гладил Ринду по руке, а та отмахивалась, пару раз шлепнула его по плечу. Отворачивалась, закусив губу. Вытирала слезы. А Рой все не отступал. Вынул из кармана носовой платок, заботливо отер влажные щеки.

Меринда сдалась. Еще пару раз неуверенно дернулась, выворачиваясь из его объятий, потом прислонилась к плечу Роя, закрыла лицо ладонями. Он гладил ее волосы и целовал макушку.

Не нужно было смотреть. Нагляделась до тошноты. Маль и Клара делали робкие попытки отвлечь меня, рассказывали о свойствах болиголова. Мэтр Лоза заразил их болиголовоманией, не иначе! Будто нет темы интереснее. Спасибо, о Рое не спрашивали.

Я почти не слушала их. У меня комок стоял в горле. Даже Меринда, гадкая Меринда удостоилась искренней любви. Вон как Рой увивается вокруг нее. Я же настолько отвратительна, что на меня можно обратить внимание лишь под действием зелья. Никто никогда не касался меня с такой нежностью, не гладил по волосам, не прижимал к груди, как величайшую драгоценность.

Когда я была Алисией, не опустила бы до столь открытого проявления чувств. Теперь я Пеппи и никому не нужна...

Рой и Меринда между тем окончательно помирились. Она задорно хохотала над его шутками, запрокинув голову и сверкая зубами, но увидела, как я на нее смотрю, и улыбка превратилась в оскал. Рой склонился над ее рукой, прижимая к губам, как недавно целовал и мою ладонь. А Ринда, пока он не видел, одними губами произнесла: «Тварь». Только тогда я отвернулась.

Вот и все. Конец надеждам: Рой не стал моим даже под действием зелья, теперь он и не посмотрит в мою сторону.

Неужели придется распрощаться с красотой графини Уэст и навсегда остаться неуклюжей Пеппилоттой? Думать об этом невыносимо. Я и не думала. Пока... Пусть все уляжется, успокоится, и тогда я составлю новый план. Ведь я Алисия, а Алисия не отступает и не сдается!

– Пеппи? Пеппи, ты что, плачешь? – прошептала Мальвина.

И вдруг обняла меня, не спрашивая разрешения. Первым порывом было оттолкнуть Соломинку. Какое она имеет право? Вот так! Без спроса?..

Я всхлипнула и обняла ее в ответ.

Странная вещь – объятия. Отчего-то уменьшают душевную боль без всяких зелий и настоев. Откуда берется та теплая волна, что захлестывает сердце? И почему слезы больше не горчат, а приносят покой, будто вместе с ними выплескивается боль?

Клара обняла меня с другого бока.

– Не знаю, что случилось, Пеппи, но ты всегда можешь рассчитывать на нашу помощь.

Бруно похлопал меня по руке, для стеснительного Бруно – фонтан эмоций.

А Ди... Он просто смотрел. И я никак не могла истолковать его задумчивый взгляд...

Весь вечер и следующий день я ходила точно в воду опущенная. Трудно смириться с провалом, но со временем станет легче. К тому же, если верить Кассандре – фамильяру деканши, – еще не все потеряно. Беда в том, что я не имела ни малейшего представления, где разыскивать тяжелые перышки и как превратить нечто черное в нечто белое.

Чтобы поразмышлять об условиях, поставленных мэтрисс Звонк, я спряталась в зарослях осота на берегу речки.

Именно здесь меня отыскал бумажный самолетик с посланием от Роя. Записка могла быть только от него, ведь в прошлый раз он таким способом рассылал приглашения на закрытую вечеринку. И почерк знакомый.

С замиранием сердца я прочитала короткие строки.

«Думаю, ты должна извиниться передо мной, Пеппи. Извинись, и мы забудем эту историю, как страшный сон. Жду тебя в подвале заброшенной лаборатории в полночь. Рой».

Отчего-то в тот миг я вовсе не думала о странном выборе места и времени для разговора. Надземную часть старой лаборатории давно сровняли с землей, подземную часть – сложный лабиринт с потайными комнатами и порталами – запечатали нерушимыми заклинаниями. Проникнуть внутрь было практически невозможно, но...

Студенты – любопытный, неутомимый и вездесущий народ. Кто-то из ведунов-старшекурсников пронюхал, что печать на одном из входов со временем истончилась. Он сколотил «орден Темных исследователей», да-да, именно так пафосно его и назвал, и все, кто входил в орден, день за днем, месяц за месяцем разрушали магию, как преступники перепиливают напильником толстые прутья решетки. Печать сдалась.

Не знаю, что они надеялись обнаружить, но под лестницей не оказалось ничего интересного, кроме унылых серых стен, пыли и обрывков старых документов. Дальше небольшого мрачного холла пройти невозможно. Видать, преподаватели приняли во внимание неукротимую кипучую энергию юности и запечатали все входы и выходы.

Однако ходили слухи, что и этот крошечный уголок лаборатории некоторые студенты используют для темных делишек. Тренируют запретные заклинания, возмущаются несправедливостью преподавателей: все, что происходило в пределах серых стен, никогда их не покидало.

Так вот, я вовсе не удивилась, что мне нужно явиться в лабораторию. Меня другое царапнуло – необходимость извиниться.

Я поговорила с Роем, все ему объяснила. Разве это были не извинения? Что ему еще надо?

Я смяла бумажный самолетик и бросила под ноги. Я графиня Алисия Уэст и ни перед кем не обязана извиняться!

Стоило бы пойти домой, укутаться в одеяло, согреться – по вечерам теперь сделалось по-осеннему холодно, скоро студентам выдадут теплую форму – и обо всем забыть. Я шла по аллее чаровников, но, удивительное дело, никак не могла добраться до нашего домика-изгоя, сворачивала то на дорогу, ведущую к учебным корпусам, то на тропинку, которая выведет меня к разрушенной лаборатории.

Я куталась в тонкую мантию, дрожа то ли от холода, то ли от волнения. Стемнело. Теперь сумерки опускались рано. Вокруг ни души: все попрятались в тепло, натянули шерстяные носки, обернулись в пледы, зубрят уроки, болтают или читают книги. Компанию мне составляли фонари, сонные птицы, которые вспархивали, когда я задевала ветви кустов, да причудливые тени, которые вырастали и опадали за моей спиной в тусклом желтом свете. «Это деревья, просто деревья!» – напоминала я себе, отгоняя морок. Одна из теней поразительно напоминала крадущегося Всполоха – померещится же!

Записка Роя не давала мне покоя. Всего-то несколько предложений, а как впечатались в память. И жгли, жгли похлеще каленого металла. Как Рой посмотрел на меня, когда узнал о приворотном зелье! На кровососущего клопа и то смотрят любезнее. Но вот он сам предлагает «забыть все, как страшный сон», протягивает руку. Не стану обманывать себя: сердце Роя мне никогда не завоевать, однако видеть отвращение в его взгляде так муторно, что хоть волком вой. Правда, что ли, попросить прощения? Тем более что я – что уж греха таить – виновата.

Я ударилась лодыжкой о каменный выступ, ойкнула, наклонилась, чтобы растереть зудящую ногу, и увидела, что стою у развалин лаборатории. Ноги сами принесли меня сюда, пока я размышляла. Вход в подземелье темнел неподалеку. Наступила ли уже полночь? Я смутно помнила, что часы пробили одиннадцать раз, пока я

наворачивала круги по территории. Но если и приду раньше – ничего, это ведь не свидание.

Всего-то нужно произнести одно слово. Или два.

«Извини, Рой! – репетировала я, медленно приближаясь к чернеющему провалу. – Прости, Рой. Мир? Рой, я пришла попросить прощения...»

Я остановилась у входа, ухватилась за ветви дерева и наклонилась над ведущими в глубину сбитыми ступенями, засыпанными желтыми листьями и землей. Все выглядело так, будто спуск давным-давно заброшен, но небольшие улики выдавали студентов: лишь верхние ступени были прикрыты листьями, и в центре они были примяты, будто кто-то прошел по ним осторожно, стараясь не повредить. Ухищрения для преподавателей, но меня-то не проведешь. Внизу приглушенно горел магический свет. Огневик мог сотворить только ведун, значит, Рой уже здесь.

Несмотря на холод, у меня от волнения вспотели руки. Я едва не выпустила ветку, за которую держалась, – еще не хватало кубарем покатиться вниз. Фееричное явление Пеппи-колобка будет преследовать Роя в кошмарных снах. М-да... Если я и так уже не вошла в сонм его самых жутких страхов.

Почему так трудно сделать первый шаг? Никогда не думала, что спуститься по лестнице будет намного тяжелее, чем подняться, а ведь последнее мне, корпулентной особе, дается совсем не так просто.

«Извинюсь и уйду. Это несложно. Не сложнее, чем дать приворотное зелье тому, кто доверяет...»

Размокшие от вечерней свежести листья заскользили под моими ногами. Нужно идти осторожнее, здесь и держаться не за что, и огневик мне не сотворить – придется ступать на ощупь. Я положила ладонь на шершавую стену и медленно, шаг за шагом, стала спускаться.

Ступени заканчивались небольшой каменной площадкой, коридор уходил влево и через десяток шагов выводил в квадратный пустой холл, очищенный от пыли и мусора. Я здесь бывала: слухи о заброшенной лаборатории разнеслись среди первокурсников в первые же дни учебы, и каждый сходил на экскурсию. Ничего интересного и загадочного – стены и стены, подумаешь.

– Рой? – позвала я, переступая порог.

От стен отделились фигуры, укутанные в зеленые мантии. Тусклый свет и надвинутые на лбы капюшоны не позволяли разглядеть лиц. Все ведуны оказались худенькими и невысокими: ясно – девчонки. Роя среди них я не видела: узнала бы по росту и широким плечам.

– Понятненько... – проворчала я, разворачиваясь. – Я пошла.

– Никуда ты не пойдешь! – ударил в спину визгливый женский голос. – Тварь!

Стихийная сила ветра толкнула меня в грудь, отшвыривая от входа. Я пошатнулась, нога, которую я подвернула во время прогулки с Роем, разболелась. Неприятно, бежать не получится. Да и не дадут – настроены серьезно: вон как натренировались с воздушной магией.

Я медленно повернулась, широко улыбнулась: главное, не показывать страха. Да и что они мне сделают, эти соплячки?

– Ну здравствуй, липучка-вонючка, – сказала я нежным голосом. – Спрятала свою физиономию за тряпку, так думала, я тебя не узнаю?

Ведунья на секунду растерялась, но овладела собой. Откинула капюшон, по плечам рассыпались светлые волосы. Меринда – я не ошиблась.

– Я так понимаю, Рой не придет? – равнодушно поинтересовалась я.

На самом деле я обмирала в ожидании ответа. Он придет позже, чтобы полюбоваться на расправу? Он отправил мне записку-самолетик, чтобы заманить в ловушку, и умыл руки?

Вот ведь я идиотка! И мысли не возникло, что иду в мышеловку. Все потому, что прежде у меня такого опыта не было. Никому бы и в голову не пришло устраивать ловушку Алисии Уэст, хотя сама я профессионал в этом деле.

Не к месту вспомнилась Белль и обещание, что купание в фонтане превратит ее в красавицу. Я еще удивлялась, как можно поверить подобной глупости. И вот, пожалуйста, стою, окруженная шайкой Меринды, а воздушный щит не позволяет мне уйти. Кто тут после этого умный?

– Рой не придет, – передразнила меня Ринда, изображая детское сюсюканье. – А ты-то, бедняжка, надеялась напоследок полюбоваться на него своим пороссячьими глазюками! Это я написала записку! И в прошлый раз писала и отправляла записки я – от его имени. Поэтому знала, что ты попадешься!

Мне сделалось так легко, что я улыбнулась.

– Что лыбишься, уродка?

– Ничего, липучка-вонючка! – парировала я.

Меринда побелела от злости. Понимала, что теперь, что бы она ни делала, обидное прозвище нет-нет да всплывет. Я же расправила плечи и огляделась, делая вид, что узнаю некоторых ведуний.

– Так, и Зея здесь?

Одна из фигур дернулась.

– А это кто? Пискля Регина?

Похоже, оба раза я попала в точку. Как же вы меня не любите! Даже лестно.

– Теперь убирайте щит, и я пойду! – скомандовала я. – Хватит, посмеялись!

Почти сработало. Почти. Я видела, что внесла смятение в ряды заговорщиц. Они переглядывались и переминались с ноги на ногу, но Меринда снова все испортила.

– Девочки, да сколько можно терпеть эту наглую жируху? Она так и будет думать, что ей все позволено! Сейчас Роя зельем опоила, а потом что? Нас отравит?

Ух ты, подруженька, умно, не зря я тебя учила! Только отчего-то после ее слов во рту сделалось кисло. Отвага повыветрилась, когда воздушный щит распался на петли, обвившие меня за талию, ноги и руки. Я оказалась закована в прозрачные кандалы – с места не сдвинуться. Могла лишь вертеть головой и ругаться на чем свет стоит, чем я и занялась. Но и эта вольница продолжалась недолго: рот залепил сгусток воздуха.

Меринда без опаски подошла вплотную, оглядела меня с ног до головы. В ее взгляде презрение мешалось с отвращением, и я снова почувствовала себя пауком, да только теперь пауком в банке перед тем, как ему начнут отрывать ноги.

– Слушай сюда, страшилище! Еще раз подойдешь к Рою, я тебя остригу налысо и ногти повыдергаю! – Она ухмыльнулась. – Хотя такую красоту испортить невозможно! А теперь, чтобы урок запомнился... Девочки, давайте!

На меня обрушились тычки и щипки. Меринда накрутила на руку прядь волос и дернула с такой силой, что вырвала сразу клочок. Я не сдержалась и вскрикнула. Нет, Алисия, нельзя кричать. Нельзя показывать, что больно и страшно! Это стая. Стая шакалов. Покажу слабость – и они с наслаждением растерзают меня.

Кто-то из моих палачей за спиной особенно усердствовал – ведунья щипала с подвывертом: сначала оттягивала кожу, выкручивала и лишь потом дергала. К спине будто прикладывали раскаленные прутья. Я не издала ни звука, а то, что глаза наполнились слезами, – так это чужь, чепуха и физиологическая реакция организма, как чихание на яркий солнечный свет.

– Ага, рыдаешь, тварь! Теперь надолго запомнишь!

И вовсе я не рыдаю! Это просто выделяется лишняя влага.

Кто же эта щипучая змеища? И ведь сдачи не дать. Никак не угомонится. Как подло гадит, исподтишка! Даже я на такое не способна...

В памяти возникла Белль, застывшая на парапете фонтана. Я кладу ей руку между лопаток. Все это время я думала, что бедненькая-бледненькая прыгнула сама или поскользнулась. Но сейчас я отчетливо понимаю, что толкнула ее...

Рот наполнен воздухом – невозможно издать ни звука. Из носа течет. Наверное, видок еще тот: лицо мокрое, красное и раздутое. Самое ужасное – что ноги трясутся и подгибаются. Еще не хватало грохнуться на колени.

Наверное, еще никогда эти старые стены не видели столько ненависти и злости. Она почти осязаема. Она впитывается в каждую щель, заполняет собой пространство. Мне чудится или камни потрескивают, искрят? Так бывает, когда рушатся печати...

– Может, достаточно с нее? – робко спросил кто-то.

– Недостаточно! – рявкнула Меринда. – Я сама решу, когда ее отпустить!

Вспышку яркого света я в первый миг приняла за признаки надвигающегося обморока. Прекрасненько, хоть отдохну! Но вслед за вспышкой пришел грохот, выбивший пыль из щелей каменной кладки, и ведуньи с визгом кинулись врассыпную. Путы, сковывающие тело, ослабли, и я осела на пол, мотая головой: в ушах шумело.

Огневики погасли, будто разом потушенные свечи: заговорщицы пытались ускользнуть в темноте. Мрак разогнала следующая вспышка, и я увидела Ди, стоящего у входа. У его ног лежали осколки разбитого флакона – сияние источала жидкость, разлившаяся по полу, а Ди держал наготове следующий световой снаряд. Да, чаровники не умеют создавать огненные шары, но мы тоже не лыком шиты.

Димитрий не пытался удержать ведуний, они обходили его справа и слева, сжавшись, спрятавшись под капюшонами, и выглядели при этом нашкодившими собачонками. Меринда прикрыла лицо рукавом, но маскировка мало помогла. Ди не тронулся с места, однако так красноречиво смотрел на Ринду и так мрачно ухмылялся, что даже мне сделалось не по себе.

Хотя куда уже больше «не по себе»: все тело болело, каждая жилка тряслась от нервного напряжения. Придется сидеть в промозглом подземелье до утра: по скользким ступеням мне не подняться.

Ди швырнул в противоположную стену еще один флакон и опустился рядом со мной на корточки, протянул руку:

– Давай! Держись, Пеппи.

Я уцепилась за протянутую ладонь. Она, уверенная и твердая, придала мне сил. Димитрий помог встать, осторожно отвел со щек и лба мокрые от пота пряди, а потом внезапно обнял.

– Прости, что не успел, – негромко сказал он. – Мы искали тебя, волновались...

– Мы? – пролепетала я, раскисая в теплых объятиях Димитрия. – Искали?

Свет медленно гас, комната погружалась в темноту, но мне было не страшно рядом с Ди. Ни капельки не страшно.

– Когда ты не вернулась к отбою, девочки забили тревогу. Мы обошли всю территорию. Я искал тебя у реки, нашел смятую записку...

Я всхлипнула и, злясь на себя за слабость, вцепилась зубами в костяшки пальцев.

– Всполох тоже нашел тебя, но фамильярам ход в лабораторию закрыт из-за заклятий, поэтому он побежал разыскивать меня и встретил на полпути. Извини, что пришел так поздно!

– Ничего... Ты ведь пришел!

«Я и надеяться не смела, что кто-то поможет», – добавила я про себя.

– А что это за чудо-зелье, взрывающееся светом? Я про такое и не слышала... Ой! Ди, ты что делаешь?

Рука Ди медленно и осторожно гладила меня по спине, и там, где он меня касался, тумаки и ссадины переставали болеть. Это было так неожиданно, так... сокровенно: наша близость, объятия. Всего лишь дружеские, но все же.

– Ш-ш-ш, Пеппи, я лечу тебя. Представь, что я целитель.

– Но ты не целитель, – запротестовала я слабым голосом, вовсе не желая протестовать.

Мне хотелось прислониться к его плечу, закрыть глаза и позволить Ди гладить себя сколько угодно. По спине, плечам, рукам... Я была ненамного его выше, оказывается, только шире, но это сейчас не играло никакой роли. И пусть мы два уродца – в темноте этого не увидеть, да и нет никого поблизости, чтобы подглядывать. Теплое дыхание Ди щекотало шею, и его чуткие пальцы бегали по моей спине. На мне были блузка, жилет и мантия, но казалось, будто он касается обнаженной кожи. Сильные и очень противоречивые чувства сдавили грудь, я застонала.

– Больно? – спросил Ди, останавливаясь. – Все, все... Уже все.

«Не надо все!» – чуть было не сказала я. И сама удивилась: что сонной? Впрочем, понятно. Я испугалась, мне было больно, и тут появился Ди, спас меня, утешил. Это лишь физиология, такая же, как слезы.

По крайней мере, Ди на меня больше не злится, а то мне порядком надоело смотреть в разные стороны во время обеда.

– Тебе лучше, Пеппи?

– Намного, – честно ответила я, имея в виду не только физическое состояние. – Но давай договоримся: мы никому не расскажем о том, что здесь сегодня произошло!

Я вовсе не стремилась облегчить жизнь Меринде, ее я подвесила бы за ноги и лупила палкой по голым пяткам, но... Все слишком запуталось, слишком многие замешаны в этой истории, и завершить ее лучше всего одним способом – поставить жирную точку.

– Мы квиты, – прошептала я.

– Хорошо, – так же тихо ответил Ди. – Если ты этого хочешь.

Не знаю, сколько бы мы еще так стояли, обнявшись, но тишину заброшенной лаборатории нарушил странный шум. Он шел из глубины и сам по себе казался обыденным и привычным: где-то там вдалеке грохнула, распахиваясь, тяжелая дверь. Но ведь мы находились в помещении, давным-давно запертом и запечатанном магией! Когда я это сообразила, сделалось невероятно жутко!

– Что это? – выдохнула я.

– Не знаю... – честно признался Димитрий.

Удивительно, он чего-то не знает?

– Надо уходить! Обопрись на меня.

Шаг за шагом, ступенька за ступенькой мы миновали лестницу. Звук больше не повторялся, так что я почти уверилась, что он мне померещился. Наверху было ветрено, прохладно и звездно. Я вдохнула свежий воздух, показавшийся после затхлости подземелья и удушающего кляпа глотком вкуснейшей чистой воды.

Всполох одним прыжком оказался у моих ног. Я потянулась его погладить, а он лизнул мои пальцы.

– Потер-ряшка... – чуть сердито муркнул он.

Когда мы подошли к домику, в окнах горел свет. Мальвина нервно расхаживала по комнате туда-сюда, сжав у груди руки. Ее оставили сторожить на случай, если я вернусь.

Ди, будто фокусник, вытащил из кармана очередной чудо-флакон и с наслаждением шмякнул его о крыльцо домика. В воздух взвился колючий искристый шар, повис над крышей, постепенно тая.

– Ого! Это сигнал Кларе и Бруно, чтобы возвращались? Ты прямо как ведун! – восхитилась я.

– Лучше, – усмехнулся Ди. – Я – чаровник.

Маль выскочила на крыльцо, всплеснула руками, кинулась обниматься. Я стиснула ее, тощенькую и нескладную, и сказала:

– И чего разволновались, дуралеи? Я просто гуляла!

Когда я, стоя у зеркала, пыталась расчесать сбившиеся в колтун патлы, я обнаружила, что еще один из прыщей на лбу пропал.

– Почему? – спросила я у своего изумленного отражения, и мгновением позже догадалась.

Еще одно условие выполнено. Хотя я вовсе не думала о пророчестве, спускаясь в подземелье. Я ведь шла извиниться, не зная, что иду в ловушку. Впервые за долгие годы искренне хотела попросить прощения...

Перед Роем я все-таки извинилась. Подошла при свете дня к столу, за которым он завтракал вместе с Мериндой. Та позеленела под цвет мантии, вцепилась в чашку. Знаю, какие мыслишки теснились в ее крошечной черепушке. Подруженька не сомневалась, что я иду сдать ее с потрохами. Именно так я и поступила бы раньше, а сейчас... Наверное, меня до зубовного скрежета утомила эта эпопея. Опупея, если выразаться точнее.

– Прости меня, Рой, – сказала я.

Это оказалось совсем не сложно, не понимаю, почему я не сделала этого сразу.

– Я не должна была так с тобой поступать. Так ни с кем нельзя поступать, и я пойму, если ты будешь злиться на меня до конца жизни, но... Постараюсь это принять, вот. Изменить случившееся не в моей власти, но я прошу прощения. Да, и еще: держись покрепче за свою девушку. Такой кладезь... хм... талантов еще поискать.

Я тонко улыбнулась бледной Меринде, кивнула Рою и повернулась, чтобы уйти.

– погоди, Пеппи, – вздохнул он.

Неторопливо встал на ноги и протянул ладонь.

– Нам еще в спектакле вместе играть. Между принцем Эдуардом и его верным помощником не должно быть разногласий.

Не знаю, о чем Рой больше пекся в этот момент – о спектакле, где играл главную роль, или все-таки решил, что худой мир лучше доброй ссоры, но он предлагал мировую. Мы скрепили соглашение рукопожатием. Вот так... Вместо желанного поцелуя. Спасибо, хоть не вытер руку о брюки, как в прошлый раз.

А вот с Мериндой мы иначе потолкуем, когда представится случай.

Иногда мне снилось, что я снова маленькая рыжеволосая девочка и играю на ковре у папиных ног. Его рабочий кабинет был для меня целым миром.

Здесь цвел волшебный сад – цветы на подставках у окна. Я часто сидела на подоконнике, глядя на улицу. В морозную погоду я рисовала на заиндевевшем стекле узоры, пока пальцы не немели от холода. Летом я раскладывала на подоконнике полосатый плед и принимала солнечные ванны.

В кабинете плескалось озеро – бежевый ковер с мягким ворсом. Я переплывала его на лодке – диванной подушке, отталкиваясь руками.

Между шкафом из темного дерева, массивным, упирающимся в потолок, и стеной находился вход в пещеру, где хранились настоящие сокровища: оторвавшийся от туфли бантик, крошечная серебряная ложечка, которую я стащила на кухне, чтобы кормить куклу, бусина, найденная под столом... Однажды, когда папа находился в благодушном настроении, я показала ему сокровища. Он даже почти согласился принять участие в кормлении Жозефины, но увидел стеклянную бусину, и улыбка сошла с его лица. Он сжал мою маленькую руку, пряча в ней находку, и хрипло сказал: «А вот это настоящая драгоценность, не потеряй...»

Но я все равно ее потеряла, потому что не понимала ее значимости. Намного позже догадалась, что это было украшение от маминого платья, давным-давно закатившееся под стол и пролежавшее там много лет. Как это случилось? Мама пришла в кабинет, наряженная для бала, чтобы позвать отца, наклонилась поцеловать и зацепилась рукавом за угол стола? Никогда не узнать.

В кабинете таились и опасности – узкая щель под тахтой между изогнутых ножек. Я любила опасности! Время от времени я забивалась в щель, перекатывалась к стене, дыша ртом, потому что, несмотря на усилия горничных, здесь было полно вездесущей пыли, щекотавшей нос. Я затаивалась и ждала, пока папа начнет меня разыскивать. Лежала так и полчаса, и час, пока он наконец не поднимал голову от бумаг и не замечал, что дочь пропала. В первый раз он испугался, а потом просто подыгрывал, изображая страх. «Где же моя Алисия, где моя птичка?» – спрашивал он у штор, поднимал крошечный пуфик, под которым мог спрятаться разве что котенок, и в конце концов «обнаруживал» меня в убежище, хватал за ногу и выволакивал наружу.

Я хохотала, отбрыкивалась и была бесконечно счастлива. Короткие несколько минут...

Таким был мир маленькой девочки. И что бы я ни делала, чем бы себя ни занимала, в любое время дня, в любое время года, отец будто не двигался с места – все сидел и сидел над документами, словно врос в кабинет, стал его частью. А я росла, и этот мир становился мне тесен.

Во сне, где мне только сравнялось пять лет, я смело забиралась отцу на колени, не опасаясь, что по его зову явится няня, чтобы увести расшалившуюся дочь. Во сне мы были только вдвоем, я могла попросить о чем угодно и знала, что папа не откажет.

«Расскажи о маме. Какая она была? Как вы познакомились? Ты сильно ее любил?»

И папа обнимал меня, прижимал к груди и начинал говорить.

Я смутно помнила, что подобный разговор случился в реальности. Я поднялась на цыпочки у стола и потянулась к портрету красивой рыжеволосой женщины. Маленькие и неловкие пальцы уронили изящную рамку.

«Не трогай! – воскликнул отец. – Какая ты неаккуратная, Лиска!»

Он забрал у меня портрет, отодвинул подальше. А мне так хотелось подержать его в руках, полюбоваться на красавицу. Уже тогда я знала, что это моя мама.

«Мама?» – спросила я.

Сколько мне тогда было лет? Два? Слова никак не хотели складываться в предложения, но я точно помнила, что пыталась произнести: «Дай мне маму. Расскажи мне про маму...»

Отец позвонил в колокольчик, вызывая нянюшку.

Не понимаю, почему эти сны являлись ко мне теперь, когда я больше не Алисия. Я Пеппи. И останусь такой надолго. На год, на два? На всю жизнь? Пророчество Кассандры может сбыться, а может не исполниться вовсе. Рой на меня и не взглянет после всего, а поиск и завоевание новых «достойных» – пустая трата времени. Так можно до бесконечности строить планы, ловить красавчиков в расставленные сети и снова оставаться у разбитого корыта.

Я просыпалась в темноте после очередного сна, вернувшего меня в детство, и какое-то время мне казалось, что я графиня Уэст. Легкая, изящная и нежная. А потом я подносила к лицу пухлую руку с

пальцами-колбасками и со вздохом опускала ее себе на глаза: век бы не видеть.

Но что делать? Теперь она – это я. Остается только жить час за часом, день за днем и надеяться, что однажды мой путь приведет к тому, что все прыщи исчезнут с моего лба. А когда последний испарится, меня окутает волшебное сияние... Или жабья шкурка Пеппилотты сползет с меня, точно старая шуба... Или... Нет, я понятия не имела, как это произойдет, но так или иначе я верну себе свой облик.

Однажды. Пусть даже через несколько лет.

– Пеппи, одевайся теплее! – скомандовала Клара.

– Тебя кто-то назначил моей няней? – огрызнулась я. – Сама решу, одеваться теплее или нет!

Бабье лето, продержавшееся в этом году очень долго, резко сменилось осенью. Полил ледяной дождь, и деревья в одночасье облетели, обнажив черные ветви. Небо сделалось серым, река набухла и залила наш крошечный тайный пляж, скрыв камень по самую макушку.

Кастелянша выдала нам теплую форму: мантии, подбитые мехом, высокие ботинки, шерстяные юбки и жилетки. И капоры, похожие на уродливые младенческие чепчики в оборках. Его-то самоназначенная нянюшка Клара и пыталась мне навязать. В этом чепце со своими толстыми круглыми щеками я стану похожа на младенца-переростка. Спасибо, но нет! Обойдусь капюшоном.

– Ты скоро? – деликатно стукнула в дверь уборной Маль. – Я тоже хотела привести себя в порядок.

– Угу... – невнятно отозвалась я, занятая разглядыванием трех оставшихся пупырей на лбу.

С некоторых пор это вошло в привычку: с утра перед занятиями я запиралась в ванной комнате – единственное место, где я могла остаться наедине с собой, – и снова и снова прокручивала в голове оставшиеся условия пророчества. «Когда черное обернется белым, когда перышко покажется тяжелее камня и когда самый далекий станет самым близким...»

Что это может означать? Я порой изводила себя мыслями до головной боли, но не приблизилась к решению загадки и на шаг. И почему пророчества всегда такие запутанные и туманные? Нет чтобы сказать: «Дорогая Алисия, сделай то-то и то-то».

«А потому, дорогая Алисия, – померещился как наяву насмешливый голос старушки-гнилушки, то бишь дражайшей деканши, – потому что тогда бы ты не играла по правилам, а снова сжувничала!»

Да, сжувничала бы, и что с того?

– Пе-еппи! – отчаянно воззвала ко мне Мальвина: видать, бедняжку совсем приперло.

– Иду... – пробурчала я, отворяя дверь.

Первым в щель проскользнул серый котенок – фамильяр Маль, названный Дымком.

Вот уже и Соломинка обзавелась собственным фамильяром. Почти половина студентов первого курса заполучили волшебных помощников. Прорыв случился после того, как Ди призвал Всполоха, а Клара – Клорика. Кстати, крольчишка, в отличие от резковатой командирши Моркови, был нежным и трепетным существом. А если принять во внимание, что каждый фамильяр – часть души чаровника, порой его скрытая, тайная часть, явленная на всеобщее обозрение, становилось понятно, что прямолинейность Клары – защитная броня, а внутри она белая и пушистая.

Боюсь предположить, что скрывается внутри меня. Верт считает, что крокодил. Жуткая клыкастая рептилия, которая водится в далеких южных странах. Я видела чучело в доме одного графа. Страховидло еще то! Пеппи крокодил придется к лицу, что уж. Но он, пожалуй, лучше жабы, и сгодится, чтобы подползать во время обеда в столовой к столу Меринды и кусать ее за пятки.

Я представила, как ненавистная Ринда с визгом подсакивает на стуле, и мстительно усмехнулась.

Кстати, на месте Верта я бы вообще молчала. Он так часто сулил мне жабу, что сам себя наказал и сделался всеобщим посмешищем.

Сгусток тумана между его ладоней раз от раза становился темнее. Внутри постепенно проявлялись очертания зверя, но из-за того, что клубы дыма сделались почти черными, разглядеть его мы не могли, как ни старались.

– Вот увидите, у меня фамильяр покруче, чем у Ди! – горделиво говорил Верт. – Может быть, кондор! Или лев! Так и быть, девочки, дам погладить.

На прошлом занятии Верт, истомленный ожиданием своего триумфа, поднатужился, покраснел как вареный рак и... разродился маленькой бородавчатой лягушкой. Она шлепнулась на пол кверху пузом, но бодро перевернулась, посмотрела на Верта влюбленными глазами и сказала:

– Квасти! Квак я квада, квазяин!

Хохот стоял до потолка! Облажался Верт знатно! Мало того что обзавелся лягушонкой, так она еще и говорит так, что ни слова не разобрать. Теперь Верт носит свою красотку в кармане, завернутую в платочек.

Фамильяром Бруно, который мы принимали то за мышь, то за белку, оказался огромный шершень, покрытый гладким хитиновым панцирем. Он выглядел красиво и опасно. Не так опасно, как пума, и все же притягивал взгляд. Неожиданно для нашего соседа-тихони! Мальвина, которая неделю назад официально представила нам Бруно как своего парня, очень им гордилась.

Бедняжка Тильда заимела черепаху. Она битых полчаса рыдала и отворачивалась от своей несчастной рептилии, а та ползала вокруг и тыкалась носом ей в ноги. Магистр Рауф истер язык до дыр, в сотый раз объясняя, что каждый фамильяр нужен и полезен, что черепаха символизирует упорство в достижении цели.

Я бы посмеялась над невезучей Тильдой, но, боюсь, рано или поздно мне и самой придется смириться с отвратительной зверушкой. К тому же Тильда, несмотря на черепаху, все равно оставалась симпатичной девчонкой: лицо в форме сердечка, обрамленное каштановыми кудряшками, стройная фигура, и талия, и грудь – все как полагается. За это я Тильду недолюбливала и сочувствовать ей не стала.

У меня в деле призыва фамильяра тоже наметился сдвиг. На следующий день после эпохальной стычки в заброшенной лаборатории легкое марево загустело и сделалось молочного цвета. Я невольно ахнула и тут же прикусила губу, но Ди, который в это время тренировался отдавать мысленные команды Всполоху, посмотрел на меня, на мои руки и улыбнулся.

– Еще чуть-чуть, Пеппи! – подбодрил он меня.

Кстати, мысли о заброшенной лаборатории, о странном потрескивании печатей и грохоте распахнувшейся двери еще долго не давали мне покоя. И не только мне: Ди осторожно расспросил мэтра Зотиса. Спросить прямо, почему лабораторию закрыли, Димитрий не мог, чтобы не выдать тайного студенческого убежища, поэтому ходил вокруг да около. Ну и ответ куратора оказался таким же расплывчатым.

– Ее закрыли очень давно, еще до того, как я сам поступил в академию. Лет десять с тех пор прошло или больше, – ответил мэтр

Зотис. – Слухи ходили разные. Кто-то считает, что там разлили опасные зелья и испарения впитались в стены. Другие говорят, что саркофаг с костенюком прохудился, и его решили замуровать в стенах лаборатории. Тем более что все равно собирались строить новую.

– Костенюк? – переспросила я, впервые услышав незнакомое слово.

– Пеппилотта, ты на необитаемом острове росла, что ли? – изумился куратор.

– Ей мало рассказывали о войне, – вступился за меня Ди.

«Отец вообще мало со мной разговаривал», – с горечью добавила я про себя.

Мэтр Зотис покачал головой и принялся терпеливо объяснять.

– Безжалостных существ, пришедших из-за моря, в народе прозвали костенюками за их внешний вид, – сказал куратор, но задумался, потер лоб и добавил: – За внешний вид после смерти.

– Как это? – не поняла я.

Другие, кстати, называли захватчиков зверолюдями, но до сих пор я не задумывалась, как они выглядели.

– Представь человеческую фигуру, закутанную с ног до головы в черный плащ. А теперь представь, что этот плащ – плотный черный дым, колеблющийся на ветру. Не видно ни лица, ни кистей рук. Но самое ужасное, что эти твари могли принимать облик обычных людей. Копировали его вместе с одеждой и обувью. Со стороны зачастую могло показаться, что маг сражается с простым деревенским парнем, девушкой или даже древней старухой. Эта их способность – что-то вроде маскировки. Многие поддавались мороку и гибли. Ведь трудно сразу поверить, что к тебе приближается не ребенок, а опасное существо.

По сердцу пробежал холодок. Как жутко! Хорошо, что война закончилась давным-давно и опасности нет.

– Так, а почему же «костенюк»? Все равно непонятно.

– А потому что после их гибели плащ, сотканный из тьмы, развеивался, а тварь рассыпалась горсткой тонких птичьих костей. Так они потом и белели на поле боя, пока не разметает ветер и не растащат дикие животные.

– Бр-р-р... – Я поежилась. – А что это кошмарное существо делало в лаборатории?

– Его поймали, погрузили в стазис и закрыли в саркофаге еще во время войны. – У мэтра Зотиса сделалось такое лицо, будто он всерьез сомневался во вменяемости мага, которого посетила столь светлая мысль. – Перевезли в академию и собирались изучать, но потом посчитали, что это слишком опасно. Так и оставили...

Наступила очередь Ди изумляться.

– Так и оставили? – переспросил он, будто не доверяя собственным ушам. – Смертельно опасное существо? Он там до сих

пор жив, что ли?

Куратор развел руками. Ему было неловко глядеть нам в глаза, но, если подумать, мэтр Зотис не виноват в глупости бывшего руководства академии. А люди, даже если они маги, частенько творят такую дичь, что просто диву даешься.

– Ни у кого не нашлось решимости проверить. Может быть, жив, может, давно умер. В итоге, когда саркофаг стал разрушаться, его просто закрыли в лаборатории и наложили на нее магические печати. Не беспокойтесь, разрушить их не под силу ни одному живому созданию.

Мы с Ди многозначительно переглянулись: «Ага, ни одному. Кроме студентов!»

– К тому же без пищи костенюк за эти годы наверняка должен был сгинуть даже в стазисе. Тот хотя и замедляет все процессы, но не прекращает их насовсем.

– А чем питаются зверолюды? – спросила я.

Вместо куратора ответил Димитрий:

– Ненавистью. Страхом. Болью. Такая вот еда...

У меня нехорошо засосало под ложечкой от мрачного предчувствия.

– Мэтр Зотис, а вы не могли бы позвать кого-нибудь из преподавателей и проверить лабораторию? Мало ли...

Куратор, который был ненамного старше нас, своих подопечных, покровительственно улыбнулся и успокаивающе положил ладонь на мое плечо. Решил, что я впечатлительная девица, нуждающаяся в утешении.

– Не бойся, Пеппилотта, лабораторию проверяют каждое лето перед началом учебного года. Печати стоят и простоят еще сто лет.

Хотелось схватить беспечного куратора за грудки и заорать: «Хорошо же вы ее проверяли, если не увидели, что вход открыт! Проверьте снова как следует!»

Но, может, зря я разволновалась? Мало ли что мне померещилось. Тем вечером самым мерзким существом поблизости оказался вовсе не мифический костенюк, а вполне безобидная на вид Меринда. К тому же прошло много дней и ничего страшного до сих пор не произошло.

Да и как ни убеждай мэтра Зотиса – все равно не послушает. Смотрит с легкой ухмылочкой, возомнил себя самым умным. Мол, не

переживайте, деточки, мы, взрослые маги, давно все решили за вас.

Всполох, который бесстрастно сидел у ног Ди, не встретая в разговор, наклонился к Думу – фамильяру куратора – и сказал:

– Надо посмотреть, что там да как. Тебя он послушает.

Мэтр Зотис разозлился, подхватил медлительного Дума на руки. Тот, кстати, не соизволил ответить Всполоху.

– Заведут себе наглых фамильяров... – пробормотал куратор и удалился, унося черепаху.

Дум вытянул шею и кивнул пуме. Или голова черепахи всего лишь качнулась в такт шагов мэтра Зотиса.

– Для того чтобы получить зачет по моей дисциплине, – вещала мэтрисс Кеолея, расхаживая вдоль ряда столов, – вам нужно будет защитить проект. Работать станете в парах.

Я мысленно поморщилась. Преподаватель высокой кулинарии всегда так пафосно изъяснялась! В прошлый раз «проектом» оказалась жареная рыба с пряными травами, которые не перебили запах тины, как мы ни старались. Мы с ног до головы пропахли рыбой, и ведуны, когда наш курс ввалился в столовую на обед, демонстративно зажимали носы.

Что на этот раз? Котлеты? Рулеты? Мясные брикеты?

– Чего вы ждете, выбирайте напарника! – велела преподавательница.

Все засуетились. Бруно подскочил к Маль и схватил ее за руку. Как будто на его драгоценную Соломинку кто-то покусился бы, кроме него. Клара объединилась с Лемом: они стояли за соседними столами. Я не переживала, без пары не останусь: сейчас всех разберут, кроме нас с Ди. Мог бы, кстати, и сам пригласить, все равно ему ничего не светит.

Я выжидательно посмотрела на Ди, стоящего напротив.

– Ну, как я понима...

И чуть не подавилась собственным языком. Возле Димитрия, опершись локтями на стол и выставив напоказ все свои изгибы, терлась Тильда. Не глядя на Ди, она смущенно переставляла с места на место скляночки с приправами.

– Душистый перец... Гвоздика... У меня, кстати, закончилась.

– Тебе отсыпать? – Ди, как и я, не мог взять в толк, чего хочет Тильда. – Бери, не стесняйся.

– Мускатный орех... – Тильда будто и не слышала, что ей говорят. – М-м-м... Как пахнет. Кстати, Ди, ты станешь моим напарником?

У Ди сделался донельзя очумевший вид. А уж как я обалдела! Нет, ну что это нашло на Тильду! Она что, не видит, кого зовет в напарники? Тощенький цыпленок с щербинкой между передними

зубами. Всего-то и красоты – фамильяр. А сам-то Ди, тьфу, без слез не взглянешь!

Ди вскинул брови. Он медлил с ответом. Быстро посмотрел на меня из-под густых ресниц. Да, вот глаза у него еще неплохи... А в остальном-то – заморыш заморышем!

И пусть Тильда его забирает, подумаешь! Только отчего тогда я злюсь?

– Ди – мой напарник! – крикнула я, не рассчитав, что голос в полуподвальном помещении гулко отразится от каменных стен.

– Ну твой так твой. – Мэтрисс Кеолея в недоумении посмотрела на меня. – И незачем так орать, Пеппилотта.

Тильда, у которой заалели мочки ушей, смущенно ретировалась на свое место.

– Ты ведь не против, Ди? – тихо спросила я у Дмитрия, внезапно испугавшись, что теперь он, мне назло, выберет Тильду. – Нет, если против, то пожалуйста. Мне-то все равно. Но мы как-то сработались. Зелье отлично сварили! Ой...

Что я несу? Хорошо, что никто не знает, какое именно зелье мы сварганили.

– Если что, мне совершенно все равно, – закончила я, задрав нос едва ли не в потолок.

Уловила краешком глаза улыбку Ди.

– Пеппи, я буду рад работать с тобой в паре.

– Так я и не сомневалась! – подытожила я.

И выдохнула. Уф.

– Все? Разобрались? – усмехнулась мэтрисс Кеолея. – Итак, проект. Через неделю каждая пара должна представить эликсир «Детские грезы». Несколько капель этого снадобья, добавленные в десерт, оживляют самые светлые и радостные воспоминания детства. Вам предстоит много общаться между собой и вытаскивать из укромных уголков души беззаботные воспоминания. Я научу вас, как обращать их в магию.

Ого, так рыбу мы жарить не станем? Неожиданно и страшновато: придется обнажать душу перед Ди, но готова ли я? Да и сам он слегка побледнел и посерьезнел. Впрочем, и остальные задумались, перебирая внутри себя яркие эпизоды детства – счастливые и не очень. Ну, мэтрисс Кеолея, умеете вы озадачить!

Оставшуюся часть занятия мы учились составлять основу для эликсира. Все время, пока я растирала в ступе пряности и отмеряла по каплям миндальное масло, я размышляла, что же рассказать Ди. И чем больше думала, тем страшнее мне становилось. Нельзя сказать, что я росла несчастным ребенком, но я впервые, кажется, осознала, что любое радостное воспоминание моего детства было с ноткой горечи. Потому что... я всегда была одна. Няня заботилась, чтобы ребенок был сыт, одет и здоров. А папа... Папу, похоже, не интересовало даже это.

Прости, Димитрий, кажется, мы провалим проект. Мэтрисс Кеолея станет плевать от гадкого послевкусия, оставленного нашим эликсиром.

А потом меня осенило.

Я увидела летний сад, залитый теплым светом. Кружево теней на своих руках. Я сижу на земле, прислонившись спиной к шершавому теплому стволу старого дуба. Мне пять лет. Коленки покрыты грязью и царапинами. Волосы заплетены в косу, но она растрепалась за время игр. Я вышла из дома с утра, а уже миновал обед. Я поворачиваю голову направо и улыбаюсь тому, кто сопровождал меня в сегодняшних приключениях. Прическа Ника в еще более плачевном состоянии: в густых волосах застряли сухие веточки и даже какая-то высохшая муха. На носу царапина. Нику пришлось лезть за мной на дерево и помогать спускаться. Он такой сильный. Он старше меня на год.

– Лиска, не вздумай больше никуда забираться! – сердится Ник.

Нет, по глазам вижу: не сердится – он испугался.

– Ла-адно, – тяну я.

Зеваю, укладываю голову на его колени.

– У тебя в волосах листочки, – шепчет он.

– Так вытащи, – улыбаюсь я и жмурюсь от радости.

И дремлю, пока осторожные пальцы распускают косу и перебирают пряди...

Над проектом мы с Ди принялись работать в этот же день после занятий. А к чему откладывать: быстрее начнем – быстрее закончим.

Жаль, наше укромное место на пляже залито водой – там бы нам никто не помешал. Мы отправились бродить по осенним аллеям. Благо погода позволяла: после дождливых хмурых дней выглянуло солнце, пригрело. Последние пестрые листья устилали землю разноцветным ковром.

Мы то и дело натыкались на другие парочки. Бруно и Маль оживленно болтали – наш сосед-молчун становился совсем другим человеком рядом с робкой Соломинкой. Будто даже выше ростом и шире в плечах. Другие первокурсники-чаровники, хоть и шли рядом, смотрели в разные стороны и молчали. Непросто им будет справиться с заданием.

Обычно я не чувствовала стеснения рядом с Димитрием – кого там смущаться! – но сейчас язык точно прилип к нёбу. Как рассказать о сокровенном? Пусть даже эта история случилась в детстве и былшем поросла. Да и Ник оказался предателем!

Решилась, будто с разбега нырнула в воду.

– В детстве у меня был друг! – рявкнула я едва ли не угрожающе.

Ведун, шедший нам навстречу по своим делам, аж с шага сбился. Я зыркнула на него: «Иди куда шел!»

Ди по обыкновению приподнял бровь. Я и без слов поняла, что означает его мимика: «Отлично, Пеппи. Это замечательная новость. Я внимательно слушаю. Но зачем так кричать?»

– Его звали... Не важно.

Уф, имен называть нельзя, чтобы не спалиться. Спасибо, папа, удружил.

– Мы в детстве часто играли. Отец брал меня с собой к ним в гости. Он ехал по делам, а я с утра до ночи была с Д... другом.

Я начала медленно, запинаясь, не смея от волнения поднять взгляд от дороги, засыпанной листьями. Но с каждым словом я чувствовала себя все свободнее. Меня будто захватил бурный поток воспоминаний

и понес с собой. Ди слушал, не перебивая, и хорошо, что он молчал, иначе я бы сбилась.

Я рассказала не только о нашей летней прогулке по саду, которая первой всплыла в памяти, но и о том, что родители друга были очень добры ко мне. Его папа создавал для меня маленькие чародейские чудеса вроде говорящих цветов или туфельек, которые никогда не пачкались, мама рассказывала сказки на ночь, а царапины и ссадины за мгновение заживали под ее теплой ладонью.

Но потом что-то случилось. Когда все изменилось бесповоротно? Ник превратился в высокомерного и хмурого подростка. Во всяком случае, так мне тогда казалось. Ни пошутить, ни подурчиться. Ни повалить на пол и защекотать, как прежде. Я и сама была не та смешливая и озорная девчонка. Наверное, это просто жизнь. Дети вырастают и меняются, и узы, что держали крепче железа и камня, истончаются, пока от дружбы не остается ничего, кроме легкого сожаления.

Однако сейчас, когда я рассказала про ясный летний полдень пятилетней девчонки, почудилось, будто и нет тех разлучивших нас с Домиником лет.

– Мне жаль, что мы больше не друзья, – закончила я.

В душе, в том месте, где долгие годы лежал тяжелый угловатый камень, появилась приятная легкость.

– Он был мне дорог... – прошептала я, и по щеке скатилась непрошенная слезинка.

Вот удивительно. Мэтрисс Кеолея ясно дала понять, что нужны лишь светлые воспоминания. Я плакала, но на сердце сделалось спокойно и тихо. Какой получится эликсир из такой смеси чувств?

Ди молча нашел мою ладонь и тихонько ее пожал. Я была ему благодарна за то, что он не начинает утешать, говорить банальности вроде: «Да и плюнь ты на него, было бы из-за чего переживать!»

– Теперь ты! – буркнула я.

А то ишь, уши развесил, а сам-то отмалчивается.

Настала очередь Ди собираться с мыслями. Ему тоже было непросто – он молчал, хмурился. В конце концов заговорил:

– Удивительно, как совпало: я тоже хотел рассказать тебе о друге. Хотя у меня были чудесные любящие родители, и все-таки про друга я вспоминаю очень часто.

– Повторюшка, – проворчала я, но на самом деле не злилась: подумаешь, подсказала Ди идею.

Он улыбнулся и подтолкнул меня плечом.

– Я серьезно! Но, чтобы не докучать, расскажу только об одном эпизоде. Хотя уверен, что в жизни каждого ребенка случалось что-то похожее.

– Ну давай! – заинтригованно сказала я.

– В начале лета мои родители подарили нам корзину со свежей клубникой. Слишком большую для маленьких животов. Мы честно съели половину, потом кому-то из нас стукнуло в голову размазать оставшиеся ягоды по лицу и рукам. Ладно, знаю кому: мой друг всегда был сорванцом и выдумщиком, даже в четыре года. Наши физиономии, испачканные красным соком и мякотью, выглядели устрашающе. Но на этом шутка не закончилась. Мой друг ворвался в зал, где в это время сидели наши родители, с криком: «Папа-папа, нас покусали дикие пчелы!» Надо было видеть, как перепугался ее бедный отец.

– Его.

– Что?

– Его бедный отец. Ты оговорился.

– А, да. Как он заметался, подхватил сына на руки. Кричал моим родителям: «Помогите, сделайте что-нибудь!» А мой друг в это время заливался хохотом.

Я, слушая рассказ, не сдержала смеха. Картинка как живая встала перед глазами. Я прямо-таки видела ошарашенное лицо несчастного родителя и даже представила на его месте собственного отца. Наверное, Ди прав, похожие истории есть у каждого ребенка.

– Чем все закончилось? Его выпороли?

Ди поглядел на меня, чуть наклонив голову, усмехнулся краешками губ.

– Нет, его никогда не наказывали.

– А не помешало бы! – авторитетно заявила я.

Димитрий расхохотался, однако причин своего бурного веселья объяснить не стал. Я хотела было обидеться, но Ди смеялся так заразительно, что я рассмеялась следом.

– Вы до сих пор дружите? – спросила я.

Ди засунул руки в карманы, будто ему сделалось зябко, пожал плечами.

– Сложно сказать... Однажды наши родители поссорились, хотя мой отец и его всегда были лучшими друзьями.

– Что же случилось?

– Точно не знаю. Они перестали к нам приезжать. Я не видел лучшего друга долгие три года, а когда мы снова увиделись, что-то сломалось. Я хотел поговорить на серьезные темы, ведь мы уже не дети, но друг желал лишь озорничать. А я казался себе слишком взрослым, чтобы поддержать эти шалости. Хотя...

Ди грустно улыбнулся.

– Теперь жалею. Я ведь знал, внутри он был прежним, добрым и славным... мальчишкой. Я его оттолкнул зачем-то. Такой весь из себя умный и значительный.

– Дурак дураком, – хмыкнула я.

Ди вскинулся, а я продолжила:

– Нет, а что? Кто тебе еще правду скажет?

Теперь наступила моя очередь взять Ди за руку, ведь я не собиралась обижать его и не хотела, чтобы слова прозвучали грубо.

– А самое печальное, когда я осознал, что и дурачиться не помешает, мой друг уже бесповоротно изменился. Он как-то растерял эту детскую непосредственность. Перестал смеяться, будто боялся, что от смеха раньше времени появятся морщины. Он стал похож на мраморную скульптуру. Красивый, холодный...

– Ой, Ди, ты так описываешь друга, – я многозначительно выделила последнее слово, – что я начинаю опасаться, будто ты из этих...

– Из кого? – не понял он.

Потом вытаращил глаза.

– Ну ты дурында, Пеппи! Как тебе такое только в голову пришло!

Я расхохоталась. Я специально его подначивала, чтобы отвлечь от грустных мыслей.

– Знаешь, что твой друг, что мой – идиоты! Вот я всегда любила подурачиться!

Врала, конечно. Еще два месяца назад я и помыслить не могла, что я, прекрасная и неприступная графиня Алисия Уэст, буду носиться по парку растрепанная, с покрасневшим от холода носом и швыряться в Ди охапками листьев.

Но Пеппи стыдиться нечего! Никто не ждет от толстушки манер блистательной и утонченной графини.

Мы с Дмитрием гонялись друг за другом, валялись на пестром осеннем ковре, зарывали друг друга в листья. Как дети малые, честное слово. Но впервые за долгое-долгое время я чувствовала себя свободной. Тугие путы, стянувшие сердце, исчезли.

Набегавшись, мы рухнули на спины и уставились в небо.

– О Солнцеликая, – простонала я. – Надеюсь, нас никто не видел!

– Я надеюсь, что видели, – усмехнулся Ди. – Пеппи, просто разреши себе быть собой!

Наши пальцы переплелись. И больше не нужны были никакие слова.

Наш с Ди эликсир «Детские грезы» получил оценку «превосходно». Он душисто пах клубникой и был цвета расплавленного янтаря. Флакончик с эликсиром оказался теплым на ощупь, будто нагретый летними солнечными лучами.

– Ты делаешь успехи, Пеппилотта, – благосклонно кивнула мне мэтрисс Кеолея.

А я вместо того, чтобы по обыкновению фыркнуть, мол, мне это неинтересно, улыбнулась в ответ.

Что со мной творится? Так я всю ершистость растеряю, обрасту мягкой кожицей – кусайте все подряд. Нет, нельзя размякать: слабого съедают первым. А страшненьким толстухам и подавно следует быть начеку. Всем кажется, что толстухи обязаны быть мягкими и добрыми, ими все пользуются и вертят как хотят.

Я насупилась, возвращая лицу угрюмое выражение: не Пеппи, а неприступный бастион. Но как я ни старалась, стоило мне зазеваться, улыбка возвращалась. Какая своевольная! Губы, непривычные к таким выкрутасам, немели от напряжения. Ди, это все ты виноват! Ты, рыжие листья и влажный осенний воздух, пахнувший терпко и пряно.

Стоило мне подумать, как мы с Димитрием держались за руки, и в животе поднималось тепло, добиралось до самого сердца, перекидывалось на щеки, заставляя их краснеть.

Ужасно! Хуже не придумать! Что может натворить единственный разговор по душам. Ведь не хватало еще влюбиться в невзрачного виконта – ни состояния, ни красоты, ни прочих достоинств! Придется по капле вытравить предательский жар из сердца, сделать так, чтобы Ди и сам ко мне на пушечный выстрел не подошел. Оттолкнуть. Но как? Наговорить гадостей? В этом мне нет равных, а слабые стороны Ди как на ладони – назову цыпленком, посмеюсь над его щербинкой, и готово дело.

Я прищурилась на Димитрия, колдовавшего над очередным зельем. Он словно почувствовал: наши взгляды встретились. Гадство, какие у Ди красивые глаза... И как можно одним лишь взглядом и

подбодрить, и приласкать? Просто посмотрел, а будто провел ладонью по щеке. Магия, да и только.

Я тряхнула головой. Я обязательно отважу Ди от себя. Но не сегодня, хорошо, Солнцеликая? Могу ведь я один день посвятить глупостям, раз уж опустилась до валяния в листве? И если я позволяю себе сегодня стать Пеппи-мягонькой-тряпочкой, не зазорно будет посмеяться и подурачиться. Гулять так гулять!

– Маль, тебе идет новая прическа, – сказала я.

Поставила опыт: не затошнит ли меня от излишней приторности. Я впервые назвала Соломинку дружеским именем, еще и прическу похвалила. Нет, ничего, не замутило, наоборот: на сердце отчего-то потеплело. Это все мэтрисс Кеолея с ее волшебными эликсирами: я надышалась, напробовалась, теперь пробивает на сентиментальность. Это не мои чувства, фу-фу. Улыбочки эти, тепло, радость...

– Спасибо, Пеппи! – расплылась Мальвина. – Я и тебе такую сделаю, хочешь?

Вот, опять сияю.

Следующим занятием шел призыв фамильяров, не самый мой любимый предмет. Оно и понятно: когда раз за разом, день за днем между ладоней не появляется ничего, кроме белого тумана, в то время как Ди, Мальвина, Клара и даже тихоня Бруно обзавелись собственными помощниками, перестаешь верить, что у тебя самой однажды что-то получится.

Пугала и неизвестность: я могла сколько угодно шутить вслух над крокодилем и жабой, но внутри сжималась от страха, когда представляла, что до самой старости буду любоваться на мерзкое создание. И ладно бы только любоваться – знать, что оно часть твоей души. Винсента вот теперь прозвали Лягушачий Принц Винс. А я кто? Пеппилотта-Бегемотта? И ведь ничего не поделать: заимел фамильяра, будь добр полюбить таким, какой он есть.

Нас, первокурсников, что не получили пока помощника, оставалось пятеро. Остальные давно занимались тем, что тренировали мысленную связь со своими фамильярами и учились аккумулировать в них часть энергии. Мы, отстающие неудачники, стояли в кружке, выставив вперед трясущиеся от напряжения ладони. Даже мэтр Рауф, казалось, махнул рукой – он больше времени проводил в той части

кабинета, где по песку гонялись друг за другом котята и кролики, возилась черепаха, лежали, свернувшись кольцами, змейки, а Всполох взирал свысока на этот младенческий манеж, будто он тут самый старший.

– Пеппи, сосредоточься! – велел преподаватель, заметив, что я прервала упражнение и с тоской смотрю на волшебный зверинец.

Сосредоточься! Легко сказать! Я могла сколько угодно пыхтеть и выпучивать глаза, но туман от этого не становился гуще.

Неожиданно кто-то мягко подтолкнул меня в бок. Всполох!

– Ты чего?

Он хитро прижмурил желтые глаза.

– Пр-росто р-разреши себе быть собой, – муркнул пумыч.

Быть собой? Но как? Я подняла ладони, соединила их, закрыла глаза и снова оказалась во вчерашнем дне. Мы смеялись, кидались листьями, и я не боялась, что другие осудят толстушку Пеппи. Честно, в тот момент мне было плевать, так мне было хорошо и весело.

Память унесла меня еще дальше – в детство. Вот я снова пятилетняя девчонка, разомлевшая от жары. Лежу на коленях Ника, а он перебирает мои рыжие волосы, вытаскивает из них веточки.

Неужели вот эта смешливая, дурашливая, лохматая девочка – это я? Неужели эта студентка-чаровница, не стесняющаяся показаться глупой и забавной, – тоже я? А какая я еще? Смелая – и тогда не побоялась залезть на дерево, а сейчас – дать отпор Теренсу. Хитрая – что есть, то есть. И я никогда не сдаюсь! Да, Алисия не отступает и не сдается!

– Пеппи, огонь! – крикнула Клара. – У тебя огонь!

Я распахнула глаза, и вначале увидела окруживших меня однокурсников и их изумленные физиономии, и только потом – ярко-рыжие клубы дыма между ладоней. Ни у кого прежде я не видела такого цвета! Потрясенным выглядел даже магистр Рауф.

– Ну же, Пеппи, – шепотом подбадривал он меня: шепотом, чтобы не сбить настрой. – Давай-давай!

– Давай, Пеппи! – несло со всех сторон.

Мальвина подпрыгивала, сложив руки молитвенным жестом. У Клары горели глаза. Бруно поднял вверх кулак, мол, ты сделаешь это. А напротив стоял Ди – просто стоял, ничего не говорил и не махал руками, но так смотрел... Я сразу поняла – все получится!

Превращение случилось за мгновение, я и моргнуть не успела. Только что клубился огненный туман – раз – и у моих ног стоит лисичка с рыжим пушистым мехом, хитрой мордочкой и блестящими, черными, будто бусинки, глазами. Цвет ее меха был точь-в-точь цвет моих настоящих волос.

Однокашники завопили.

– Какая хорошенькая! – пищали девчонки.

Винс дул губы, будто обиженный малыш. Он-то до последнего надеялся на крокодила.

Меня захлестнула волна счастья. Не чудовище! Не мерзкая пакость, хотя магистр Рауф и утверждает, что нет плохих фамильяров. Пушистое рыжее чудо!

– Моя Лиска, – прошептала я.

Я вытащила руку из-под одеяла и погрузила ладонь в мягкий мех. Лиска, свернувшаяся калачиком на моей груди, приподняла мордочку и приоткрыла один глаз.

Как это непривычно и волнующе: у меня появился фамилляр! Проснувшись среди ночи, в темноте, я испугалась, что Лиска мне приснилась, но тут в ладонь ткнулся теплый нос: лисичка почувствовала мое беспокойство и поспешила утешить.

– Что же мы с тобой теперь будем делать? – прошептала я.

Волновалась, что скрывать: волшебных помощников у меня прежде не было. Под утро приснилось, будто я бегу на четырех лапах, вдыхая запах влажной земли. Пахло не только землей, но и жуками, травой, даже у камней оказался особенный аромат. Лапкам было мокро, живот щекотали сухие травинки. Я рассмеялась во сне, а проснулась с первыми лучами солнца, чувствуя себя счастливой и отдохнувшей.

– Признавайся, ты гуляла, пока я дрыхла! – сказала я Лиске.

– Не гуляла, а исследовала территорию, – пропела лисичка.

У нее оказался мелодичный, тоненький девичий голосок.

– Тебе, наверное, тяжело сохранять физическую форму? – забеспокоилась я. – Ты... если надо... развеивайся.

Лиска звонко рассмеялась.

– Не беспокойся об этом, хозяйюшка. Даже если меня не видно, я всегда рядом!

Мальвина и Клара еще спали: до занятий оставалось больше часа. Обычно и я в такую рань не встаю, но, бестолково поворочавшись с боку на бок, я поняла, что зря теряю время, и перебралась в ванную.

По обыкновению, пригляделась к своему отражению, пересчитала прыщи: вдруг с появлением фамилляра еще один пропал? Увы, надежда не оправдалась. Три пупыря, толстые щеки, редкие ресницы, заплывшие после сна глазки.

– Красотка ты моя, – сказала я девице в зеркале. – Сейчас мы тебя умоем, причешем, и ты станешь вполне себе ничего.

За два месяца я кое-как привыкла к Пеппи и поняла, что ненавидеть свою новую внешность нет смысла. Пользы от этого никакой, один вред. Если присмотреться, не так уж я и страшна, совсем не уродина. Никто не шарахается, пальцем не показывает, а Ди так и вовсе не прочь поглядеть лишний раз.

Ди. Пора что-то решать. Пока я отложила поиски красавчика, который меня расколдует, да, может, и не нужен он мне, но пророчество Кассандры рано или поздно исполнится. И что тогда? Я верну внешность, титул и всеобщее обожание, и Димитрий сделается мне не по статусу. Наши прогулки за ручку – милое баловство, и только, а он мог надумать себе невесть что. Ни к чему мучить его и себя.

– Я сделаю ему больно, – сказала я Лиске, что пристроилась у моих ног. – Это как... маленькая операция. А потом всем станет намного легче.

Лисичка задрала мордочку, прищурила один глаз и промолчала. Она согласна? И отговаривать меня не станет? Что же, значит, все к лучшему.

Ощущение радости, с которым я проснулась, повыветрилось. В животе стянулся тугой комок, как перед сложным зачетом, к которому я плохо подготовилась и боюсь не сдать. Я уже знала, что будет непросто оттолкнуть Ди, но я постараюсь.

Лучше сразу, с утра, разберусь с этим неприятным делом. Мне и самой будет больновато, но перетерплю. Постепенно все вернется на круги своя – Ди отстранится, привыкнет к мысли, что нам никогда не быть парой, а потом потихоньку начнем общаться и возвратимся к спокойной дружбе.

В последние дни все так быстро завертелось: Димитрий вытащил меня из подземелья, залечил синяки, мы открыли друг другу сокровенное, очень личное... Я не готова сблизиться с кем бы то ни было настолько тесно. Алисия Уэст предпочитает доверять лишь себе – это безопасно.

– Пеппи, ты скоро?

Пока я торчала в уборной, размышляя о наших странных отношениях с Ди, девочки успели проснуться. Началась привычная утренняя суматоха: мы путались, где чей учебник, натыкались друг на друга в тесной комнатухе. Мальвина по ошибке нацепила обувь

Клары, и та принялась корчиться, пытаясь приспособиться к ее небольшим ступням, в то время как Морковина толкала ногу в тесный ботинок Маль и пыхтела от досады, не понимая, отчего удобные ботинки за ночь уменьшились на два размера: у одинаковой формы есть свои недостатки.

Я рассеянно перемещалась из угла в угол, то заталкивала в сумку чернильницу-непроливайку и очиненные перья, то зачем-то выкладывала их.

– Пеппи, ты чего возишься?

Девочки наконец разобрались с обувью и одетые стояли у двери. А снаружи, судя по доносившимся обрывкам фраз, ждали Бруно и Димитрий. Маль ерзала от нетерпения: так ей хотелось поскорее повиснуть на своем ненаглядном Бруно. Интересно, они уже целовались?

– А где Лиска? – спросила Клара, оглядевшись.

Я в последний раз видела свою лисичку, когда призналась ей, что собираюсь отвадить Ди.

– Там же, где твой Клорик, – проворчала я. – У тебя тоже пока сил не хватает, чтобы он все время скакал поблизости.

– Да я ведь просто спросила, – опешила Морковка. – Я понимаю. Ты не бойся, вернется.

Кое-как я собралась и вышла за порог последней. Маль прилипла к Бруно, так плотно обхватив его руку, будто собиралась срастись с беднягой. Хотя он, судя по мужественно задранному острому подбородку, не имел ничего против. Ди привычно потянулся, чтобы взять мою сумку, сумку Клара он уже повесил на плечо.

Самое время воплотить свой план.

«Сама понесу, иначе развалишься под тяжестью, цыпленочек ты наш!» Вот так следует начать. Добавить голосу издевки и деланого сострадания. Пройти мимо, будто случайно оттолкнув его с дороги.

О Солнцеликая, отчего так тяжело? Ведь я проделывала подобные трюки с тех пор, как осознала себя. Посмеяться над горничными или лакеями, потешаясь над их вытянувшимися лицами, – милое дело!

– Сама понесу... – Язык прилип к небу.

– Ой-ой-ой, моя лапка! – раздался тоненький голос, окончательно сбив настрой.

Откуда ни возьмись появилась Лиска и завертелась волчком, поджав переднюю лапку.

– Лисонька, что случилось? – Девочки тут же присели на корточки перед моим фамильяром.

Да и я не на шутку испугалась. Только заполучила помощника, как уже травма! Хотела подхватить лисичку, но та ускользала.

– Лиска, стой, погоди, я посмотрю, – попросил Ди, сгрудив сумки на крыльцо.

Протянул руки, и моя Лисонька, пожалуйста, прыгнула в его объятия как миленькая! Дмитрий осторожно прощупывал косточки, хмурился. Лиска примостила мордочку на его локте и поглядывала на меня глазками-бусинками. И не пикнула ни разу. Так-так!

– И что же это приключилось с твоей лапкой? – нежно спросила я, источая сладкий яд, не распознанный никем, кроме хитрой рыжей предательницы.

– Не знаю, хозяйюшка, – умильным голоском пропела лисичка в тон мне. – Растянула. Прищемила. Или заноза. Идти сама не могу. Ди, понеси меня на ручках?

– Конечно, маленькая. Не чувствую, что есть ранка, но я раньше не лечил фамильяров...

Ди выглядел растерянным.

– А давайте спросим у мэтра Рауфа, болеют ли фамильяры? – бодро спросила я, сузив глаза на Лиску.

– Да-да, давайте спросим, – с готовностью согласилась та, в изнеможении свесив лапки. – А пока Ди придется нести меня.

– Не пробовала развеяться? – намекнула я.

– Пробовала! Не помогает, хозяйюшка.

И мордочка честная-честная! Ах ты хитрованка! Меня переплюнула! Я фыркнула, подхватила сумку и пошла вперед.

Ну авантюристка! Что нашло на моего фамильяра? Неужели... Озарение едва не сбило с ног. Рыжая лгунишка мешает мне оттолкнуть Ди, и, чую, подвернутой лапкой дело не ограничится. Мало мне угрызений совести, так собственный волшебный помощник чинит препятствия. Дело усложняется!

Как я и ожидала, магистр Рауф впервые слышал, что фамильяры могут пораниться, но Лиска страдальчески закатывала глаза и хромала, так что преподаватель, оторопев, обещал поискать подобные случаи в книгах.

Правда, стоило ему отойти, лисичка встряхнулась, сообщила, что ей «стало значительно легче», и отправилась восвояси, гордо задрав пушистый хвост.

– Почему у меня такое чувство, будто твой фамильяр нас надурил? – задумчиво спросил Ди.

Я прыснула и закатила глаза: дошло наконец-то.

– Привлекает к себе внимание! – пояснила я и тут же спохватилась: – Только она! Мне лишнее внимание ни к чему.

Тут бы и следовало припечатать Ди суровым приговором: «Особенно твое внимание!» – но прозвенел сигнал к началу занятий, и момент был упущен. Лекции и практикумы – не лучшее время для выяснения отношений.

«За обедом!» – решила я.

Но не тут-то было: Лиска материализовалась в центре столовой и отправилась знакомиться с ведунами. Со всех сторон несло «Ой, какая!», погладить рыжую шерсть тянулись десятки рук, и не только девичьих. Лиска же устроила целое представление: отыскала кленовый лист, занесенный ветром сквозь приоткрытое окно, и принялась носиться с ним между рядами столов. Подбрасывала вверх, ловила носом, а то переворачивалась на спинку и жонглировала всеми четырьмя лапами.

Я не то что с Димитрием поговорить – поесть спокойно не могла. Ведуны, узнав, чей фамильяр поднял всем настроение, подходили поздравить меня.

– Какая славная у тебя помощница, – сказал и Рой, осторожно погладив лисичку между ушей.

И только Меринда делала вид, что ни меня, ни Лиски не существует. Помешивала горячий взвар с недовольной миной.

– Рой, ты скоро? – не выдержала она, злобно зыркнув исподлобья.

Тут я единственный раз пожалела, что Лиска не крокодил. Меринде не удалось бы остаться столь безразличной, глядя на раззявленную зубастую пасть.

Развязку суматохе положил мэтр Зотис, разогнавший студентов по местам. Лиска с чувством выполненного долга растворилась в воздухе рыжим туманом. Вот негодница. У меня от ее проделок голова шла кругом. Однако злиться на хитрюгу всерьез не получалось – от одного взгляда на ее лукавую мордочку все раздражение как рукой снимало.

И все-таки пора покончить с ее непослушанием. Я предупредила Мальвину и Клару, что хочу прогуляться одна. Расчет оказался верным: едва я очистила скамейку от опавшей листвы, провела ладонью по деревянной поверхности, испаряя влагу, и присела, запахнув полы мантии, лисичка тут как тут: забралась ко мне на колени и обернулась хвостиком.

– Ты нарочно мне мешаешь, да? – примирительно спросила я. – Не хочешь, чтобы я отвадила Ди. Я понимаю, он тебе нравится.

Лиска жмурилась и молчала.

– Но сама посуди, глупая, какое нас ждет будущее?

Я не хотела, чтобы лисичка на меня злилась, и потихоньку гладила ее по спине, запустив пальцы в мягкий мех, такой теплый, что он грел лучше любых рукавиц.

– Ты ведь понимаешь, останься я... – Тут я испугалась, что Лиска не представляет, кто я такая на самом деле, и произнесла хриплым шепотом: – Ты ведь знаешь мое настоящее имя?

Потому что, если мой фамильяр думает, что я Пеппилотта Гриллиан, не значит ли это, что я теперь Пеппи навеки?

– Конечно, знаю, Алисия, – успокоила меня лисичка.

– Фух! Так вот, останься я графиней Уэст, я бы на Ди и не посмотрела. Где он и где я...

Лисичка, слушая, топталась на моих коленях, устраиваясь удобнее, и наконец соизволила ответить:

– Было бы из-за чего переживать. Тем более что самому Ди это и не нужно.

– Как? – опешила я. – Ты еще маленькая и ошибаешься. Я нравлюсь Димитрию.

– Как друг, возможно, – муркнула Лиска, не открывая глаз.

Я усмехнулась – небрежно так, свысока. Глупенькая лисичка, ничего пока не понимает в отношениях.

– Чем быстрее ты его спровадишь, тем ему лучше, – продолжала Лиска. – Обрадуется наверняка.

– Да что ты такое говоришь! – рассердилась я и столкнула лисичку с колен.

Она встряхнулась и как ни в чем не бывало запрыгнула на лавку. Села на противоположном конце и задрала нос, любуясь небом. И обращалась, по-видимому, лишь к облакам и верхушкам деревьев.

– Думаешь, он твоя собственность? Позвала – прибежал, прогнала – ушел? А вот и нет. Ты знаешь, где сейчас Ди?

Я пренебрежительно пожала плечами:

– Пошел домой зубрить домашку. Где ему еще быть.

– Не-а...

– Тогда в театре, потому что мэтрисс Нинон дописала реплики, ему нужно отрепетировать с Кларой.

– Снова нет.

Я заерзала. Варианты заканчивались.

– Гуляет. Он понял, что я собираюсь его отбрить. Волнуется.

– О, совсем не волнуется, – мелодично рассмеялась Лиска.

– Ну хватит! – Терпение лопнуло. – Говори уже!

– Он с Тильдой.

– Что?..

Лисичка второй раз за короткий разговор поставила меня в тупик. Я вспомнила, как Тильда жеманничала, напрашивалась к Ди в напарники, как терлась возле него, как смотрела...

Я вскочила на ноги и пошла, не разбирая дороги. Искать Ди? Но нет же, глупо, нельзя! И что я ему скажу? Они небось с Тильдой теперь бредут, взявшись за руки. А тут я: «Здрасьте, я ненадолго, можете не обращать на меня внимания, продолжайте лапать друг друга. Ди, я собиралась тебя отшить, спасибо, что отшил меня первым!»

Я шагала и злобно расшвыривала листья, точно хотела на них выместить гнев и обиду. Лиска рыжей молнией мелькала то справа, то слева от меня.

Отчего я в бешенстве? Разве я не собиралась отвадить Ди? А нужно ли было отваживать? Он ничего мне не обещал, мы не вместе,

он имеет право гулять с кем захочет и где захочет.

Парень и девушка в моем воображении лежали на пестром ковре, сотканном из осенних листьев, и держались за руки. Да только на моем месте теперь была Тильда. Извивалась всеми своими изгибами. Зазывно хихикала. Хищница в овечьей шкурке!

Я шла все быстрее, будто хотела убежать от собственных мыслей. Углубилась в парк и едва не врезалась в ствол старого клена. Ударила дерево кулаком раз, другой и... прислонилась лбом к грубой коре, пряча слезы. Злость выплеснулась из меня вместе с силами – назад я брела нога за ногу. Лиска сопровождала меня поодаль, близко не подходила. Радуется небось, предательница.

Домой я не пошла, притулилась на ступеньке, нахохлившись, как замерзший воробей. Спустились сумерки, похолодало – я натянула капюшон до самого носа, спрятала озябшие кисти рук в рукава. Не могу сейчас видеть ни Маль, ни Клару. Они заметят, что мне грустно, начнут расспрашивать, а что мне им ответить? Я и сама толком не понимала, что со мной творится. Не к месту вспомнилось, как Ди обнимал меня и гладил по спине.

Он и кудряшку-барашку эту теперь по спинке гладит? Черепаху ее нахваливает? Я шмыгнула заледеневшим носом.

– Пеппи, ты чего сидишь на холоде? – воскликнул знакомый голос. – Скоро в сосульку превратишься.

Я подняла голову и увидела Ди, торопливо идущего по аллее вместе со Всполохом. Димитрий шлепнулся рядом, пумыч прижался к ногам, согреться. Стало уютнее и теплее, однако я угрюмо молчала.

Ди тихонько подтолкнул меня плечом.

– Где Лиска?

– Надеюсь, провалилась в преисподнюю! – ляпнула я.

– Ого, даже так! Рассказывай!

– Нечего рассказывать...

«Лучше ты мне расскажи, Ди, как хорошо провел время с этой вертихвосткой с изгибами!»

– Тогда пойдем греться.

– Не пойду!

Во мне включилось воистину ослиное упрямство, хотя на покладистость я и так не жаловалась. Вот замерзну насмерть. Будете знать! Все!

– Хм... Интересное дело.

Ди поднялся было и протянул мне руку, но плюхнулся обратно. Через секунду я ощутила, как поверх моей накидки опускается накидка Димитрия, сам он остался в тонком сюртуке.

– Ты что творишь? – вскинулась я.

Ди проигнорировал вопрос. Сорвал травинку у крыльца: сидит, грызет, как дите малое. Всполох растянулся, положил голову на могучие лапы и притворился, что задремал. Расположились всерьез и надолго. Но если фамильяру простуда не угрожает, Димитрий запросто свалится завтра с воспалением легких. Цыпленок же как есть. Шейка тощенькая торчит из воротника.

Почему так отчаянно хочется примостить голову на его плечо и уткнуться носом, своим круглым картофельным носом, в эту щедедушную шейку. Картина маслом: поросенок и птенчик. Курам на смех. Я бы подобной парочке спокойной жизни не дала – потешилась бы вволю...

Вздохнула. Меня качнуло вбок, и опомниться не успела, как прислонилась к Ди, а он недолго думая обнял меня за плечи.

– Как там Тильда? – ядовито спросила я.

– Нормально, – откликнулся Ди.

И голос такой невинный! Ну каков! Обнимает одну девушку, говорит о другой – словно это в порядке вещей. Я обомлела от наглости Димитрия настолько, что оцепенела, когда надо было оттолкнуть наглеца. А он продолжал:

– Параграф объяснил, так что лабораторную завтра не провалит.

– Так вы?..

– Сидели в библиотеке.

Уголок губ Димитрия скользнул вверх: он разгадал мои темные мыслишки о нем и Тильде.

– Она попросила помочь разобраться. Я и помог. Ты против?

– Н-нет... – пробормотала я, запинаясь.

А Лиска-то! Лиска! Вот обманщица. Хотя и во лжи ее упрекнуть нельзя. Ди действительно проводил время с Тильдой, но лисичка, как пить дать, специально ввела меня в заблуждение недомолвками и намеками.

– Пойдем в тепло? – снова предложил Ди. – Я травяного чая заварю. Хочешь?

– Хочу, – вздохнула я.

Но еще больше я бы хотела сидеть вот так на крыльце, обнявшись. Всякое желание отваживать Ди пропало. Лиска переиграла меня, коварная моя лисичка. Славная моя!

«Поспешай медленно», – любила говаривать моя нянька. В ее понимании это означало, что за завтраком съесть кашу, липнувшую к нёбу, как клей, нужно чинно и не торопясь. Для меня же густая овсянка превращалась в пытку, я стремилась разделаться с ней поскорее, если уж увильнуть от каши и суровой нянькиной нахлобучки невозможно. Руководствуясь этим жизненным принципом, мадам Иветта ловила меня за шкуру и дергала со всей силы, когда я сбегала по ступенькам вниз – в весенний, залитый солнцем сад. На шее пару раз оставались следы от врезавшегося в кожу воротничка. Папа однажды заметил их и призвал няньку к ответу, а та всплеснула руками, засуетилась: «Где же ты поранилась, дитяtko?» Нянька на вид была добродушная, румяная, ямочки на толстых щеках, как не поверить этакой душе?

Особенно она изгалялась над «противной капризулей» – и это еще ласково – вечером, перед сном, когда наступало время идти к отцу, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Я, уже наряженная в длинную ночную сорочку, смиренно ждала, когда нянька расчешет мои длинные волосы. За день они успевали сбиться и запутаться. Нянька, вооружившись любимой деревянной щеткой – еще одним орудием пытки – и зажав меня между колен, нещадно дергала пряди, не желая тратить время на осторожное распутывание. Я морщилась, хныкала, но терпела, потому что знала: в конце меня ждет желанная награда – папин поцелуй на ночь. Но иногда мадам Иветта сообщала мне, что сегодня я вела себя плохо и граф не станет желать спокойной ночи дрянной девчонке. Я, конечно, устраивала истерики, на которые нянька не обращала ни малейшего внимания. Она растирала мне щеки ледяной водой и заталкивала в постель.

Может, потому мне и снились так часто страшные сны? Нянька, которую пушкой было не поднять, и предположить не могла, что по ночам я сбегаяю в папин кабинет. Может, стоило ему рассказать? Почему я ни разу не выдала мерзавку отцу? Вероятно, потому, что какое-то время считала ее близким человеком. Не так уж много у меня было родных людей.

Но привязанность как рукой сняло, когда я однажды подслушала разговор мадам Иветты с горничными. Она жаловалась, что рыжее отродье достало ее до печенок – ноет, воет, вечно чего-то просит. Придушить бы ее подушкой во сне. Горничные, простые деревенские девки, подхватили веселую игру и стали наперебой предлагать способы, какими можно избавиться от плаксы. Среди них – обварить кипятком и выкинуть в окно. Няня не попросила их укоротить свои длинные языки. Наверное, она со мной действительно намучилась, но... Я спряталась в шкафу и прорыдала там несколько часов.

Я не забыла ни одного слова. Служанки сполна заплатили за мою обиду. Одна из деревенских дурочек, та, что предлагала сварить меня в котле, потом стала кухаркой. С каким же наслаждением я совершала визиты на кухню!

– Фу, что за подливка? У нее мерзкий цвет!

Подливка отправлялась прямиком в сливной бак.

– Пирожные не того размера! Переделать!

И прочие приятные шалости: сыпала соль в жаркое, перец в десерт. Теперь я не торопилась и не горячилась. К мести нужно подходить обстоятельно. Нянька осталась бы мною довольна.

...Но вот теперь, спустя столько лет, ненавистные слова няньки приобрели иной смысл. Я, мечтавшая заполучить все и сразу, в отношениях с Ди совсем не хотела спешить.

Я будто брела на ощупь в темноте: мир, прежде знакомый и привычный, сделался загадочным и немного пугающим. Прежде у меня никогда не было парня. Как вести себя правильно?

Я внезапно натолкнулась на множество подводных камней. С острыми гранями, между прочим!

Во-первых, я все еще дико смущалась мысли, что нас с Ди станут считать парой. Но и отпускать его я не хотела: делалось больно, стоило представить Тильду в обнимку с ним.

Во-вторых, сам Димитрий не объявлял меня своей девушкой. Почему? Боялся, что рассмеюсь, глядя ему в глаза. А я могла бы – от одного лишь смущения. Или – о Солнцеликая – я напридумывала себе невесть что, а Ди видит во мне только друга?

В-третьих, влюбленным положено держаться за руки, а там и до поцелуев дойдет! Поцелуи меня пугали.

У многих служанок уже к восемнадцати годам имелся ребенок, порой и не один, а мужей частенько не наблюдалось. Малыши росли под присмотром родни в деревне, пока молодые матери зарабатывали им на кусок хлеба. Вот бы они посмеялись над взрослой девахой, которая ни разу в жизни не целовалась.

Такая возможность была! И не одна! Два раза красавчик Рой уплыл из-под носа. Надо было все-таки поцеловать его тогда, в центре песочного лабиринта. Не развалился бы. Но... Нет. Целоваться на глазах у Димитрия – так себе затея.

Список переживаний можно продолжать бесконечно. Что, если поцелуй с Ди, явно не самым красивым студентом в академии, собьет заклятие с толку и испортит его ненароком? Мол, оставайся же ты Пеппи навсегда. И зловещий смех дражайшей Памелы за воображаемыми кулисами. Нет, лучше не рисковать.

Пусть все идет как идет. Шаг за шагом. Куда торопиться? Мне пока и так неплохо. Ходить вместе на занятия, смеяться, дурачиться, зубрить лекции, варить в паре зелья и снадобья. Тильда сделала еще несколько попыток завлечь Ди в библиотеку, но Димитрий каждый раз звал меня с собой: лишние знания не помешают. Барашка-кудряшка скуксилась и отвалилась.

Продолжались и репетиции. Премьера спектакля все ближе. Роли мы выучили назубок, я, кроме своей, знала реплики каждого персонажа – могла подрабатывать суфлером.

Однажды мэтрисс Нинон открыла пыльную кладовку, где был свален реквизит, и сказала, что пора готовить декорации.

Она разделила обязанности между всеми нами: кто-то станет чинить и отпаривать костюмы, кто-то – расчесывать парики. Нам с Ди достался задник с нарисованным на холсте королевским замком. Краска облупилась и потрескалась, ее следовало освежить, но, когда мы с Димитрием приступили к работе, выяснилось, что проще нарисовать картину заново. Чем мы и занимались вечерами, после репетиций, оставшись одни в полутемном помещении.

Растягивали занавес на полу, прижимали по краям стульями и ползали по зеленому лугу и голубому небу с кисточками и банками красок в руках. Магия чаровников, увы, оказалась бессильна: мэтрисс Звонк заколдовала реквизит наоборот – он пылился, старился и

разрушался. А знаете зачем? Чтобы студенты в полной мере погрузились в театральную постановку. Ненормальная, я же говорю!

Дни бежали за днями.

Выпал и растаял первый снег. В заброшенной лаборатории больше никто не собирался: мэтр Зотис все-таки прислушался к Ди, вернее, его фамильяр Дум прислушался к Всполоху. Вокруг руин установили защитный контур: стоило зайти за камни-артефакты – сигнал немедленно поступал деканам обоих факультетов. А значит, прощайте, десерты за ужином, и здравствуй, домашний арест на два дня. Студенты ворчали, но предпочитали не связываться.

– Печати рассыпаются, – по секрету сообщил Дум пумычу, а тот – нам. – Весной будут поправлять.

Все шло своим чередом.

Первый зачет грянул как гром среди ясного неба. Однажды утром я проснулась, посмотрела за окно: острые снежные льдинки царапали стекло, будто коготки крошечных котят. «Словно у самой Владычицы Зимы есть свой фамильяр», – подумалось мне. А в следующий миг я подскочила на кровати. Фамильяры! Зачет по призыву! Уже завтра!

Лиска, устроившаяся на краю постели, приподняла голову и зевнула. И я как-то сразу успокоилась: о чем переживать? Мой помощник всегда рядом, прибегает по первому зову, а большего от студентов в первом семестре и не требуют.

Вот Филу, последнему, кто так и не обзавелся фамильяром, я не завидую. Вчера на занятии он едва не плакал от досады, и не нашлось тех, кто стал бы подтрунивать над ним. Старались подбодрить как могли, хотя в следующее полугодие он как пить дать перейдет с хвостом. Да только не с тем, о котором мечтал.

– Мне бы хоть черепашку, – вздыхал он. – Да хоть лягушечку. Хоть паучка.

Бедолага.

Зато я волновалась за целительство. Не давалось оно мне, хоть тресни. Первым по предмету шел Ди – если бы не он и не наши совместные лабораторные, за которые мы всегда получали высший балл, я бы телепалась в самом конце. Димитрий обещал, что заново проштудирует со мной учебник и объяснит сложные места, да только пока из-за ежевечерних репетиций руки до учебника не доходили.

Мэтр Зотис раздал каждому расписание зачетов и экзаменов. Здесь же были указаны отчетные выступления: конная выездка в открытом манеже, бальные танцы и наш спектакль. Я могла лишь посочувствовать наездникам: попробуй управлять лошадью, когда с неба льет ледяной дождь, а копыта утопают в черной жиже. Одежда зачарована от холода самими же студентами – это одно из заданий. Чаровники старались для себя и ведунов, зато студенты зеленого факультета должны будут разогнать тучи и усмирить ветер.

Мальвина и Бруно без усталости репетировали вальс. Долговязая Маль выше Бруно на голову, но, когда они, обнявшись, кружились по

тесной комнатке, чудом избегая острых углов, я видела только их сияющие глаза и отточенные движения. Что за волшебство такое, превратившее двух несуразных существ в прекрасную пару?

Может, и мы с Ди вовсе не смотримся смешно рядом друг с другом?

Клара продолжала зубрить роль, хотя недавно стало известно, что на премьерном спектакле принца Эдуарда и графиню сыграют Рой и Меринда. Мэтрисс Нинон выкопала из недр кладовки старый цилиндр, кинула в него две свернутые трубочкой бумажки. Одна из них была с крестиком, и именно ее вытянул Рой, а Димитрию досталась пустая. Все честно, но мне сделалось обидно за Ди: по мнению всех, он лучший принц Эдуард. Играет так, что я забываю, кто он на самом деле, слушаю затаив дыхание. Даже мэтрисс Нинон не сдержала горестного вздоха, но что поделать – судьба есть судьба.

Я в роли кота выйду как раз в этом составе: Ди помогает Всполох, а нам придется выкручиваться самим.

Может, удастся подставить подножку Меринде, чтобы та грохнулась на сцене всеми костями? Хоть какая-то радость! А то что-то я раскисла в последнее время, сама себя не узнаю. За Мериндой, между прочим, должок! Я отложила месть на потом, но пока так и не придумала достойного Ринды возмездия. Пожалуй, зрелище дорогой подруженьки, растянувшейся у моих ног, меня вполне удовлетворит. Я даже заготовила подходящую к случаю фразу из уст кота: «Графиня, ах, какая неприятность! Я бы с радостью протянул вам руку, но, к сожалению, у меня лапки». Я позлорадствую, глядя, как Меринда барахтается в длиннополном платье, пытаюсь встать на ноги.

– Не вздумай! – выговорил мне Ди, когда я, не удержавшись, рассказала о плане.

На самом деле я не собиралась срывать спектакль, а то эта костлявая пакость еще расшибется, нос разобьет. М-м-м, нос разобьет! Какое приятное зрелище, даже в воображении.

– Ладно-ладно, – проворчала я. – Но помечтать-то можно!

Через неделю после спектакля состоится большой зимний бал! Единственный праздник в академии, на который можно прийти в собственном наряде – не в форме. Сделать прическу, надеть фамильные драгоценности.

Еще летом я предвкушала фееричное появление графини Уэст в бальном зале, украшенном живыми цветами. Стены задрапированы шелком, мраморный пол натерт до блеска, под потолком горят огромные огненные шары, от которых тепло и светло, как днем. Я заранее продумала фасон платья и купила ткань под цвет глаз и прекрасного изумрудного кольца, доставшегося от мамы.

Видно, не в этот раз... Боль кольнула сердце, но быстро улеглась. Пусть на балу появится не прекрасная рыжеволосая девушка, а щекастая толстуха, зато я приду не одна. И тому, кто окажется рядом со мной, будет наплевать, что мои волосы недостаточно густы, а талия недостаточно тонка. Я смогу вдоволь натанцеваться и от души повеселюсь.

Я вспомнила вечеринку перед отъездом в академию. О Солнцеликая, какая тоска царила на ней. На собственном празднике я чувствовала себя одинокой ожившей статуей. Не могла позволить себе лишней улыбки, обычного разговора по душам. Я почти не помню приглашенных, а ведь большая часть из них учится вместе со мной на первом курсе. Правда, почти все – ведуны. Так уж устроена высшая аристократия: ведуны главенствуют. А мне достался дар мамы. Она происходила из небогатого и не очень знатного рода.

Головоломка сложилась у меня в голове только недавно. Я стала задумываться о многом. О войне, о храброй хрупкой целительнице, которую полюбил влиятельный граф. О том, что он потерял любимую жену и навсегда закрылся в коконе работы и государственных дел. О том, что у него не хватало душевных сил даже на единственную дочь, оставшуюся без матери. Что баловать, потакать капризам и откупаться дорогими подарками оказалось проще, чем открыть сердце... Отец никогда не рассказывал мне о том коротком времени, когда они с мамой были счастливы. Но если внезапно прилетала весточка из прошлого, как та бусина, найденная под столом, он совершенно терялся, бледнел и спешил поскорее спрятаться за кипой бумаг и документов.

Эх, папа, папа... Я решила, что, как только представится возможность, он уже не отделается от меня так просто. На зимних каникулах мы сядем у камина, я сама заварю травяной успокаивающий чай по рецепту Ди и спрошу о маме, о сражениях, о дне, когда граф Уэст повстречал рыжеволосую Амалию. Выведаю все – не отмолчится

теперь! Сначала ему будет больно, но это как вскрыть нарыв, который разрастался долгие годы, – папе станет легче. И мне тоже. Может быть, впервые за все время мы будем искренни друг с другом.

Надеюсь, папа не забыл, что у него вообще есть дочь. Или, выдав мне документы на имя Пеппилотты Гриллиан, он радостно вычеркнул из жизни и Алисию?

Уже на следующей неделе в академии начнется суета: десятки портних, отправленных родителями, приедут, чтобы обмерить чад и обговорить фасон будущего платья. Примерочные оборудуют прямо в аудиториях. Уверена, преподаватели за голову хватаются от бардака, царящего в спокойной академии в эти дни. Но традиция есть традиция.

После зимнего бала студентов распустят по домам. Примет ли отец меня под личиной Пеппи? Или предпочтет снять дом в столице? Пророчества Кассандры не торопились сбываться, а значит, придется еще какое-то время побыть толстухой.

Но почему-то это больше не пугало меня так, как раньше.

Дня, когда академия открыла ворота портнихам, все ждали как праздника. Еще утром, на лекции по травологии, мы увидели в окно, как по аллеям поодиночке и группами идут женщины. Внешний вид портнихи позволял угадать, кто ее нанял – богач или середнячок, еле сводивший концы с концами. Некоторые дамы в добротных пальто шагали налегке, помощники тащили следом отрезы ткани и сундуки со швейными принадлежностями. Другие, укутанные в теплые шали, сами несли корзины.

Мы все бросились к окнам, мэтрисс Жаз не стала нас останавливать, прервала лекцию, разрешив вдоволь налюбоваться и посудачить. Наверное, вспомнила, что и сама была молодой и так же, волнуясь, предвкушала бальное платье и ждала весточку из дома.

Я на мгновение забылась и сначала смотрела на самых солидных портних. Нет, баронесса Гриллиан напрасно рассчитывает на модисток, которые обшивают столичную знать. Может, папа и вовсе забыл обо мне?

Мы вернулись на места, и тут я поняла, что Клара как сидела за столом, так и продолжила сидеть. Делала вид, что увлечена учебником.

– Ко мне не приедет портниха, – пояснила она, изо всех сил делая безразличное лицо. – Денег нет. Ну и ладно, кому какая разница. Приду в форме.

Мальвина ахнула.

– Может, вместе в форме пойдем, – сказала я.

Мальвина обернулась ко мне и снова ахнула. В ее круглых глазах отразился ужас.

– Бедняжки вы мои! Родители наверняка передадут мне с портнихой атласные ленты, я обещаю, что сделаю вам лучшие прически!

Я хмыкнула, представив у стены двух неудачниц – себя и Клару. В форме, зато с яркими лентами в волосах. Зрелище не для слабонервных. Но вслух сказала:

– Спасибо, Маль.

Приезд портних всех перебаламутил. Было уже не до занятий. Мэтрисс Жаз просто попросила нас спокойно досидеть до конца лекции. Конечно, разговоры крутились вокруг предстоящего бала и платьев. Девушки рисовали на бумаге фасоны, чтобы показать подругам. Принялась было рисовать и я: узкая талия, лиф, украшенный пайетками... Бросила и смяла листок.

Оживились даже парни. Им костюмы сшили заранее, еще летом. В канун праздника их привезут камердинеры и помогут облачиться. Но парни обсуждали не наряды, а танцы: когда следует записываться в очередь в специальные бальные книжечки девушек. С одним кавалером – не больше трех танцев.

Эти бессовестные физиономии вошли в раж и стали вслух выкрикивать имена, а потом едва не передрались из-за самых популярных студенток, пришлось мэтрисс Жаз напомнить им о приличиях.

Тильда покраснелась и лучилась от счастья: если бы у нее в руках сейчас оказалась бальная книжка, танцы в ней уже были бы расписаны до конца бала. Ну что сказать... А я зато не переутомлюсь!

Во время обеда все сидели как на иголках. Однако вредные кураторы не торопились приоткрывать окна, шептались и хихикали, разглядывая наши взволнованные лица.

Но вот студенты впопыхах доели десерт, оставили чашки, и мэтр Зотис демонстративно потянул на себя фрамугу.

И тут же в зал впорхнул первый голубок, сложенный из дорогой матовой бумаги. Покружился под потолком и спланировал на колени ведуньи.

– Тин Велли ждут в пятой аудитории на примерку платья, – пропел зачарованный посланник.

Следом за первым голубком хлынула волна разноцветных бумажных птичек – голубых, желтых, розовых. Десятки оживленных глаз неотрывно следили за ними: какой летит ко мне? Этот? Или вот тот?

Уходили минуты, разбегались счастливые студенты. Упорхнула и Маль. Бруно ушел проводить ее. Клара отправилась домой. Я соскребла с тарелки остатки десерта и собиралась с силами, чтобы сказать себе самой: «Голубок не прилетит, Пеппи...»

Ди молча подлил мне взвара. Я благодарно улыбнулась, да только вместо улыбки вышла гримаса.

– Нам необязательно ходить на бал, – сказал он. – Сделаем так, как ты захочешь.

Милый Ди...

Поток голубков почти иссяк. Столовая опустела. Пора посмотреть правде в глаза: папа, видно, решил, что толстухе Пеппи платье ни к чему. А может, это милейшая Памела его уговорила? Какая теперь разница.

– Пойдем, – сказала я Ди.

Но не успела подняться из-за стола, как в щель между ставнями прошмыгнул беленький голубок. Нет, не может быть. Я осмотрелась: в зале из девушек осталась одна я.

Голубок очертил круг над моей головой и аккуратно приземлился ко мне на колени.

– Пеппилотту Гриллиан ждут в десятой аудитории на примерку платья, – пропел он и, развернувшись, превратился в записку.

– Ой! – прошептала я.

Папин почерк я узнала сразу: я видела его почти так же часто, как и самого отца, сидящего над документами.

«Дорогая дочь, прости, что не писал так долго. Я несколько раз садился за стол, намереваясь написать длинное, обстоятельное письмо, но так и не сумел. Слишком многое мне хотелось сказать, и лучше сделать это, глядя тебе в глаза. Скоро у нас появится много времени на разговоры. Не думай, что я забыл о тебе. Я знаю, что ты жива, здорова и обзавелась друзьями. Поздравляю тебя с появлением фамильяра. Я никогда не говорил, что фамильяром твоей мамы тоже была лисичка. Она еще несколько часов пробыла рядом со мной и поддерживала меня, после того как я потерял мою драгоценную Амалию... Но сейчас не об этом. Надеюсь, тебе понравится ткань для платья, которую я выбрал. И понравится портниха. Ты заслужила хорошенько отдохнуть и повеселиться».

Я прижала записку к лицу, вдыхая едва уловимый запах можжевельника – аромат папиной магии. А еще лист бумаги удачно скрыл слезы, навернувшиеся на глаза.

– Ди, проводи меня, – попросила я дрогнувшим голосом.

Он не стал выспрашивать, что случилось. Ди очень понимающий, когда нужно. Только сказал:

– Я верил, что голубок прилетит.

– Посмотрим еще, что там за портниха, – отмахнулась я с притворным безразличием. – Чего ждать провинциальной баронессе...

В коридорах академии творилось столпотворение. Мы с Ди еле протолкались к десятой аудитории, в обычное время – кладовке для трав и зелий. В таком маленьком помещении едва ли поместится кто-то кроме меня и портнихи. Воображение нарисовало бабульку с корзиной шерстяных ниток в руках.

– Иди, я подожду, – напутствовал меня Ди.

Я отворила дверь и нос к носу столкнулась с чопорной дамой в шляпке и платье из тонкой шерсти, украшенном по подолу вышивкой. В углу между полок притулился манекен. На сундуке сидела и скучала, подперев щеку ладонью, молоденькая швея-помощница.

– Пеппилотта Гриллиан? – церемонно спросила дама. – Мадам Вереснет, модистка королевского двора, к вашим услугам.

Модистка королевского двора? Понятненько! Папа в своем репертуаре: извинения за то, что не писал все это время, он облек в дорогую упаковку.

– Выбирайте ткань, – предложила мадам Вереснет.

Помощница подскочила и откинула крышку сундука. Внутри лежали несколько отрезов лучшей ткани разных цветов и текстур. По одному отрезу за каждую неделю молчания... Не знаю даже, что я чувствовала. Обиду? Недоумение? На платье уйдет только один отрез, а остальные – деньги, выброшенные на ветер.

Я наклонилась, перебирая ткань. Плотная... Гладкая... С кружевными вставками, легкая и полупрозрачная – как в лучшей швейной лавке в центре столицы. Внизу обнаружился изумрудный атлас, я сама выбрала его летом. Я провела ладонью по прохладной материи. Невероятно красивая и абсолютно не годная для толстухи Пеппи.

– Я доверяю вашему вкусу, – сказала я наконец.

Мадам Вереснет взяла меня за плечи, подняла, развернула к свету и обошла кругом, как художник вокруг незавершенной скульптуры. При этом она страдальчески морщилась, вероятно, подсчитывая, сколько метров ткани уйдет на мою корпулентную тушку.

– Зеленый вам не к лицу, – сказала она. – Будь у вас рыжие волосы, он бы отменно отделил их, а бледной коже придаст мраморную матовость.

Рыжие волосы? Первым делом я, конечно, вздохнула о своих пышных локонах, а потом неожиданно для себя самой вспомнила про Морковину. Сидит дома, поди, грызет гранит науки и вздыхает. А то и слезы льет, пока никто не видит.

– Кто заплатит вам за работу? – прищурилась я.

Королевские модистки явно не за спасибо шьют бальные платья для провинциальных баронесс.

– Богатый благотворитель, который предпочел остаться неизвестным, – степенно произнесла мадам Вереснет. – Он

организовал фонд помощи студенткам, родители которых не в состоянии оплатить им наряд.

О как! Ну, папа, ну, государственный мозг! Ты даже не знаешь, как меня выручил.

– Минутку! – прервала я портниху, выглянула в коридор, отыскала взглядом Ди, погруженного в чтение учебника, и попросила: – Приведи сюда поскорее Клару!

За что люблю этого парня – так это за то, что он никогда не задает пустых вопросов и не тратит время напрасно.

– Хорошо, – только и сказал он.

Зато мадам Вереснет закидала вопросами, а когда узнала, что придется шить два платья вместо одного, сердито поджала губы и попыталась выкрутиться.

– Про вторую девушку разговора не было!

– Вот как? – Я уперла руки в бока и сверкнула глазами. – Вероятно, вы надеялись оставить себе ткань, которая не пригодится на платье, да только, боюсь, благотворитель будет не в восторге, когда узнает о ваших махинациях!

– Ты угрожаешь мне, девчонка?

Помощница испуганно заморгала и попыталась втиснуться между стеной и сундуком, а у меня, наоборот, будто открылось второе дыхание: я на своем веку и не с такими нахалками бодалась. Старая добрая Алисия внутри моего грузного тела расправила плечи и задрала подбородок.

– Угрожаю, да. – В моем голосе сквозило ледяное спокойствие. – Просто поверьте на слово: если вы не выполните мою... скажем вежливо... просьбу, недолго задержитесь в должности королевской модистки.

Мадам открыла рот, готовясь извергнуть отборную ругань, но что-то в моей позе или выражении моего лица ее переубедило. Пока она собиралась с мыслями, в коридоре раздались голоса.

– Иди же!

– Зачем? Никто не станет шить мне платье!

Судя по звукам, сопровождающим диалог, Димитрий открывал дверь, а Клара снова пыталась ее закрыть. Боролись не на шутку. Пришлось вмешаться и втащить упирающуюся Морковь в кладовку.

– Щедрый благотворитель организовал фонд для таких, как мы, – выпалила я. – Выбирай ткань!

– Ч-что?.. – выдохнула та.

– Вообще-то... – подняла палец модистка.

– А вам пока никто права голоса не давал!

Мадам Вереснет ступевалась под моим гневным взглядом.

– В конце концов, если нам понравится ваша работа, отрезы, которые не пошли в дело, заберете себе. И благотворитель, я уверена, заплатит за оба платья, – сообщила я примирительно.

Лучше худой мир, чем булавки, забытые в лифе платья, непрочные швы и кривой подол.

– О-о-о! – восхищенно выдохнула Морковина, вынимая из сундука мой великолепный изумрудный атлас.

Вероятно, меня перекосило, потому как Клара непонимающе заморгала.

– Ты уже выбрала эту ткань?

Я выдавила из себя слово «нет», а следом за ним улыбку. Клара обняла отрез, прижала его к груди, точно лучшего друга.

– Пеппи, как здорово! Да продлит Солнцеликая дни нашего доброго благотворителя.

Я ничего не имела против этого!

Признаюсь, после того как осчастливила Морковку, я не единожды заглянула в зеркало – а ну как еще один прыщ пропал? Разве я не молодец? Разве не поступила великодушно, отдав Кларе ткань, которую выбрала для себя? А могла бы, между прочим, и вовсе не вспомнить про соседку. Но три алых пупыря пламенели на моем лбу и словно хихикали тоненькими мерзкими голосками: «А-ха-ха, Алисия! Глупая Алисия!»

Напрасно я надеялась. В пророчестве не говорилось ни слова о «драгоценности, отданной нуждающемуся». Отличная формулировочка, кстати. Я могла бы пойти в прорицательницы, если бы такая специализация существовала.

– Ты чего в уборную бегаешь? Живот прихватило? – посочувствовала Мальвина, когда я в пятый раз вышла из комнатки уединения. – Сходи к мэтру Форзи, а то спектакль на носу, как бы тебе не разболеться.

До премьеры оставались считанные дни. Большой зал академии уже переоборудовали под выступление: расставили стулья, повесили занавес, отгородив часть зала под сцену. Парни растянули задник, в узком пространстве между холстом и стеной нам предстояло гримироваться и переодеваться в костюмы. Сюда же запихнули весь необходимый реквизит. Любое неосторожное движение могло привести к тому, что холст рухнет на голову артистов.

Мэтрисс Нинон ругалась почему зря и кляла традиции, из-за которых мы вынуждены терпеть неудобства. Но в уставе академии черным по белому написано, что «премьеры театральных студенческих постановок должны проходить в Большом зале», точка.

Наша руководительница, как все творческие личности, ужасно волновалась за свое детище и в последнее время сделалась невыносима. Хорошее настроение сменялось плохим так быстро, что мы не успевали приспособиться и потому предпочитали держаться подальше. У бедного хорька, фамильяра мэтрисс Нинон, шерсть стояла дыбом и глазик дергался.

Мы несколько раз прогнали генеральную репетицию в костюмах. Рой и Меринда смотрелись великолепно, что говорить – настоящие принц и графиня. Эти двое ворковали, как голубки. Как-то я отправилась разыскивать в горе вещей широкополую шляпу и сапоги-ботфорты и застучала их целующимися. Рой и Меринда спрятались в углу нашей тесной примерки за ящиком с реквизитом, и я не сразу заметила влюбленную парочку. Лишь когда из моих рук вырвался сапог, тяжелым каблуком припечатал Меринду и та заверещала, будто болотная нежить. Рой принялся растирать ушибленную ногу своей зазнобы, бросая на меня гневные взгляды.

– О! – невозмутимо сказала я. – Смотрю, вы отлично вжились в роль.

Даже не знаю, как сдержусь, чтобы не опрокинуть дорогую подруженьку на сцене, наступив ей на подол.

Но человеконенавистнические мысли, вернее, мериндоненавистнические, покидали меня, как только я оказывалась рядом с Ди. Он, хотя и не участвовал в премьерке, каждый день приходил на репетицию, чтобы поддержать меня, а во время коротких перерывов повторял со мной целительство. Потому как спектакль спектаклем, а зачет никто не отменял. Всполох же учил меня произносить реплики Кота в сапогах с интонациями изворотливого и умного фамильяра, такого же, как сам пумыч.

– Доверься мне, хозяин, – просила я с хитрой улыбкой. – И графиня станет твоей.

А шепотом добавляла от себя: «Провалилась бы эта графиня куда-нибудь!»

Я искренне и от всей души желала Меринде всяческих неприятностей, но, так и быть, после спектакля. Ди качал головой – не одобрял моего ворчания.

График занятий, репетиций, консультаций сделался такой плотный, что порой не оставалось времени на ужин. Утром приходилось напрячься, чтобы вспомнить, какой день недели на дворе. От напряжения я даже слегка похудела, так что мадам Вереснет во время очередной примерки платья недовольно пыхтела, прихватывая по бокам провисшую талию.

– Если так и дальше дело пойдет, – не выдержала она, – на балу вы вывалитесь из платья. Нельзя вам дальше худеть! Никак нельзя!

Это предостережение меня ужасно рассмешило. Вот уж не думала, что надо опасаться похудения.

Эх, где моя тонкая талия! Где мои изящные ножки с маленькими ступнями! Порой мне начинало казаться, что прежняя жизнь Алисии Уэст была лишь сном...

К счастью, сейчас не хватало времени, чтобы тревожиться об этом.

Честно говоря, я больше переживала о другом. Мальвина и Бруно вовсю обнимаются, ходят, взявшись за руки, и, хотя Маль слишком скромна, чтобы делиться личным, они наверняка целовались. Про Роя и Меринду вообще молчу: липучка Ринда висла на Рое в столовой, на репетициях, на занятиях. Еще немного, и левая рука бедняги вытянется до земли. И это были не единственные парочки. Да что там, почти все парни-первокурсники присмотрели себе девушек, которых пригласят на Зимний бал.

Я пойду с Ди, это решено. Димитрий вел себя безупречно – помогал, заботился, выслушивал и всегда был рядом. Но, проклятие, я никак не могла взять в толк – мы встречаемся или всего лишь друзья? Он никогда не говорил о своих чувствах прямо. И не пытался поцеловать... Последнее особенно досаждало.

Сначала я боялась поцелуев, а теперь злилась, что он решается так долго. Ну что мне, в самом деле, зажать его в углу за сундуком с реквизитом? Я представила, как притисну Ди к стене своим мощным бюстом, и нервно хихикнула.

Неужели он такой несообразительный? Прежде я не замечала за Ди недогадливости.

Возможно, он дает мне время привыкнуть, не хочет давить. Ведь еще недавно я шарахалась от щуплого цыпленка как от огня, помыслить не могла, что нас с ним увидят вдвоем. Позор, скандал и катастрофа. И, наверное, если бы Ди был более напорист, я бы снова испугалась и оттолкнула его. Отличная тактика, Ди: быть поблизости, но не вместе, оставаться рядом, но держать на расстоянии! Ставлю тебе «превосходно». У меня каждый раз замирает сердце, когда ты просто садишься на соседний стул. Волоски на руках становятся дыбом. А у тебя такое бесстрастное лицо и такой спокойный голос, что я начинаю сомневаться – не ошиблась ли я в твоих чувствах.

О Солнцеликая, почему так сложно жить эту жизнь?!

Я твердо решила, что в день Зимнего бала выясню отношения с Ди. Сколько можно мучиться неизвестностью?

Однажды вечером рядом с расписанием появилась афиша, приглашающая студентов и преподавателей на отчетный спектакль театральной студии.

Меня будто током ударило – премьера завтра!

Для участников театральной студии отменили учебу. С самого утра мы занимались последними приготовлениями, а мэтрисс Нинон бегала по залу с полубезумным взглядом. До чего впечатлительные эти люди искусства! Она бралась то за одно дело, то за другое и в конце концов увлеклась изготовлением иллюзий. Стены зала превратились в древние кирпичные стены замка, увитые плющом. Перед сценой мирно паслись полупрозрачные овечки, которые вежливо и ненавязчиво мекали через определенные промежутки времени. Два королевских глашатая со свитками в руках бродили по коридору, зазывая всех на вечернее представление. Они выглядели совсем как настоящие, живые люди, так что декан ведунов, случайно проходивший мимо и не признавший чужаков, строго спросил, кто они и откуда. Глашатаи дружно зачитали приглашение. Мэтр Авис был сильно раздосадован тем, что не сумел распознать магию чаровников, и ушел, бормоча: «Глупые выходки! Нужно запретить такие достоверные иллюзии». Мы еле дождались, пока он скроется за углом, и чуть не попадали на пол от смеха.

После обеда Меринда сразу переделалась в платье графини и уселась на стуле, сложив руки.

– Эй, хватит прохлаждаться! – не выдержала я.

Стулья, которые извлекли из подвала специально для представления, пропитались пылью. Мы, чаровники, выбивались из сил, очищая их магией. Пусть и ведуны сделают что-нибудь полезное.

Меринда смерила меня высокомерным взглядом:

– Бытовая магия и грязная работа – для таких, как ты, толстуха!

Конечно, поблизости не было Роя, при нем Ринда поостереглась бы показывать свое истинное лицо. Даже сейчас она мило улыбалась, так что со стороны казалось, будто мы мирно беседуем.

У меня аж дух захватило от такой наглости! Мерзавка уверена, что ей сойдут с рук любые выходки.

– Ах, грязная работа? – нежно улыбнулась я, незаметно положив ладонь на сиденье особенно замызганного стула.

Меринда не видела, что с помощью магии я собираю пыль в прелестный серый комочек. Она состроила благостную мину и негромко ответила:

– Специально для таких хрюш.

Я шагнула к Ринде так стремительно, что она не успела увернуться или отскочить. С каким же наслаждением я раскрошила ком над ее головой, посыпая белокурые локоны пылью! Меринда завизжала и с топотом бросилась прочь из зала. Ей вслед несся мой мстительный хохот.

Уф, как же мне полегчало!

– Что здесь происходит? – холодно спросила мэтрисс Нинон, в мгновение ока вырастая рядом со мной.

Все оставили дела и вытаращились на меня. Смотрел Ди, нахмурив брови. Удивленно моргала Клара. Они не знали, что произошло. В их глазах я повела себя как ненормальная: ни с того ни с сего осыпала Меринду грязью, хотя та ничего плохого мне не сделала, просто сидела и улыбалась.

– Я...

Да какой смысл закладывать Меринду? Отомстила – и ладно, сами разобрались.

– Это была шутка! – сказала я.

– Ты хоть понимаешь, что спектакль через три часа, а ей теперь надо мыть голову и заново делать прическу?

Я пожала плечами: мол, понимаю. Мэтрисс Нинон с шумом выдохнула через ноздри, развернулась на каблуках и удалилась.

Вот оно мне надо? Сейчас тоже уйду и вовсе не стану участвовать в спектакле! И ушла, хлопнув напоследок дверью зала. Поднялась этажом выше, спряталась в пустой аудитории, чтобы ни Ди, ни Клара меня не нашли, и долго ходила туда-сюда по проходу между столами.

Когда обида немного улеглась, я все же вернулась. Меринда – идиотка, но не подводить же из-за одной паршивки всех остальных. Они готовились, старались. Да и мэтрисс Нинон не так плоха...

Руководительница накинулась на меня, как разъяренная фурия:

– А ты почему еще не в костюме? Быстро переодеваться!

Пф, да я только рада удалиться от любопытных взглядов в гримерку за холстом. Кроме меня здесь была пока только Лора, которая пыталась пришить к волосам чепец нянюшки, но от волнения у нее

дрожали руки. Я помогла ей разобраться с непослушным головным убором и извлекла на свет костюм кота: кафтан, шаровары, сапоги. Однако переодеваться не стала, села на сундук и задумалась. Мерзкая Меринда все-таки вывела меня из душевного равновесия. Да как она смеет считать себя выше меня? По какому праву? Лишь потому, что красива? Богата? И благодаря магии займет более высокое положение в обществе? Как я могла считать эту лицемерку своей подругой! Она увивалась вокруг меня, пела такие соловьиные песни, клялась в вечной дружбе...

Стоп. Она не Пеппи клялась, а Алисии. И разве я сама ей не говорила: «Любезно обращай лишь с равными, а все эти задрипанные мелкие аристократики-чаровники не стоят нашего внимания!»

Какое неприятное открытие. Словно Алисия Уэст из прошлого смотрит на меня и хохочет во все горло. Это еще надо умудриться самой себе подложить такую свинью!

Я все еще сидела на сундуке, когда в гримерку набились девчонки, исполняющие роли селянок и служанок. В тесном пространстве стало не продохнуть.

– Скорее, Пеппи, переодевайся! Нужно уступить место парням, – торопили меня.

Я взялась за шаровары, но тут же едва не выронила их от неожиданности: по ту сторону холста раздался пронзительный вопль мэтрисс Нинон:

– Что значит, ты не знаешь, где она? До начала остается час!

– Не знаю, – запинаясь, бормотала Лора. – Я ее искала в доме, Зезя говорит, что Меринда не возвращалась.

– О Солнцеликая! – запричитала мэтрисс Нинон. – Да что же это!.. Мой спектакль! Клара, Клара! Клара, быстро переодевайся, будешь играть графиню.

Заинтригованная происходящим, я выглянула из-за холста. Аккуратная прическа мэтрисс Нинон превратилась в некое подобие птичьего гнезда, а все потому, что она ерошила ее пальцами и дергала пряди. Хорек делал вид, что он в глубоком обмороке. Лора и Клара стояли рядом с руководительницей, опустив голову, будто это они в чем-то провинились.

– Ну как можно!.. – задыхаясь, продолжала мэтрисс Нинон. – Безответственная девчонка! Мой чудесный спектакль! А деканы! Что они подумают? Рой, немедленно сюда! Ты почему еще не в костюме?

Рой нехотя приблизился. Он то и дело взволнованно косился на дверь.

– Меринда ни за что не пропустила бы спектакль. Что-то случилось. Я не буду участвовать, пойду ее искать.

– Что? – Руководительница схватилась за сердце. – Да как же так?..

– Пусть вместо меня играет Ди, – решительно отрезал Рой. – Он отлично справится. Я пойду искать Меринду.

Мэтрисс Нинон театрально застонала и замахала рукой, подзывая Ди. Он, впрочем, уже и сам направлялся к нам. Его лицо было серьезным донельзя, и смотрел он почему-то на меня.

– Не стоит ли перенести спектакль и отыскать девушку?

Он снова поглядел на меня без тени улыбки. Ты чего, Ди?

– Ты меня без ножа режешь, Димитрий! – воскликнула наша экзальтированная руководительница. – Ну сам посуди – что с ней случится? Я такое уже наблюдала не раз. Перенервничала, испугалась и сбежала. Быстро, быстро, переодевайся! Девочки, все на выход! Мальчики, все на вход!

Служанки и селянки будто горох высыпали из-за задника. Хорошо хоть я не успела напялить на себя этот клоунский наряд – с ролью кота отлично справится Всполох. Я встала рядом с Кларой.

– Ну, Меринда, конечно, дает, – пробормотала я. – Так всех подвести.

– Думаешь, с ней ничего не случилось? – прошептала Клара. – Это так странно... Не похоже на нее.

Я развела руками. Что я могла ответить?

Ди появился через несколько минут в черном камзоле, отороченном серебряной тесьмой. Костюм подчеркивал его хоть и невысокую, но стройную и статную фигуру. Димитрий казался настоящим принцем, и мое сердце снова забилось быстрее.

– Ты выглядишь потрясающе, – искренне сказала я.

Он снова не улыбнулся.

– Пеппи, ты...

Но мэтрисс Нинон его перебила, схватив нас с Кларой за руки и запихнув в примерку.

– Клара, пять минут! Пеппи, помоги ей!

Из-за закрытых дверей зала доносился приглушенный гул голосов: гости начали собираться на представление. Глашатаи не пустят их раньше времени, но ровно в шесть часов вечера двери распахнутся. А пока артисты как заполошные метались по залу, гоня овец и пугая фамильяров. Лиска предпочла не появляться на этом светопредставлении. Гуляет где-то, моя рыжая красотка. И правильно делает.

Никогда больше в здоровом уме и твердой памяти не буду актрисой!

Я огляделась в поисках платья, и тут меня озарило:

– Клара, да ведь Меринда ушла в костюме графини. Во что мы тебя переоденем?

Мы бросились к сундукам и начали судорожно вытаскивать одежду: чепцы, фартуки, холщовые деревенские платья, грубые башмаки.

– Идем к мэтрисс Нинон?

Но Кларе, похоже, не улыбалось снова выслушивать вопли и причитания.

– погоди, посмотрим все вещи, вдруг что-то да найдется.

И действительно, на самом дне отыскалось вполне приличное платье и пелерина к нему. Платье подходило на любой размер и любую фигуру, потому что на спине его можно было стянуть завязками.

– Одевайся поскорее, до выхода несколько минут.

Но Клара задумчиво молчала и не прикасалась к платью.

– Ты ведь помнишь все слова графини? – неожиданно спросила она.

– Да... А что?

Морковка кивнула сама себе, точно приняла решение.

– Роль графини Вероники нужно сыграть тебе.

– Что? – Мои глаза едва не вылезли из орбит от удивления.

Клара любит театр, мечтала об этой роли, с чего бы ей отказываться?

– Слушай, платье не так плохо! – Мне показалось, я поняла, в чем причина. – И пелеринка кружевная. Ты будешь отлично выглядеть.

– И ты будешь отлично выглядеть, Пепши.

Клара посмотрела мне прямо в глаза, схватила платье и сунула его мне в руки.

– Я ведь вижу, как вы с Ди смотрите друг на друга. Ходите вокруг да около, как два кота вокруг миски со сметаной, но почему-то никак не объяснитесь. Мне думается, роль влюбленных – отличный повод поговорить по душам!

– Как? – растерянно пролепетала я. – На сцене?

– Найдете способ! – Клара взяла быка за рога и отступать не собиралась. – В конце концов, за влюбленных лучше всего говорят взгляды. Давай-ка оденем тебя!

– Я не влезу...

У меня от волнения вспотели ладони. А волосы-то! Волосы в полном беспорядке! Но Клара на удивление споро управилась и с костюмом, и с прической. И все же мне чудилось, что в этом платье с оборочками я еще больше походила на поросенка. Рукава врезались в плечи, хорошо, что они прикрыты пелериной.

– Клара! – ворвалась в гримерку мэтрисс Нинон и застыла будто громом пораженная, глядя на новоиспеченную графиню Веронику в рюшах.

– Простите, мэтрисс Нинон, я не могу сегодня играть! Представляете, какая неприятность: ударилась ногой о ящик с реквизитом. Здесь так тесно! И я теперь хромаю.

Клара, как истинная актриса, сделала несколько неуверенных шажков, ойкая и шипя сквозь зубы. Вот кому бы следовало работать в театре!

Мэтрисс Нинон побледнела, вытащила из кошелька на поясе флакон с нюхательными солями и поднесла к носу.

– Я всегда говорила, что здесь невыносимые условия! Бедная моя девочка! После премьеры я отведу тебя к мэтру Форзи. – Она строго посмотрела на меня: – Вся надежда на тебя, Пеппи! Не подведи! Да, совсем забыла, зачем я пришла! Мне нужны ваши фамильяры. Призовите их поскорее.

– Зачем? – спросили мы в один голос.

– Димитрий высказал отличное предложение: пока идет спектакль, фамильяры поищут Меринду. Она не могла далеко спрятаться. И надеюсь, что ей хватило ума не выходить за территорию академии!

Клара соединила ладони, и у ее ног сел, поводя носом, хорошенький Клорик. Морковке не пришлось вслух озвучивать просьбу, ведь фамильяр был частью ее души и все понял без слов.

– Моя Лиска гуляет, но я ее попрошу.

Наша мысленная связь с лисичкой была пока не очень четкой, но я верила, что она меня услышит: «Лисонька, поищи Меринду!»

За тонкой холщовой перегородкой раздался гул голосов, смех, шорох шагов: гости рассаживались по местам. Графиня Вероника появится только во втором действии, и то ненадолго: я проеду в карете, запряженной тройкой лошадей. Карета, как и лошади, будут иллюзиями, но осязаемыми и почти материальными. Они развеются через пару минут, однако этого времени хватит, чтобы я проехала по сцене, поглядывая в окошко.

– Клара, присядь, тебе тяжело с больной ногой. Пеппи – за мной!

Мы отправились в противоположный конец гримерки, выбрались из-за холста, попав в крошечный закуток, где мне предстояло ждать своего выхода. Мэтрисс Нинон подала мне лесной орешек – весьма обычный на первый взгляд, но я и прежде видела подобные: это не настоящий орех, а свернутая иллюзия. Стоит бросить такой орешек на пол, и он превратится во что угодно – прекрасное платье, порхающую фею или вот даже в карету с лошадьми.

– Не пропусти свой выход! – напутствовала меня мэтрисс Нинон. – Как только Ди скажет: «Я больше никогда ее не увижу», а Всполох ответит: «Хозяин, жизнь часто бывает непредсказуема!»

– Я знаю, знаю! – остановила я неугомонную руководительницу, которая, дай ей только волю, пересказала бы мне все второе действие наизусть.

Она строго зыркнула и наконец ушла.

Через несколько мгновений зал наполнился громом аплодисментов, но вот рукоплескания стихли, и мэтрисс Нинон хорошо поставленным голосом поблагодарила всех присутствующих за то, что они посетили отчетный спектакль театральной студии. Она поблагодарила отдельно мэтра Ависа и мэтрисс Звонк – у меня аж скулы свело, как представила милейшую Па-амелу с ее двуличной, добренькой улыбочкой. Пока я боролась с оскоминой, мэтрисс Нинон перечисляла поименно всех студентов – участников студии. Вот грянул второй залп аплодисментов, зазвучала музыка, и спектакль начался.

У меня так тряслись ноги и руки, что я боялась выронить орешек раньше времени, поэтому я изо всех сил сжала его в кулаке. Я слышала только голос Ди, но я так часто наблюдала Димитрия в роли Эдуарда, что голоса мне было вполне достаточно, чтобы во всей красе представлять благородного принца в изгнании. Я так залюбовалась им

в своем воображении, что чуть не пропустила реплику Всполоха: «Хозяин, жизнь часто бывает непредсказуема!»

– Ой... – прошептала я, поскорее бросая к ногам орешек.

Тот взорвался белым дымом и тут же обратился в тройку белых лошадей, золотую карету и кучера в алой ливрее, сидящего на козлах. Я вскочила на подножку так резво, будто была изящной феей, – откуда только силы взялись!

Миг! И карета вынесла меня на сцену. Зрители закричали от восторга. Их лица в затемненном зале виделись мне сплошными светлыми пятнами. Я искала взглядом одно-единственное дорогое мне лицо.

Мы с Димитрием увидели друг друга одновременно. Он и по роли должен был изобразить удивление, но сейчас ему даже стараться не пришлось. Глаза Ди распахнулись, он провел по ним ладонью, стряхивая морок.

– Пеппи?... – беззвучно произнесли губы.

Похоже, не один он был потрясен сменой графини Вероники: с другой стороны сцены застыли ошарашенные артисты.

Вот и все – явление графини состоялось, назад хода нет.

Я оказалась с другой стороны кулис вместе с остальными студийцами, которые тут же обступили меня.

– Пеппи, почему ты играешь Веронику? Где Клара? – наперебой спрашивали они.

Я решила обойтись полуправдой. Не объяснять же, в самом деле, почему Морковка уступила мне место.

– Она растянула ногу. – Стоп, Клара другое наплела мэтрисс Нинон. – Она ударилась о ящик!

По-моему, мне не поверили: переглянулись, сказали: «Угу-угу, ладно». Еще бы, я подозрительно путалась в показаниях. Да и ладно, спектакль закончится – и правда выйдет наружу. Сейчас мне нужно думать о роли и о Димитрии. Пускай все решили, будто я все специально подстроила.

Спектакль между тем шел своим чередом. Следующая сцена, где я должна появиться, – сцена бала. Принц Эдуард благодаря фамильяру попадает на торжество в честь помолвки графини Вероники и предателя-дяди, коварством занявшего трон. Принц под личиной другого человека, он не может показаться в своем истинном облике: подлый родственничек узнает его, а это смертельно опасно. Во время единственного танца со своей любимой Эдуард намекает, что спасение близко и что она не должна забывать того, кого на самом деле любит всем сердцем.

Я так волновалась, что за происходящим на сцене наблюдала точно из-под воды: в глазах все расплывалось, а звуки голосов превратились в неразличимый рокот. Только Ди я видела ясно и четко – только он сейчас был мне нужен и важен. Я так хорошо вызубрила его роль, что по одному движению губ догадывалась, какую реплику он произносит.

Димитрий играл замечательно, и все-таки не так хорошо, как на репетициях. Переживал? Нервничал? Казалось, будто он все время задумывается о чем-то, кроме роли. Ну же, Ди! Я помахала ему из-за кулис и подняла вверх кулак: «Держись!» Он нахмурил брови. Видно, не понял моего жеста.

Вот в зале на мгновение погас свет, а когда включился, по сцене кружили в вальсе иллюзии в платьях и костюмах, играла нежная музыка: бал начался. Мой выход.

Я прижала ладонь к груди, умиряя колотящееся сердце, распрямила плечи и сделала шаг вперед. Не важно, как я выгляжу на самом деле. Я Алисия. Я прекрасная графиня Уэст. Поворот головы, осанка, взгляд – моя истинная натура справлялась с ролью лучше меня.

На лице Ди была маска, он попал на бал инкогнито. В прорезях я видела только его красивые глаза. Музыка заиграла громче, взвилась под потолок, а потом зазвучала тихо и нежно, чтобы не помешать разговору.

Димитрий поклонился мне, приглашая на танец, и я, кивнув, вложила пальцы в его протянутую ладонь. Его рука была горячей и сухой. Взгляд был темен. Совсем не то, что я ожидала увидеть. Мне сделалось не по себе – тревожно и муторно, желудок стянулся в узел. Что-то не так. Что?

– Ди? – пискнула я, да только слишком тихо: он не ответил и никак не отреагировал.

Димитрий повел меня в танце, глядя куда-то поверх моей головы. Он отчетливо произносил свои реплики, но ни в одной из них не было настоящего чувства.

– Дорогая графиня, человек, которого вы хорошо знаете, просит вам передать, чтобы вы не предавались отчаянию и не совершали опрометчивых поступков. Он все время рядом с вами, хотя вы об этом и не догадываетесь. Он не даст вас в обиду и не позволит совершиться злу.

– Я догадываюсь, – лепечу я, как и положено по роли.

А сама тщетно пытаюсь поймать взгляд Ди. Обычно мягкий, теплый, согревающий, а теперь отстраненный и холодный.

– Нет, не догадываетесь! – произносит Димитрий с неожиданной горечью.

Этой реплики не было в сценарии. Я вскидываю взгляд, не понимая, что ответить. Спотыкаюсь. Он придерживает меня, не давая упасть, однако в движении нет прежней заботы. Я совсем растеряна и не знаю, что думать.

Ди, кажется, и сам выбит из колеи. Он возвращается к заученной роли, но произносит ее запинаясь, путается в простых словах, которые

давно выучил назубок.

– Знаю... вам непросто пришлось в последние месяцы... Но даже после самой темной ночи обязательно наступит рассвет...

«Я верю, – должен сказать Ди. – Я верю, что такая сильная, замечательная девушка не позволит своему сердцу очерстветь и озлобиться».

Но слова «Я верю» Ди не даются, он запинается на них и вовсе не произносит фразу.

Хорошо, что в ответ я должна лишь склонить голову, давая зрителям понять, что обо всем догадалась. Ди уводит меня в танце к задней части сцены, на переднем плане кружатся иллюзорные пары.

– Ди, – шепчу я, зная, что теперь нас никто не услышит.

Я уже не считаю, что идея Клары с объяснением была хорошей.

Глаза Дмитрия строго смотрят на меня сквозь прорези маски.

– Что ты сделала с Мериндой?

– Что?

Вопрос настолько неожиданный, что буквально бьет под дых. Зато тотчас же объясняется загадка с нахмуренными бровями и напряженными взглядами. Дмитрий думает, что я что-то сотворила с Риндой. И почему бы ему так не думать? Ведь он знает, что я иду к цели напролом. Он помогал мне привести Роя в чувство после того, как я опоила его зельем. Если бы не Ди, та история могла бы завершиться очень нехорошо.

У меня и алиби нет: Меринда выбежала из зала, я следом. Никто не знает, что я пряталась в аудитории.

Я молчу. Я дышу. В сердце будто засела острая игла. «Я не виновата, Ди! – хочется крикнуть мне. – На этот раз – нет!» Но момент упущен. Мы расходимся в разные стороны, а потом, когда снова сближаемся в танце, Ди задает следующий вопрос:

– Где Клара?

О Солнцеликая, Ди! Что ты хочешь от меня услышать? Она поменялась со мной местами, чтобы мы наконец-то смогли поговорить по душам? Но ты больше занят допросом, чем нашими отношениями.

– Она подвернула ногу! – зло шепчу я.

Я готова расплакаться, но злость – отличная замена слезам.

Ди не отвечает, лишь смотрит. Смотрит. И этот взгляд прожигает меня насквозь.

Музыка стихает. Вальс закончен. Бал продолжается, но графиня Вероника покидает зал. Она полна надежд, хотя изо всех сил скрывает радость. Хорошо, что мне не нужно улыбаться во весь рот: я бы сейчас не справилась.

Спектакль идет своим чередом. Артисты выходят на сцену, возвращаются за кулисы. Я краем уха слышу их взбудораженные, радостные голоса. В тесном пространстве меня невольно толкают, но я окаменела и не двигаюсь с места.

В следующей сцене с моим участием я играю с эмоциями механической куклы – растягиваю губы в улыбке, бубню зазубренный текст. У меня не хватает сил, чтобы посмотреть Ди в глаза.

Он меня подозревает... Это так горько. Но кто виноват в его недоверии, кроме меня самой? Сколько раз я все сама портила и рушила, а он всегда протягивал руку помощи.

Вышел против Теренса как настоящий мужчина, чтобы отстоять мою честь. Честь никому не нужной толстухи. Выручил, когда я опоила Роя, и никогда об этом не напоминал. Спас из заброшенной лаборатории, когда заклятая подруженька отыгралась на мне по полной за свой позор. Всегда был рядом. Но всякому терпению наступает предел. Как я могу упрекать Ди, если сама несколько раз говорила о мести Меринде?

Он думает, я снова принялась за старое: избавилась от Ринды, а потом и от Клары, чтобы заполучить желанную роль.

В горле встал комок – не продохнуть. Нет, Ди, нет. Нельзя, чтобы все закончилось вот так!

Нужно дождаться окончания спектакля и позвать Клару в свидетельницы – пусть признается, что это ее идея. Вот только Меринда не станет меня защищать. Что, если она специально подстроила свое исчезновение, чтобы насолить мне? Хотя не верится: слишком сложный план для крохотных мозгов зачатой подруженьки. Но куда же она запропастилась?

Занавес закрылся, отрезая авансцену, на которой Ди и Всполох обсуждали план проникновения во дворец. В это время сцена превращалась в покои короля: парни притащили камин, сделанный из папье-маше, потертую софу и нарисованные на тонкой фанере книжные шкафы. Мэтрисс Нинон быстро прошла по сцене, творя магию. В камине разгорелся огонь, который выглядел почти как настоящий, но не обжигал. Нарисованные шкафы обрели объем, а потертая софа покрылась свежим лаком. На полу у камина распростерлась шкура медведя. Рас, играющий дядю-предателя, нервно поправлял корону, сползающую ему на нос.

До финала оставалось совсем немного. Принц Эдуард схвачен, объявлен самозванцем и заключен под стражу. Утром его ждет показательная казнь на глазах подданных и любимой девушки. Кажется, что надежды нет. Но верный фамилляр проникнет во дворец и обманет чересчур самоуверенного дядюшку, который привык полагаться на магию. Кот в сапогах возьмет его на слабо. Мой любимый момент в спектакле...

– Меня уверяли, – медленно протянул Всполох, наворачивая круги вокруг Раса, который опасливо и вовсе не по-королевски пятился от пумыча, – что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, вы будто бы можете превратиться во льва или слона...

– Могу, – неуверенно ответил Рас.

Он играл плохо, но где найдешь столько хороших актеров?

– И чтобы доказать это, сейчас же сделаюсь львом! Смотри!

Мэтрисс Нинон, стоящая рядом со мной, взмахнула рукой, и Раса укутало белое марево, а рядом с ним на полу появился грозный лев. Он

разинул пасть в рыке, но зрители в зале рассмеялись, потому что Всполох зевнул со скучающим видом.

– Ну, это несложно, – неторопливо произнес пумыч. – А вот стать крошечной мышкой или птичкой – куда сложнее. Скажу по правде, я считаю это совершенно невозможным.

– А-ха-ха! – рассмеялся Рас, скрытый дымкой. – Любуйся!

Еще один взмах руки мэтрисс Нинон, и лев обернулся облезлым мышонком, весьма неприятным на вид. Всполох поймал его лапой за хвост, поднял повыше, давая всем возможность полюбоваться. На морде пумыча застыла гримаса отвращения.

– Ты ужасный правитель и гадкий человек, – сказал он извивающемуся королю, потерявшему всяческое достоинство.

Мышонок исчез в клыкастой пасти.

– М-да, и на вкус тоже мерзкий.

Зал взорвался воплями восторга. Еще немножко, еще чуть-чуть: осталась лишь финальная сцена.

Из бокового «кармана» появился принц Эдуард. На его запястьях болтались разорванные цепи, по виску струилась нарисованная кровь, а лицо покрывал слой белой пудры. Я знала, что Димитрию не угрожала настоящая опасность, однако сердце зашлось от страха за него.

– Иди! – прошипела мне в ухо руководительница. – Пора! Твой выход!

Когда я показалась из-за кулис, зрители громко зааплодировали. Неужели им понравилось, как я играю? Не может быть, кому может полюбиться толстуха Пеппи. Пеппи – картофельный нос...

В первом ряду я заметила мэтрисс Звонк, которая без улыбки наблюдала за мной. Декан будто сама сошла со страниц детской сказки, и там она играла роль отнюдь не мягкосердечной феи, выполняющей желания бедной сиротки. Вовсе не румяная заботливая тетушка, а суровая магисса с худощавым лицом и острым носом. Добра от нее не жди... Кассандра, обвившая ее руку до локтя, приподняла голову и следила за мной блестящими глазками.

У меня мороз пробежал между лопаток. Я ступала точно во сне, шаг за шагом приближаясь к Ди.

Вот мы оба стоим в центре сцены, взявшись за руки. Так положено по сценарию. Я не могу отвести взгляд от Димитрия. С этой

дурацкой нарисованной кровью, с аристократической бледностью и измученным взглядом он мне еще ближе и милей. Отлично играет. Будто действительно только что пережил мучительную пытку...

Селянки, служанки, няня и даже сам вероломный король, вернувшийся из небытия, обнимают друг друга за плечи, заключив нас в полукруг. Они хором поют песню о торжестве любви. Музыка пронзает, заставляя дрожать. Встают и зрители в зале, покачиваясь в такт знакомым словам: песня известна многим.

*Наверное, это чудо.
А может быть, волшебство.
Я до сих пор не верю,
Что это произошло.*

*Какие нити вселенной
В единый сплелись клубок,
Свивая одну дорогу
Из тысяч других дорог?*

*Ты только шагнул навстречу,
А я посмотрела: «Ах!
Драконы летят... Драконы...
Драконы в его глазах...»*

*Но мне ошибиться страшно,
Хотя я уже тону.
Шепчу: «А ты видел башни,
Растаявшие к утру?»*

*Скажи мне, а ты бы выпил
Из вереска сладкий мед?
А может, еще ты слышал,
Как ветер во тьме поет?»*

*И падают, падают звезды
Снежинками на рукава.
Молчишь ты на все вопросы,*

Но знаю, что я права...

Над головой распахивается звездное небо, огромное и бесконечное. Сыплет серебристую крупу, оседающую блестками на головах и на одежде зрителей, она сверкает на черных волосах Ди.

И его глаза, будто это небо, – бездонные. Я не могу налюбоваться.

Как я прежде могла считать его некрасивым? Жалким? Он лучший парень, какого я только встречала в жизни. Лучший. Любимый...

Я делаю полшага вперед. Встаю совсем рядом с ним. Глаза в глаза. Зажмуриваюсь. Все, что происходит дальше, – как в тумане. Я безошибочно нахожу губами его губы.

Я вовсе не думаю о том, что нас все видят и что мы, должно быть, смотримся потешно – цыпленок и поросенок. Нет, мы сейчас другие – принц Эдуард и его возлюбленная, графиня Вероника. Да только чувства – не игра, они настоящие.

Губы Ди теплые, мягкие. Меня захлестывает невероятное чувство покоя, нежности. Я всем сердцем ощущаю, что все правильно. Все так и должно быть. Мой первый поцелуй должен принадлежать этому человеку, потому что я люблю его всей душой!

У меня внутри все дрожит, дыхание перехватывает. От волнения я даже не понимаю: ответил ли Ди на мой поцелуй?

В воздухе разливается запах розмарина. Такой знакомый аромат. Откуда я его... Ах! Это ведь запах магии мэтрисс Звонк? Неужели?

По рукам бегут мурашки, точно пузырьки в лимонаде. В зале вдруг становится тихо-тихо... Все молчат.

Я открываю глаза.

Первое, что осознаю: руки, которыми я обняла Ди за шею, когда целовала, почему-то тянутся вверх, будто Димитрий стал выше ростом.

Я вскидываю взгляд. Вздрагиваю и отшатываюсь назад.

– Д... – шепчу я. – Д-Доминик?

На меня огромными синими глазами смотрит Ник. Он, кажется, ошарашен не меньше меня. Ник? Почему? Как? Что он здесь делает? Где Ди?

Я зажимаю рот ладонью. Отступаю. Оглядываюсь. Все, застыв, смотрят на меня.

– Пеппи? – шепчет Лора.

Пеппи? Я ощупываю свою талию, хватаюсь за лицо. Толстый живот и щеки никуда не делись. Я Пеппи. Свинка Пеппи.

Убогая и некрасивая неудачница рядом с высоким, широкоплечим и просто великолепным Домиником.

Костюм принца Эдуарда сделался ему мал и тесен. Камзол натянулся на груди. Брюки до середины щиколотки.

Голова идет кругом. Но это правда. Правда. Доминик все это время был рядом, притворяясь Ди. Зачем ему это нужно? Что за глупый, ужасный розыгрыш?

Я кусаю губы, чтобы не разреветься, однако слезы все равно закипают на глазах. В груди печет невыносимо.

Я расколдовала его своим искренним поцелуем. Моя любовь вернула ему истинный облик. Сама же... осталась Пеппилоттой. А это значит...

Я развернулась и бросилась бежать. Только бы не упасть. Вот смеху будет. Неуклюжая толстуха грохнется всем своим грузным телом!

– Стой! Подожди!

Ди... Тьфу! Доминик.

– Не смей меня преследовать! – заорала я, не оборачиваясь.

Видеть его сейчас невыносимо.

Что он может мне сказать?

Ненавижу тебя, Доминик! Ненавижу!

Мне хотелось только одного – спрятаться так, чтобы никто меня не нашел. Растерянные зрители не поняли, что произошло, и не пытались меня задержать. Вставали с мест, толпились, мешая друг другу, вытягивали шеи, глядя вслед. Пока они в замешательстве, я успею убежать.

Я вылетела на лестничную клетку. Куда дальше – вниз, вверх? В холодном парке я долго не просижу. Поколебавшись, я бросилась вверх по ступеням: спрячусь в пустой аудитории.

Только бы он меня не нашел.

Впрочем, я слишком самонадеянна: станет ли искать вообще? Теперь стало яснее ясного: Ди... Доминик... меня не любит. Потому и целовать не хотел. Но зачем обманывал? И знает ли он, кто я такая на самом деле? Как все запуталось!

Я поднялась еще на один этаж – выше только чердак, но он заперт. Поспешила по коридору, толкая двери. Всюду на столах были разложены ткани и швейные принадлежности, кое-где на манекенах были надеты почти готовые платья. В полумраке, разбавленном лишь светом уличных фонарей, безголовые фигуры казались призраками.

Отдаленный гул голосов заставил меня действовать быстрее. Я нырнула в ближайшую аудиторию, села на пол между дальней партой и стеной, подтянула ноги к груди, дыша со всхлипами, не в силах успокоить дрожащее сердце.

– Пеппилотта! – Сразу несколько людей звали меня: – Пеппи, ты где?

Мне почудились среди них голоса Клары и Маль. Дверь в аудиторию приоткрылась. Я затаила дыхание, спрятав лицо в ладони: не хотела видеть, кто там стоит на пороге. Потому что знала, что там точно не Ди...

Сумрак и застывшие, будто фантомы, манекены сыграли мне на руку. Если некто, заглянувший в кабинет, и увидел край моего платья, он мог принять его за упавший лоскут. Через некоторое время дверь прикрыли. К счастью, кто-то оказался достаточно ленив, чтобы не обшарить класс, заглядывая под парты.

– Здесь никого.

– Никого? – В девичьем голосе сквозили растерянность и волнение. – Где же она? О, Клара, как же мы ее не остановили!

– Ничего, найдем! Она не могла далеко уйти.

Подруги торопливо удалялись по коридору. Я до последнего против воли прислушивалась – нет ли поблизости Ди. Такая идиотка, каких еще поискать!

Злость искала выход. Я подняла клочок ткани, случайно упавший на пол, и долго рвала его, нитка за ниткой. Легче не стало. На столах лежали листы писчей бумаги и стояли заправленные чернильницы, готовые к последним в этом году занятиям.

Я схватила перо и в сердцах вывела несколько корявых строк, роняя кляксы и цепляя бумагу до дыр острием.

«Ненавижу. Ненавижу! Ненавижу тебя! Ты сломал мою жизнь! Дважды!»

Слезы стекали по пухлым щекам. Будто и без того мало клякс!

Мерзавец! Предатель. Подлый, подлый... Как он ловко притворился все это время! Актеришка! Балаганный шут!

Корчил из себя защитничка! Обманом втерся в доверие. Чтобы потом снова разбить мое сердце! И даже мягкие бархатные карие глаза – вовсе не его! Доминик синеглазый!

Гад!

Все это время он водил меня за нос. Я никак не могла взять в толк, для чего это ему нужно. Какой нелепый, странный, затянувшийся розыгрыш.

«Ненавижу! Ненавижу!»

Пальцы упрямо выводили это слово. Я смяла лист, залитый чернилами и слезами, бросила под стол.

Появись сейчас Ник на пороге, я расцарапала бы ему физиономию. Вцепилась бы в волосы. Толкнула бы в грудь так, что он вылетел бы за дверь.

Я взяла новый лист. «Нена...» Не смогла дописать. В удивлении уставилась на свои трясущиеся пальцы.

Ди...

Выходит один на один против Теренса. Он кажется таким хрупким рядом с этим громилой.

Ди. И наше тайное место у реки. Мы, прижавшись боками, сидим на камне.

Ди и теплый плащ, накинутый поверх моего. Хрупкий ломкий стебелек травы у него во рту. Холодно, но этот упрямец наверняка не сдвинется с места. Мой замерзший нос утыкается в его шею.

Ди и наши переплетенные пальцы. Мы лежим, раскинув руки и ноги, на осеннем пестром ковре, сотканном из листьев. Точно малые дети. «Просто будь собой, Пеппи...»

Ты знал, кто я?

Твои истории были обо мне?

Как же ты мог так поступить со мной, Ник?

Я рву лист в клочки, подбрасываю вверх и долго смотрю, как они, кружась, падают на пол.

Снова беру перо и роняю. Перышко вдруг кажется мне тяжелее камня. Но его вес не изменился – мне тяжело от того, что я собираюсь написать.

«Димитрий...»

Зачеркиваю.

«Доминик».

Я закрываю глаза, собираясь с мыслями.

Когда-нибудь я смогу написать длинное письмо, где расскажу все о своих чувствах, но пока я в состоянии выдать всего несколько строк.

«Я тебя не ненавижу. Пожалуй, нет. Предполагаю, мэтрисс Звонк заколдовала тебя следом за мной. Эта может. Не декан, а маньячка, честное слово. Не знаю, какие она поставила тебе условия, и знать не хочу. Но если это был мой поцелуй, что же... Ты не вырвал его силой. Как бы там ни было, я целовала тебя искренне. Хотя нет. Я целовала Ди. Но...»

Жизнь такая забавная шутка. Если бы три месяца назад Доминик предложил Алисии свою любовь, она бы приняла ее как должное. И растоптала бы его сердце. Потому что я вовсе не умела любить.

Теперь, на свою беду, умею. Жаль, того, кого я полюбила всей душой, на самом деле не существует.

Обхохочешься, правда?

Я отпускаю тебя, Доминик. Я не держу на тебя зла. Ты свободен, избавлен от заклятия. Надеюсь, что и ты сохранишь в памяти хотя

бы капельку привязанности... Если нет – я переживу, что поделатъ.

Прошу тебя об одном: уезжай как можно скорее. Я думала, что я сильная, однако видеть тебя сейчас – пытка.

Я оставляю это письмо под дверью в твоей комнате. Не ищи встречи со мной. Прощай.

P. S. Я не виновата в исчезновении Меринды. Уверена, что Клара рассказала тебе свою часть истории».

Корявые оборванные строки даются мне так трудно, будто я весь день с места на место переносила каменные глыбы. Но когда я ставлю последнюю точку, мне делается намного легче.

Остается незаметно подложить письмо под дверь. Я надеюсь, что Ник не станет мучить себя и меня объяснениями. К чему они? И так все понятно.

Я сложила лист бумаги, сунула в карман и подошла к окну. Повсюду между деревьев мелькали огневики: поиски продолжались.

– ...Ринда! ...Лотта!

Придется быть осторожной, чтобы не попасться никому на глаза.

Я кралась через темный парк, прячась за кустами и деревьями. Незачем меня искать: ничего со мной не случилось!

От суеты один плюс: студенты не сидят по домам, а значит, я смогу пройти незамеченной по аллее чаровников к нашему дому. А потом... Дальше этого мысль не заходила, но, наверное, стоит позвать Лиску: пусть найдет Клару или Мальвину и передаст, что со мной все в порядке: легла отдыхать и просила не беспокоить. Пусть все силы бросят на поиски бестолковой Меринды. Ума не приложу, куда она запропастилась.

Я приблизилась к дому, озираясь по сторонам. Дверь в девичью спальню была приоткрыта: кто-то, разыскивая меня, проверил комнату, но впопыхах забыл запереть. Вокруг было тихо, лишь чуть слышно шуршал поземкой ветер да скрипели в морозном воздухе голые ветви.

Я взбежала на крыльцо со стороны мужской половины и протолкнула измятое письмо в щель под дверью комнаты Доминика. Все, назад пути нет. Осталось только пережить ночь, обещающую стать самой длинной в моей жизни. Едва ли я усну, слыша, как Ник за стеной собирает вещи, чтобы утром исчезнуть навсегда. Надеюсь, у него хватит здравомыслия уехать как можно скорее.

Надеюсь, что и мне достанет благоразумия и выдержки не выяснять отношения. Ведь это так заманчиво – всего несколько шагов будут отделять меня от Доминика. Достаточно спуститься с крыльца, обойти дом, ворваться в спальню и бросить обвинение ему в лицо – в его холеное, прекрасное лицо: «За что ты так со мной, Ник?»

Да разве он ответит прямо? Начнет выкручиваться, юлить, испачкав грязью оставшиеся светлые чувства. Не хочу, чтобы последним воспоминанием стала его растерянная физиономия.

Надо переболеть, выплакаться, но так, чтобы никто не видел. Еще не хватало жалости! Нет, я стану смело смотреть в глаза однокашникам. И на бал приду, да! В новом платье. И покажу, что мне и одной неплохо, что мне никто не нужен.

Я не сразу поняла, что все стою и стою на крыльце, глядя на краешек листа, высывающегося из-под двери. Надо идти.

Как бы хотелось обнять сейчас кого-нибудь. Вот ведь странное чувство! Где мои девочки? Мальвина все поймет без слов и расспрашивать не станет. Клара хоть и не любит нежностей, но с ней рядом так легко молчать. А Лиска свернется на коленях теплым рыжим солнышком – согреет и утешит.

Лиска! Как давно я не видела свою хитрулю!

– Лисонька! – вслух позвала я и наконец-то нашла в себе силы отвернуться от двери.

По дороге кто-то шел. В темноте не удавалось разглядеть лицо, но высокая фигура, прямая осанка и гордая посадка головы казались очень знакомыми.

Да что там, я сразу узнала человека, который не торопясь приближался к нашему стоящему наособицу домишке.

– Папа? – прошептала я.

Мужчина услышал, развел руки в стороны. На лице блеснула улыбка.

– Папа! – закричала я, сбегая с крыльца.

Я побежала к нему навстречу, поскользываясь на мерзлой земле, нырнула в объятия. Прильнула щекой к колючему шерстяному пальто. Отец крепко прижал меня к груди.

– Папа, ты как здесь? Ты давно приехал? – Я захлебывалась словами. – Ты был на спектакле? А почему не предупредил? Я бы тебя встретила!

Отец молчал, видно, растерялся от переизбытка чувств.

– Пап? – Я чуть отодвинулась, чтобы посмотреть ему в лицо, разглядеть как следует каждую черточку: я так соскучилась, оказывается, за эти долгие месяцы.

Папа смотрел вдаль, улыбаясь. Будто там, на стенах дома или на голых черных стволах, он видел то, что по-настоящему его радует и увлекает. Но стискивал меня все так же сильно.

Я положила голову ему на плечо, силясь уловить слабый аромат можжевельника, пробивавшийся сквозь любые запахи. Аромат магии моего отца всегда успокаивал меня. Я знала, что я в безопасности, что я под защитой...

От отца пахло странно – сухой травой и пылью.

– Пап... – прошептала я, борясь с волной непонятного, смутного страха.

Скосила глаза на темную ткань: что за колючая шерсть? Из черной материи торчали серые волоски, они шевелились, будто усики жуков. Это они кололи мою кожу.

По телу, поднимаясь от ступней, пополз холод – это ужас, дикий ужас постепенно сковывал меня.

– Берегись! – раздался тоненький голосок. – Алисия, не стой столбом!

Лиска! Ее бодрый голос вывел меня из оцепенения. Я уперлась руками в грудь существа, которое притворялось моим отцом, и оттолкнула его – откуда только силы взялись! Мельком увидела, что застывшая улыбка никуда не делась, но теперь все больше напоминала оскал.

– Это не твой отец! – крикнула моя отважная помощница. – Беги, хозяйка, беги! Я его задержу!

Бежать? Куда? Вокруг парк, где он меня догонит в два счета. Если я запрусь в доме, сможет ли он пройти сквозь зачарованную дверь? Печать на ней совсем слабая, годная лишь на то, чтобы не пускать незваных гостей. А эта тварь... Та самая тварь из лаборатории преодолела и не такое сильное чародейство! Но попробовать стоило!

– Беги!

Лиска, оскалив крошечные зубы, кинулась на существо и вцепилась ему в руку. Мой смелый фамильяр, готовый защищать жизнь хозяина ценой своей жизни. Как я могу ее бросить?

Тварь, шипя, взмахнула рукой, сделавшейся вдруг тонкой и невероятно длинной, узкой, как плеть, и стряхнула Лиску. Та прокатилась по земле рыжим клубком, но снова вскочила на лапы.

– Беги, Алисия!

И я побежала! До крыльца – не больше десятка шагов. Как назло, я споткнулась на ступеньке, покрывшейся тонкой корочкой льда, ударилась коленкой об угол. От неожиданности и боли из глаз брызнули слезы. Я схватилась рукой за перила, подтянулась, с трудом опираясь на здоровую ногу. До дверного проема – два шага.

Я обернулась и завопила. Существо, вокруг которого огненным вихрем наворачивала круги моя Лиска, больше ничем не напоминало отца. Тварь укутывал с ног до головы чернильно-черный плащ, его полы колыхались, будто клубы непроницаемого тумана.

Я до боли стиснула деревянную балясину. Моя храбрая Лиска казалась такой маленькой, такой уязвимой по сравнению с этим страшилищем. Как ей помочь?

– Бег...

Крик оборвался, когда тварь накинула на Лиску подол своего плаща. Рыжая шерсть посерела, лисичка потеряла форму, задрожала, будто дымка под порывом ветра. Расползлась клоками.

– Ааааа!

Моя Лиска! Моя чудесная, отважная... Не время плакать! Я найду способ отомстить! Но сейчас силы слишком неравны.

Я одним махом преодолела расстояние до двери и захлопнула ее перед носом костенюка, который снова принял облик графа Уэста.

Комнатка такая тесная! Куда бежать? Закрыться в ванной комнате?

В дверь вкрадчиво постучали, и голос, который я услышала, был до жути похож на голос отца.

– Открывай, Алисия. Тебе не спрятаться. Папа пришел за тобой.

Все это до ужаса напоминало мне игру, в которую я так любила играть в детстве. Забиться под кушетку и ждать, пока папа найдет и вытащит за ногу. Тогда сердце сладко замирало в предвкушении. Теперь обмирало от страха.

Не понимая, что делаю, я опустилась на пол и заползла под кровать. Я слышала, как медленно поворачивается туда-сюда ручка и дверь тихонько постукивает об косяк.

«Уходи! Уходи! Уходи!» – мысленно твердила я про себя.

Я видела, как по стенам у моих ног, потрескивая, бегут искры. Заклятие, запирающее дверь, рушилось. Мой страх подпитывал зверя, но я ничего не могла с собой поделать. Ничто не пугает сильнее, чем родной человек, превратившийся в чудовище.

– Где же моя Алисия, где моя птичка?

Дверь, надсадно скрипнув, слетела с петель. В следующий миг твердая, будто сделанная из железа рука схватила меня за ногу и поволокла на свет. Я заметалась, цепляясь за все, до чего могла дотянуться. Бесполезно.

Мужчина в черном колбоче пальто взвалил меня на плечо, оттолкнул дверь ногой – та жалобно заскрипела, словно заплакала.

– Я здесь! – крикнула я в пустоту.

Голос оказался не громче писка котенка. Не слишком-то поорешь, болтаясь вниз головой. Но где же все, когда они так нужны?

– Ш-ш-ш! – прошипела тварь.

Ладонь, будто бы тоже сотканная из колючей шерсти, пахнувшей пылью, зажала мне рот и нос. Я билась и вырывалась до тех пор, пока не потеряла сознание.

Я очнулась от холода. Я совсем задубела, лежа на ледяном твердом полу. Села, клацая зубами, и в ужасе осмотрелась. Куда меня притащил костенюк и где он сам?

Стены комнаты тускло светились. Когда-то они были зачарованы, и освещение включалось само, когда в комнату заходили люди. Это было так давно, что магия почти выветрилась. В полумраке я разглядела голые стены в разводах плесени, кособокий стол, сваленные грудой разбитые полки. У стены лежала куча тряпья. Я присмотрелась внимательнее и ойкнула. То, что выглядело горкой старого хлама, оказалось человеческой фигурой в надвинутом на голову капюшоне. Человек лежал, отвернувшись лицом к стене, но я увидела белую руку, торчащую из рукава. Тонкую девичью руку, которая при взгляде на нее чуть-чуть пошевелилась.

– Эй!.. – позвала я.

Голос охрип и не слушался. Похоже, я простудилась, пока валялась в беспамятстве. Сколько времени я здесь провела? Попыталась встать на ноги, но они онемели. Ладно, не привыкать ползти на четвереньках!

– Эй! – Я тронула девушку за плечо, переворачивая на спину. – Меринда!

Ринда была без сознания. Капюшон от движения сполз с головы – белокурые волосы до сих пор испачканы пылью, значит, Меринда до дома не дошла. Я наклонилась к ее бледному лицу, прислушиваясь к дыханию, – оно было едва ощутимо.

– Очнись! – Я принялась трясти глупую Ринду: еще немного – и она замерзнет до смерти. – Просыпайся!

Судя по всему, мы сейчас в заброшенной подземной лаборатории. Как здесь холодно! Пар поднимался изо рта. Зачем чудовище притащило нас сюда и что собирается делать?

– Меринда! Это я, Пеппи! Открой глаза!

Ресницы Ринды затрепетали, она едва слышно застонала сквозь сомкнутые губы, но проснуться не могла.

– Нет, нет, нет... – пробормотала она и вдруг начала метаться, отмахиваясь от невидимых врагов. – Не трогайте меня! Не трогайте!.. Мама!..

Меринда находилась во власти кошмаров, а костенюк подпитывается страхом и страданием. Что, если он держит нас здесь специально, в роли закуски? Выпьет Меринду до доньшка, ей уже недолго осталось, а потом и за меня примется. А когда восстановит силы, выберется наружу и... Никому не поздоровится! Как же предупредить людей? Фамильяры потому и не нашли Ринду – они не могут спуститься в заброшенную лабораторию. А мы не можем выйти...

Но сдаваться я не собираюсь, пока целы руки, ноги и есть голова на плечах!

– Меринда! – громко позвала я, одновременно прижимая ладонь к ее шее и вливая целительскую магию.

Как удачно, что мы недавно изучали раздел, посвященный магическому опустошению, и учились делиться силой. Ди тогда так накачал меня энергией, что я почувствовала себя пьяной и веселой: хотелось смеяться, обниматься со всеми и петь песни... Ди. Прочь из моих мыслей!

– Меринда! Открой глаза!

Ринда со всхлипом вздохнула, вздрогнула и очнулась.

– Пеппи?.. – выдавила она сквозь силу, не веря своим глазам. – Это точно ты?

– Точно! – буркнула я. – Я на тебя тоже очень зла, Ринда, но жрать не буду, уж поверь. Еще отравлюсь!

Я специально старалась раззадорить Меринду. Взбешенные заклятые подруги так просто не помирают. Действительно, Ринда закусил губу и попыталась сесть. Я схватила ее за воротник, помогая принять вертикальное положение.

– Меня позвала мэтрисс Звонк, – пробормотала она. – Повела за собой. Я еще удивилась, зачем она ведет меня в разрушенную лабораторию... Думала... ты наябедничала о том случае... Поэтому пошла. А оказалось! Пеппи, здесь водится чудовище! Это не вранье!

Меринда испуганно огляделась, словно ожидала, что из темного угла сейчас выберется костенюк.

– Я знаю, знаю! Но мы не станем его дожидаться – сейчас же уйдем!

В глазах Ринды-дурынды вспыхнула слабая надежда, но я, хоть и ободряла ее, на самом деле не знала, сможем ли мы выбраться. Откроем ли дверь? Найдем ли выход в темных коридорах? В любом случае попытаться стоит!

Я подошла к двери и подергала за ручку – заперто. Ну конечно. Костенюк – монстр, но монстр, обладающий разумом. Как ловко он выбирает приманку! Меринда испугалась гнева декана, поэтому безропотно пошла следом, а я бросилась в объятия отца, потому что соскучилась и хотела поверить, что он приехал. К тому же костенюк не просто так выбирает своих жертв: он забрал слабых и одиноких, а злость Меринды и моя грусть сделали нас вкусной добычей.

– Закрыто! – пискнула Ринда, заливаясь слезами. – Нам не спастись! О Пеппи, Пеппи, я не хочу умирать!

– Помолчи! – прикрикнула я на нее.

У меня у самой сердце оборвалось и отчаяние едва не накрыло с головой, но я продолжу искать выход. Я прижала ухо к двери и слышала только тишину. Тишина – это уже неплохо. Возможно, тварь ушла за новой добычей – хочет наесться впрок. У нас есть время.

Я изучила дверь со всех сторон, провела ладонью по зазору между деревянным полотном и косяком – вдруг получится подцепить? Тогда можно использовать в качестве рычага какую-нибудь палку. Но, увы, дверь закрыта слишком плотно. За спиной рыдала Меринда, мешая сосредоточиться.

Я отошла на несколько шагов, окинула дверь взглядом всю целиком. Обычная дверь, ведущая в помещение, когда-то бывшее кабинетом. Ручка, простой замок, запирающийся на ключ.

Замок. Ключ. Два эти слова звякали в моей уставшей голове, как части металлической конструкции. Замок. Ключ. Какая-то мысль не давала покоя! Но какая?

– Ох, Пеппи, как жаль, что ты всего лишь чаровник и не можешь снести эту дверь порывом ураганного ветра!

«Но ты-то – ведунья! – хотелось ехидно напомнить мне. – Почему бы тебе не сделать это самой?»

– Попробуешь, может? – предложила я.

– Не могу... Сил не хватает. Я пробовала сначала.

«Так и не мешай!» – в раздражении подумала я, но вдруг поняла, что Меринда, сама того не ведая, подсказала решение.

Замок. Ключ. Чаровник! Мы умеем управлять вещами – это наша стихия! И костенюк, конечно, не мог этого знать!

Я положила пальцы на замок, закрыла глаза, пытаюсь почувствовать механизм, проникнуть в него, стать его частью. И снова вспомнила не к месту слова Ди: «Не ведун. Лучше. Я чаровник».

Я чаровник. Я ключ. Я повелеваю материей. Дверь, отворись!

Замок щелкнул, и в первый миг я не поверила, что сумела! Но дверь тихонько, будто в задумчивости, приоткрылась.

– Меринда, вставай! Мы уходим!

Ринда завозилась, поднимаясь, но едва она встала на ноги, колени, не выдержав, подогнулись.

– Давай же быстрее!

Я открыла дверь и встала на пороге, тревожно вглядываясь во тьму: не горел ни один огонек, мы точно оказались в склепе – мрачном и холодном.

Меринда снова встала и снова рухнула. Завыла на одной ноте, да так премерзко, что у меня зубы свело.

– Пеппи, Пеппи, не бросай меня! Прости, что вела себя как дура! Если хочешь, можешь меня потом тоже исколотить!

Ринда шмыгнула посиневшим носом и поглядела как побитая собачонка. Я подскочила к ней и схватила за шиворот.

– Ты действительно дура! Кто тебя бросит! Вставай и держись за меня!

Я обхватила Меринду за талию, и мы, обнявшись, точно лучшие подруги, заковыляли прочь из ловушки. Если бы знать, сколько у нас времени до того, как вернется чудовище!

Всего через несколько шагов сделалось так темно, что не стало видно ни пола, ни потолка.

– Меринда, ты должна сотворить огневик, – строго сказала я, и она тут же захныкала:

– Я не могу. Я устала! Ты что, не видишь, что я еле стою!

– Меринда, надо. Ты ведунья. Ты сильная волшебница. Повелительница огненной стихии...

Не знаю, как меня не перекорежило, когда я произносила вслух все эти ободряющие слова, но главное – сработало. Ринда воспрянула

духом, и с ее дрожащих пальцев взмыл вверх жалкий, крошечный огонек. Тем не менее он освещал путь подобно пламени свечи.

– Идем! Будем искать выход.

Мы шли мимо распахнутых, сорванных с петель дверей – видно, костенюк в порыве ярости, что не может покинуть лабораторию, громил все, до чего мог дотянуться. Всюду царило запустение и тлен: помещения были закрытыми долгие годы. Однако на полках все еще стояли книги, в шкафах оставалась лабораторная посуда, а в одном из просторных залов я увидела на постаменте золотой саркофаг с сорванной крышкой. Вероятно, раньше этот зал был чем-то вроде музея: по стенам располагались стеклянные витрины, теперь пустые, лишь кое-где сохранились бумажные свитки, шкатулки, потускневшие картины, изображающие битву с костенюками.

Кому только в голову пришло притащить в музей саркофаг с живой тварью, пусть даже находящейся в стазисе! Это надо быть таким недалевидным! Однако другие экспонаты музея могут и сгодиться.

– Меринда, за мной!

Но Ринда уперлась и замотала головой.

– Нет, Пеппи! – испуганно запричитала она. – Надо уходить поскорее, пока он не вернулся!

– Зайдем буквально на минуту, – сказала я как можно мягче и, поразмыслив, чем бы еще ободрить Меринду, добавила: – Тебе надо отдохнуть. Посидишь вон там, в уголке.

Я усадила Ринду на продавленный диван, а сама пошла шарить по полкам. Если этот музей посвящен войне, здесь могут храниться артефакты, созданные для борьбы с врагом. Да только как их отличить и как использовать?

Я медленно двигалась вдоль стен, утыкалась носом в свитки, но в слабом мерцании огневика слов было не разобрать. Сердце тревожно трепетало, стучало как метроном, отсчитывая убегающее время. Надо уходить.

Неожиданно мой взгляд упал на рисунок, выполненный акварелью. Любительский, нарисованный, видно, кем-то из студентов, и все-таки он отлично передавал напряжение боя. На заднем плане крошечные фигурки людей сражались с ордами костенюков, слившихся в одну темную массу, а на переднем плане стояла тоненькая

рыжеволосая девушка в развевающейся бордовой мантии. Ее окружали черные тени, но девушка храбро смотрела вперед и держала в руках палку, на конце которой горело алое пламя. Я прищурилась. Факел? Нет, на факел не слишком похоже, больше напоминает незнакомый мне артефакт. Кажется, что-то подобное я видела у входа – просто отодвинула ногой нечто вроде длинного посоха.

Я взяла рисунок в руки и вместе с ним отправилась к двери.

– Долго еще, Пеппи? – жалобно всхлипнула Меринда. – Мне холодно! Мне страшно! Я хочу домой!

«И мне холодно, Ринда! И мне страшно! И я вообще-то не твоя мамочка!»

– Потерпи еще немного, – сказала я вслух.

Я подняла посох, сравнивая его с тем, что на рисунке. Узор на рукоятке – языки пламени – один в один. Трость заканчивалась большим круглым набалдашником. Я покрутила его туда-сюда, а он вдруг щелкнул и повернулся, а повернувшись, засветился ярким алым светом, разгоняя темноту. И, надеюсь, разгоняя чудовищ.

– Спасибо, – зачем-то сказала я девушке на картине, и мне почудилось, будто она улыбнулась в ответ.

И только теперь, в ярком сиянии артефакта, я смогла прочитать посвящение, написанное на обратной стороне картины: «Амалия, ты горишь, словно пламя. Ты ведешь за собой. Мое сердце навсегда принадлежит тебе. Твой Энвер».

Энвер. Амалия. Мои руки затряслись, по щекам покатились слезы. Мой отец. Моя мама. В этом холодном, страшном месте меня будто коснулся луч теплого солнца, а их любовь согрела и придала сил.

– Пеппи, ну чего ты застыла! – капризно заканючила Меринда. – А что это ты нашла? Фонарь? Очень хорошо, потому что я совсем без сил.

Я торопливо спрятала рисунок под мантию и помогла Ринде подняться, обхватила за талию одной рукой, а другую, с горящим артефактом, выставила вперед.

– Идем! Теперь мы отыщем выход!

– Я бы на это не рассчитывал, – раздался за спиной голос, звучащий так, будто вместе со словами изо рта существа сыпался песок. Дохнуло запахом тлена.

Я резко обернулась и ткнула наугад тростью, не особо, признаюсь, рассчитывая на успех. Но черная тень метнулась в сторону, отступая за границу, очерченную алым сиянием.

– Вы не найдете выход, – прошамкала тьма. – Огня надолго не хватит. И тогда я дотянусь. Вкус-сные мои...

Меринда, причитая, вцепилась мне в руку и зажмурилась. Она мне только мешала, тормозила. Наверное, я могла бы вырваться и уйти одна, налегке, без этой обузы. Уж сама бы я точно отыскала путь!

Такая заманчивая перспектива!

Я выдохнула. Обхватила Ринду покрепче и, пятясь, потащила за собой. Там, за кругом света, скользила тень, что была чернее самой черной тьмы. Неотступно следовала за нами. Стоит артефакту погаснуть – и мы сделаемся легкой добычей.

Дело осложнялось тем, что я не знала, куда идти. Коридоры в темноте казались петляющим мрачным лабиринтом. Приходилось все время быть начеку, поворачивая факел, не давая костенюку подобраться ближе, а Ринда совсем не помогала, висела на мне, полуживая от страха, и ее страх делал чудовище сильнее. Да я и сама с трудом гнала из сердца ужас. Костенюку только того и нужно – дожждаться, пока мы ослабеем и сдадимся.

Я думала о маме, о том, как она отважно выходила на поле битвы, чтобы помочь раненым, вооруженная лишь подобным артефактом. Если она смогла, смогу и я!

И все-таки я не могла не замечать, что круг света сужается, а алое сияние делается слабее. На сколько его еще хватит? Из горла твари – или что ей заменяет горло? – вырвалось скрежетание. Я не сразу догадалась, что этот мерзкий звук – смех. Костенюк заранее торжествовал победу! Он не торопился, играл с нами, как кошка с уставшими, испуганными мышками.

Но одна мышка еще поборется! Я сделала резкий выпад, дотянувшись до края чернильно-черного плаща, набалдашник трости прожег в нем дыру, а тварь заскрежетала теперь уже от боли. Впрочем, края раны тут же стянулись, как соединяются клоки тумана, разорванные дуновением ветерка. Артефакт лишь отпугивал чудовище, держал на расстоянии, но убить не мог. Впрочем, что вообще способно его уничтожить? Теперь я жалела, что так мало знаю о войне...

Преследование продолжалось. И долгое время в тишине раздавалось лишь наше хриплое дыхание и едва слышный шелест, похожий на шорох песчинок по камням. Пару раз мы свернули в один и тот же коридор, сделав круг, – а поняла я это, лишь увидев разбитую тумбочку: я ее заприметила раньше. Сжала губы от досады, но приказала себе не расклеиваться.

Не понимаю, как я еще держалась и держала Меринду, которая едва переставляла ноги. Думаю, это рисунок, спрятанный под мантией, придавал мне сил.

Круг света сделался еще уже, и можно было разглядеть белесые глаза чудовища на расстоянии вытянутой руки. Он глядел мне прямо в лицо мертвыми, рыбьими глазами, точно покойник, поднятый из могилы. От него и пахло так же – тленом. Как я ни боролась со страхом, он постепенно заполнял меня, будто капля за каплей заливая студеной черной водой.

Костенюк почувствовал, что жертва покоряется судьбе, и осмелел. Подбирался все ближе и ближе, хоть алый свет и обжигал его.

Я, напрягая последние силы, затащила Меринду за поворот и неожиданно почувствовала движение свежего воздуха на лице. Вдали серел прямоугольник выхода. Отчаянная надежда завладела мной. Может быть, в конце коридора нас ждет очередная ловушка, а может быть – спасение!

Костенюк повернул из-за угла вслед за нами. Я вздрогнула всем телом: он снова принял облик моего отца.

– Куда ты так торопишься, глупая девчонка, – произнес он красивым, уверенным голосом, из которого пропали все свистящие и шипящие звуки. – Там, наверху, тебя никто не ждет.

Разумом я понимала, что ко мне обращается чудовище, а вовсе не мой отец, но тварь выглядела как граф Уэст, говорила как граф Уэст, и выражение лица и нотки в голосе – все было таким настоящим!

– Тебя никто не любит, – продолжал он. – Да за что тебя любить? Я рад, что нашел способ избавиться от тебя. Никто не поверит, что ты моя дочь. Ни наследства, ни титула ты не получишь.

Он громко рассмеялся. Чудовище вытягивало из глубин моего разума мои неосознанные страхи, облачая их в слова. Он знал, как побольнее меня задеть. А я против воли верила... верила всему, что он говорит.

– Будешь прозябать в одиночестве, всеми забытая старая дева. Уродина. Бесприданница. Ты никому не нужна. Ни мне, ни Доминику. Он уехал сразу после спектакля. Он ждал только твоего поцелуя, чтобы снять заклятие. Все сложилось для него лучшим образом.

Мои руки дрожали, едва удерживая трость. Уехал. Конечно, уехал. Он и письмо не прочитал. К чему тратить время, собирая вещи. Одежда Ди ему теперь не к лицу. Он и не ищет меня, зачем...

Отец избавился. Доминик предал. Может, и не стоит мне идти туда, к выходу?

Я шла все медленнее и медленнее. Воля к борьбе почти погасла. Я продолжала ковылять уже не ради себя, а ради Меринды, которая от страха совсем потеряла разум. Она то хихикала сама с собой, то принималась петь детскую песенку. Оправится ли она, если спасется? Я должна попробовать. Должна дотянуть ее до ступеней, ведущих наверх. Мы с Мериндой терпеть друг друга не можем, но это сейчас не важно. Рой любит эту идиотку, а она, при всей своей безмозглости и стервозности, похоже, любит его.

– Остановись, девочка. Отдохни, – продолжал двойник моего отца. – Зачем бороться? Я заберу всю твою боль и весь твой страх. Останься со мной. Обними скорее папочку.

– Да пошел ты! – крикнула я. – Ты не мой отец!

От неловкого движения рисунок выскользнул из-под мантии и с тихим шорохом опустился к моим ногам. «Амалия, ты горишь, словно пламя. Ты ведешь за собой. Мое сердце навсегда принадлежит тебе. Твой Энвер».

– Ты не мой отец! – заорала я, и алое пламя на конце артефакта вдруг вспыхнуло с новой силой. – Я тебе не верю! Он любит меня!

Я будто наяву снова увидела себя маленькой девочкой, играющей в кабинете на полу у ног вечно занятого отца. Почему я не замечала, что его лицо всегда так печально? Он так никогда и не оправился после смерти мамы. Он совершил море ошибок, его не было рядом, и назвать его идеальным родителем точно нельзя. Но он любит меня! Всегда меня любил! А я всю жизнь обижалась на него и только теперь это поняла. Поняла и простила.

По лицу чудовища пробежала судорога. Рот искривился от злости.

– С-стоять! – прошипел он, закручиваясь в черную воронку.

Артефакт угасал. Дыхания не хватало. Я втягивала воздух со всхлипами. Мы выбрались в маленький холл, который я тут же узнала: я провела в нем не самые приятные минуты в своей жизни.

Я понимала, что наверх мне не подняться: не хватит сил.

Я с трудом отцепила пальцы Меринды, мертвой хваткой вцепившиеся в край моей мантии, и подтолкнула ее к ступеньке. Ущипнула, да покрепче, чтобы привести в чувство.

– Иди! – крикнула я. – Там наверху тебя ждет Рой!

– Рой... – пробормотала она. – Рой...

И начала подниматься. Сама я встала у выхода, загородив проем, выставив вперед слабо мерцающий артефакт.

Ну вот и все. Вот и хорошо. Дело сделано... На душе стало легко и спокойно. Я оперлась о стену, а потом сползла на пол.

– Мы ос-стались вдвоем... – просвистела тварь. – Вмес-сте... Вмес-сте навс-егда...

Черный дымный отросток протянулся и проткнул грудь. Он был таким холодным, что я сразу заледенела. А вот страха совсем не осталось. Еще чуть-чуть – и я вовсе перестану бояться...

Мое умирающее сознание, видно, решило порадовать меня напоследок и побаловать сладкими грезами. Иначе не могу объяснить картину, что развернулась перед моими глазами в гаснущих алых отсветах чародейского артефакта.

Человек в бордовой мантии вырос между мной и костенюком, отшвырнул его от меня. С треском разбился стеклянный флакон, заполняя светом узкое пространство. Чудовище с воем отступило. Слякки с жидким пламенем разбивались одна за другой, не давая монстру опомниться. Я зажмурилась: после тьмы подземелья яркий свет казался невыносимым – но сквозь сомкнутые ресницы видела, что человек сжимает в руке серебряный кинжал и ловко орудует им, отхватывая сгустки тьмы, кромсая чудовище на части.

Однако и костенюк так просто не сдавался. Черные отростки прошивали грудь отважного человека один за другим. Я представляла, как ему больно! Я от одного такого удара едва не умерла! Человек стонал сквозь сомкнутые губы, дергался, как удара молний, но не отступал ни на шаг, заслонив меня от чудовища.

– Алисия! – крикнул он. – Вставай! Ты должна встать! Уходи!

Я честно попыталась, стесала ладони, опираясь на стену, но так и не смогла. Прости, папа, прости свою неразумную дочь. Мне жаль, что тебе придется пережить еще одну потерю...

И все-таки Солнцеликая, обычно безучастно взирающая на своих детей с благополучных светлых небес, заглянула в темное подземелье и ужаснулась творящемуся злу. Я могу объяснить лишь чудом, что кинжал в слабеющей руке, уже на излете, неожиданно поразил врага между двух белесых мертвых глаз.

И костенюк тут же без звука, без вскрика развеялся в воздухе стружкой дыма, а на пол упали несколько белых косточек, таких

тонких, что казалось, будто они принадлежали птице.

Человек выронил кинжал. Пошатываясь, приблизился ко мне и опустился рядом на колени. Он взял мое лицо в ладони и, наклонившись, поглядел в глаза.

– Моя маленькая, – сказал Доминик, – я чуть с ума не сошел, тебя разыскивая.

– Маленькая? – переспросила я.

И то ли рассмеялась, то ли заплакала.

– Ты погляди на меня! Что во мне осталось маленького?

Я подняла руку с пальцами-сардельками и помахала ею перед носом Ника – а то, может, в темноте не разглядел? Меня колотила дрожь. Наверное, не нужно выяснять отношения. Разве до того сейчас? Мы живы. Живы. И это самое важное. Ведь так? Но я увидела Доминика – и душа разболелась с новой силой.

Нужно завершить нашу историю. Мы поставим точку, а когда поднимемся из подвала, у каждого начнется новая жизнь.

– Я благодарна тебе за все, Ник. Ты спас меня. Но теперь ты свободен, и я хочу, чтобы ты уехал.

Доминик с тяжелым вздохом опустился на пол рядом со мной. Он был совершенно вымотан. На лбу блестели капли пота. Он взял меня за руку, раскрыл ладонь и принялся осторожно водить пальцем вдоль царапин и ссадин, залечивая их. Я была так измучена всем случившимся, что не сопротивлялась. Мы оба были опустошены морально и физически – не время и не место выяснять отношения.

– Неужели уже рассвело? – тихо спросила я: сверху струился прозрачный свет, такой живительный после бесконечной тьмы.

– Да, – ответил Ник. – Мы искали вас всю ночь. Эти твари, оказывается, умеют отводить глаза. Я ведь помнил про заброшенную лабораторию, но как только мы подходили ближе – начисто забывал обо всем. И не только я. Мы наворачивали круги вокруг да около, и если бы не Всполох, который подсказал, что серебро рассекает морок, никто не знает, сколько бы еще прошло времени, прежде чем мы бы вас обнаружили.

Ник поглядел на кинжал, лежащий у ног: его острие почернело.

Сверху раздался топот, и взволнованный голос крикнул:

– Мы идем, Ник! Держитесь!

– Рой, у нас все хорошо! Мы скоро поднимемся!

– А тварь?..

– Мертва! Дайте нам пять минут!

Пять минут. Мое сердце испуганно сжалось. Всего пять минут отделяют меня от разлуки с Ником. Я скользнула взглядом по его склоненному лицу. Я и забыла, какой он красивый. Даже будучи Алисией, я наглядеться не могла на эти большие темно-синие глаза, красиво очерченные скулы, мужественное лицо. У Пеппи же вовсе нет шансов...

Самое удивительное – и осознав это, я едва не вскрикнула, – в чертах лица Ника я ясно увидела Димитрия. Что за наваждение? Они ведь вовсе не похожи. А потом я поняла: Ник так же хмурил брови, так же моргал, так же наклонял голову, обдумывая что-то. И пальцы его касались моей кожи так же бережно, как в прошлый раз, когда Ди залечивал синяки.

Я закусила губу. Горечь, грусть, любовь и нежность переплелись так плотно, что не разобрать, где начиналось одно чувство и заканчивалось другое. Как сохранить гордость и не завывать от боли, когда сердце вот-вот разорвется?

Я всхлипнула. Ник вскинул взгляд и с тревогой посмотрел мне в глаза. Тихонько потянулся и убрал с лица растрепавшуюся прядь.

– Твои волосы, Алисия...

– Что с ними?

Я приподняла локон непослушными пальцами и увидела, что темно-русая прядь сделалась совершенно белой. Говорят, от нестерпимого ужаса можно поседеть в одночасье, именно это со мной и произошло.

Я фыркнула, стараясь показаться веселой:

– Не страшно: Пеппилотту уже ничем не испортить.

– Пеппи ничуть не хуже Алисии, – негромко сказал Доминик.

Лучше бы он молчал. Я бы кое-как дотерпела, попросилась с ним достойно, без слез и сцен. А теперь, после его слов, внутри будто разорвался горячий шар.

– Не хуже? – закричала я и, сжав кулак, толкнула Ника со всей силы в грудь. – Раскрой глаза пошире и погляди на меня! Теперь ты рад такому результату? Можно поглядывать свысока на дурнушку Пеппи. Можно снисходительно улыбаться ей. Ты счастлив, надеюсь? Именно этого ты добивался, когда заложил меня мэтрисс Звонк? Предатель! А я когда-то считала тебя другом!

– Заложил? – нахмурил брови Доминик.

Нахмурил их так же точно, как Ди, и я, не выдержав, разревелась.

– Да! Да! Да! Заложил! Рассказал ей о глупой шутке с Белль. Если бы не это, она бы не наложила заклятие. А теперь...

Я махнула рукой и не стала продолжать: и так все ясно.

– Алисия, за кого ты меня принимаешь? Я ничего не рассказывал мэтрисс Звонк.

На его лице читалось такое искреннее удивление, что я и сама оторопела. То есть как не рассказывал? А кто тогда? Я попыталась восстановить в памяти давнишний разговор между деканшей и ее воспитанницей, подслушанный, когда я, накачанная волшебным лимонадом, уже отключалась.

– Как ты себя чувствуешь, Белль? Ты совсем недавно болела, а сегодня вымокла с ног до головы. Как же так получилось, что ты упала в фонтан?

– Сама не знаю. Залезла на парапет, а туфли поехали, вот и бултыхнулась. Спасибо графу Аларду: помог выбраться.

– Да-да, с графом Алардом я тоже поговорила...

– Но ты ведь говорил с мэтрисс Звонк? – хрипло спросила я.

Доминик смущенно потер лоб.

– Ну да. Но вовсе не о том...

– О чем же?

– Не важно!

– Ага! Тебе есть что скрывать! Я так и знала!

– Что ты знала, Алисия! – Ник не сдержался и тоже сорвался на крик. – Ты невозможная, капризная, избалованная, своенравная девчонка...

Я задохнулась от гнева, не веря, что Доминик смеет после всего, что он сделал, говорить мне эти несправедливые слова.

– И я люблю тебя! – заорал он так, что стены лаборатории, кажется, содрогнулись и просели от его вопля. – Всегда любил!

Он перевел дух. Видно, Ник сам не ожидал, что эти слова сорвутся с его губ. Мы уставились друг на друга в безмолвном оцепенении. Доминик сглотнул и потянулся, чтобы обнять меня, и отпрянул, когда я огрела его по загребушим ручонкам!

– Любишь? – прошипела я. – Любишь? Но почему-то наш поцелуй вернул красоту только тебе, дорогой Ник. И ты теперь светишь своей смазливой мордашкой, и твое вшивое благородство просто не позволяет тебе бросить страшенькую девицу. Так вот, ты свободен! Уезжай! Тебе нечего делать в Академии чар и ведовства.

– Я никуда не уеду до тех пор, пока ты не согласишься мне!

Глаза Ника потемнели: я все-таки сделала ему больно.

– Я никуда не уеду, потому что я приехал за тобой и ради тебя! Я приехал, потому что люблю тебя! В любом облике!

– Вранье! Ты ни разу даже не пытался меня поцеловать!

– Не пытался! Потому что был уверен, что поцелуй расколдует Алисию. И ты никогда больше и не взглянешь на цыпленка Ди. И никаких шансов, никакой надежды уже не останется! Два последних года я боролся со своими чувствами и понимал, что это безнадежно. Я

хотел дать нам еще немного времени, чтобы ты узнала и полюбила меня настоящего. Я и подумать не мог, что это ты снимешь заклятие!

– Я!..

Я растеряла все слова и тяжело дышала, глядя на Ника, а он смотрел на меня безнадежно и искренне. Он не обманывал.

Я спрятала лицо в ладони, пряча опухшие веки, покрасневшие щеки и свой толстый картофельный нос.

– Вот видишь, как получилось, – невнятно пробормотала я. – Что-то сломалось в заклятии, теперь я навсегда Пеппи. Навсегда. Не будет больше рыжей Алисии, которую ты полюбил. Теперь только я... Уезжай. Я не держу зла...

Доминик нежно взял меня за запястья.

– Погляди на меня, моя радость, – мягко сказал он.

Я хмуро и невесело посмотрела на него исподлобья.

– Ты и есть моя Алисия, которую я полюбил. Понимаешь? Смелая, вредная, безрассудная и совершенно чудесная! В любом теле! Всегда! И так просто ты от меня не избавишься теперь.

С каждым словом он наклонялся все ниже и последнюю фразу произнес, прижавшись лбом к моему виску. Я ощутила, какая горячая у него кожа. Доминик так сладко и терпко пах сандалом. Мое бедное сердце трепыхалось, словно птичка в клетке. Доверчивая глупая птичка, которая была не против, чтобы ее взяли в теплые руки.

– Теперь... – повторил Ник. – Когда я знаю, что ты тоже меня любишь...

Его мягкие губы скользнули по щеке, опустились к уголку губ. Самое время треснуть его, прекратить этот цирк... Этот...

Я ахнула, подавшись навстречу. Мои руки обхватили крепкую шею. Доминик без труда поднял мою корпулентную тушку и посадил к себе на колени, и я почувствовала себя маленькой и слабой девчонкой в его крепких объятиях. Он тронул пальцем мой подбородок, приподнимая его. Синие глаза были осколками вечернего неба. Не карие глаза, ну и пусть. Он смотрел так же, я помнила этот взгляд, полный любви. Мой Ди. Мой Доминик.

– Разрешить?..

– Да целуй уже!

Мы накиннулись друг на друга, будто этот поцелуй грозил стать последним в жизни. Будто спустя мгновения нас навсегда разлучит

неведомая сила. Мурашки бежали по телу, меня бросало то в жар, то в холод.

К аромату сандала примешивался аромат розмарина, но откуда ему взяться? Доминик-то уже расколдован. Я оторвалась от теплых губ, чтобы глотнуть воздуха, а Ник посмотрел на меня и расплылся в улыбке.

– Что? – огрызнулась я, мгновенно ощетинившись, будто ежик. – Что у меня там? Нос покраснел?

– Есть немного, – продолжал хихикать Ник. – Ох, Лиска, как же мне хочется потянуть удовольствие и позлить мою маленькую колочку, но... Погляди.

Он легонько погладил меня по голове и, собрав волосы в хвостик, продемонстрировал мне его. Волосы были рыжими и искрились на свету. Потом он взял меня за руку, за тонкое запястье и провел по ладони, перебирая изящные пальцы с розовыми ногтями.

Я, вскрикнув, схватилась за талию – платье обвисло и болталось на мне, как на вешалке.

– Быть не может!

Я рассмеялась и тут же разрыдалась, уткнувшись в плечо Ника, а он бережно поднял меня на руки и понес наверх. Я чувствовала себя легкой пушинкой, невесомым облачком. Больше никаких толстых щек и пальцев-сарделек. Но все-таки я знала, что Пеппи, славная Пеппи, навсегда останется жить в глубине моей души.

Проснувшись, я первые несколько минут никак не могла взять в толк, где я. Почему потолок находится так высоко? Почему кровать широкая, а простыни такие гладкие, на ощупь будто шелк? Я в своей спальне в имении?

Я стремительно села, разглядывая свои руки. На миг я почти уверилась, что моя жизнь откатилась к тому утру, когда я очнулась в теле Пеппи, и сейчас все начнется сначала. Если, конечно, мои злоключения в академии не приснились мне.

– Только не это, только не это, – прошептала я в ужасе. – А как же Ник?

– Хозяйка, ты, кажись, переспала немного, – прозвенел насмешливый голосок. – Умойся холодненькой водичкой! Все хорошо. Мы в доме твоего отца, приехали вчера. Припоминаешь?

– Лиска! – воскликнула я.

Рыжая лисичка запрыгнула на постель, потянулась, распрямляя лапки, а после забралась ко мне на колени. Моя ты прелесть! Я не выдержала – подхватила ее на руки и стиснула крепко-крепко.

Теперь я все вспомнила! Когда Ник вынес меня из заброшенной лаборатории, у входа уже собралась огромная толпа. Первым делом я увидела Меринду в объятиях Роя. Она была укутана в несколько теплых мантий и, судя по довольной мордашке – еще бы, такое внимание к ее персоне! – почти полностью пришла в себя. К ее несчастью, появление Алисии вместо Пеппилотты произвело настоящий фурор. Признаюсь, я, отвыкшая от восхищенных взглядов, предпочла бы сделаться невидимкой. Объясняться я не собиралась. Пусть, кому интересно, наводит справки у мэтрисс Звонк – ее я тоже заприметила. Впервые ее лицо выглядело таким растерянным и испуганным.

– Ник, я хочу домой, – прошептала я.

Я имела в виду наш милый крошечный домишко, который я полюбила за эти долгие месяцы. Скорее бы увидеться с Морковкой, Маль и Бруно, все им рассказать. Я не разглядела их в толпе, наверняка ищут меня, с ног сбились.

Однако события приняли неожиданный оборот: мэтрисс Звонк устремилась ко мне, взгляделась в наши с Ником измученные лица и сказала:

– Алисия, твой отец здесь.

Оказывается, когда я пропала, декан факультета чаровников отправил бумажного голубка графу Уэсту, и он примчался в академию, чтобы принять участие в поисках. Мысль о том, что мой отец бросил дела и все время, пока я боролась с призраком из подсознания, настоящий граф Уэст был совсем рядом, звал меня и сходил с ума от волнения, согрела надежнее меховой накидки.

Мэтрисс Звонк сообщила, что отпускает меня домой до зимнего бала. Разве я могла отказаться от такого заманчивого предложения? Тем более что мне не придется сдавать зачеты.

Последующие события слились в моей памяти в калейдоскоп ярких пятен. Папа издалека заметил нас с Ником на другом конце аллеи и бросился бежать навстречу, как мальчишка. Да он у меня еще ничего, бодренький – боевой маг все-таки! Отобрал меня у Доминика, будто ценный приз. Да я не сопротивлялась, повисла у него на шее, не могла надышаться запахом можжевельника. А он просил прощения невесты за что, целовал и качал на руках, как маленькую.

– Домой, домой, Лисенок. Тебе надо отдохнуть и восстановить силы. Я на мобиле, через пару часов домчимся. А где, кстати, твоя рыжая подружка?

Папа хотел отвлечь меня болтовней. Лучший способ – восхититься моим фамильяром. Он никак не мог ожидать, что я примусь рыдать. Нервы совсем распались. Но как сдержать слезы: едва я подумала о Лиске, так снова увидела, как моя отважная рыжуля развеивается серым дымом.

– Папа-а-а, ее больше не-ет...

– Как нет? – воскликнул Ник. – Алисия, невозможно убить фамильяра, пока жив хозяин! Она вернется, как только ты немножко отдохнешь и восстановишь магию.

– Хозяин дело говорит, – муркнул Всполох, появляясь прямо из воздуха на дорожке перед Ником.

– Правда?

Я и надеяться не смела на такое чудо. И, хотя была слишком слаба, тут же попыталась призвать Лиску. Папа и Ник раскудахтались,

будто две насадки: «Алисия, не трать силы, ты надорвешься! Лисенок, послушай папу!..» Пришлось уступить.

Я вырубилась по дороге в имение. Устроилась на заднем сиденье, положив голову на колени Ника. Он перебирал мои волосы, как когда-то в детстве, а я все смотрела и смотрела на папу, сидящего за рулем: он сам вел машину. Двое моих самых любимых мужчин рядом. Чего еще желать?

Я не очнулась, когда мы приехали: так крепко уснула после всех передрыг. Интересно, кто отнес меня в спальню? Папа? Или Ник? Или они по очереди? Я представила, как они перетягивают мое вялое тельце за руки и за ноги, будто тряпичную куклу, и прыснула.

– Что смешного, хозяйка? – поинтересовалась Лиска, обнюхав мое лицо.

Вместо ответа я взяла ее рыжую мордашку в ладони и поцеловала любопытный носик.

– Доминик ведь не уехал? – волнуясь, спросила я.

– Куда же он уедет? – фыркнула лисичка. – Не отходил от постели, пока ты спала.

Мой Ник. Я блаженно растянулась на кровати, распластав руки и ноги. Но как я ни старалась занять побольше места – мне это не удавалось. Так непривычно, что кровать больше не скрипит и не проседает под моим телом!

Впереди несколько чудесных дней вместе с отцом и Ником. Нам столько всего нужно обсудить!

За окном стояла ночь. Я проспала весь день, а Доминик неотлучно находился рядом, пока не появилась Лиска и не отправила его отдыхать, пообещав присмотреть за мной. Возвращение фамильяра успокоило Ника, ведь это означало, что я восстанавливаюсь.

Я действительно отлично себя чувствовала, и завтра весь день будет принадлежать нам с Домиником. Нам столько всего нужно обсудить, ведь мы долгое время не общались. Я хочу расспросить его о маме, об отце, про учебу в Академии целителей.

Я встала и накинула халатик, снова испытал необычное чувство, когда ничто не жмет, не впивается, – наоборот, надо было приложить определенные усилия, чтобы не выскользнуть из слишком просторного одеяния. Подошла к зеркалу, но не сразу решилась посмотреть на свое отражение. Вдруг мне не понравится то, что я увижу? Вдруг в реальности я не так привлекательна, как помнила?

Хотя разве это важно? Пеппи научила меня принимать себя такой, какая я есть. Улыбнувшись, я встала напротив зеркала и скорчила рожицу рыжеволосой красотке с тонкими чертами лица, точеным носиком и пухлыми губами. Из глубины огромных синих глаз на меня посмотрела Пеппилотта, и я подмигнула ей.

Потом наклонилась ниже и внимательно рассмотрела чистый лоб – ни следа от пунцовых пупырей. Теперь-то я догадалась, что они исчезли один за другим еще до того, как Ник меня поцеловал. Я не знала, что выполняю условия пророчества, но все сделала правильно. Когда я писала письмо Доминику, перышко действительно показалось тяжелее камня. Прядь моих волос поседела от невыносимого ужаса – так черное обернулось белым. А когда я поверила Доминику, самый далекий стал самым близким. Или это произошло еще раньше, когда я простила отца?

Отец! Мне нестерпимо сильно захотелось его увидеть! И я знала, где его искать...

Я выскользнула в темный коридор и, пройдя несколько метров, приоткрыла дверь в кабинет. Отец сидел за рабочим столом,

склонившись над бумагами, и был настолько поглощен работой, что не услышал, как я зашла. Все как обычно. Ничего не меняется.

Ворс ковра приглушил мои тихие шаги, я встала за папиной спиной и обняла его за плечи.

Папа вздрогнул всем телом и быстро оглянулся с такой отчаянной надеждой в глазах, что я растерялась. Он увидел меня, и черты лица разгладились, смягчились. Он накрыл ладонью мою руку, лежащую на его плече.

– Алисия, ты знаешь, твоя мама так же подкрадывалась, когда я слишком долго засиживался за работой.

Мы оба посмотрели на портрет рыжеволосой красавицы, стоящий на столе. Юная мама выглядела не старше меня теперешней.

– Откуда же мне об этом знать, папа, – укорила я его, – ведь ты никогда ничего не рассказывал мне о маме.

Мне вовсе не хотелось расстраивать отца, возможно, мои слова делали ему больно, но пора было заканчивать с годами молчания и отчуждения.

Папа молчал, ссутулившись, а я прижалась щекой к его макушке и продолжила говорить. Нельзя, чтобы он снова закрылся в своей скорлупе.

– В заброшенной лаборатории я нашла картину, которую ты нарисовал для мамы. И в самую трудную минуту, когда надежды, казалось, совсем не осталось, она поддержала меня и придала сил! Будто бы вы с мамой шли со мной рядом и вели меня за руки, – прошептала я, чувствуя, как снова напряглись папины плечи, зная, что каждое слово ранит, пробивая щели в нерушимой броне. – Я помню, что написано на обороте: «Амалия, ты горишь, словно пламя. Ты ведешь за собой. Мое сердце навсегда принадлежит тебе...» Ты так ее любил!

Папа закрыл лицо руками, он изо всех сил боролся со слезами. Я никогда не видела, чтобы он плакал. Да и как тут заплачешь, когда в душе все сожжено дотла.

– Тебе трудно рассказывать о ней, но я тебя прошу! Я бы хотела знать все-все! Как ты ее увидел в первый раз? Как прошло ваше первое свидание? А свадьба? Это она выбрала имя для своей будущей дочери или ты? Она радовалась, что скоро станет мамой? Ждала меня?

– Очень!.. – хрипло сказал папа.

Я так обрадовалась этому его слову, пусть одному и такому короткому, что еще крепче обняла отца.

– Разве она не заслужила того, чтобы я о ней знала? Пусть ее не воскресить, но твои воспоминания оживят ее для меня! Она навсегда будет со мной, понимаешь? Верни мне маму...

Отец содрогнулся и глухо разрыдался. И я плакала вместе с ним. Но это были хорошие, исцеляющие слезы.

Несколько дней, проведенных в имении с папой и Ником, стали счастливейшими в моей жизни. Мы с Домиником каждую секунду были рядом и не могли наговориться. Теперь, когда не нужно было ничего скрывать, это оказалось так легко! Иногда, забывшись, я звала его Ди. Имя вылетало само в те мгновения, когда Ник задумчиво приподнимал бровь – как Ди! Или когда в его голосе проскальзывали знакомые интонации – как у Ди! А он в шутку звал меня Пеппи и целовал в кончик носа.

Мы гуляли по заснеженному саду, степенно взявшись за руки: как-никак наследники именитых аристократических родов. Но проходила минута-другая, и мы, позабыв обо всем на свете, играли в догонялки, роняли друг друга в сугробы, зарывали в снег, стряхивали пушистые ветки над головой, так что домой возвращались с сосульками в волосах. Врывались, хохоча на весь холл. Мокрую одежду приходилось бросать прямо в коридоре, а густые рыжие локоны я сушила у камина. Потом я расчесывала их, и Доминик умолкал, завороченно глядя на меня. Если поблизости в этот момент не оказывалось слуг или отца, он, не выдержав, заключал меня в объятия и покрывал поцелуями покрасневшие щеки и чуть обветренные после прогулки губы.

Слова вылетали из головы – теперь говорили тела. Меня обвевало жаром не столько из-за горящего огня, сколько из-за пламенеющего сердца. В такие минуты я мечтала лишь о том, чтобы горячие ласки никогда не заканчивались. Доминик не делал ничего недозволенного. Хотя по тому, как он нежно проводит губами по моей шее, то касаясь мочки уха, то спускаясь к ямочке между ключиц, я понимала: он хочет большего.

Да я и сама страстно желала этого! Тело чутко отзывалось на каждое осторожное прикосновение, внизу живота тягуче разливалась сладость. Разрывать объятия было мучительно.

– Приходи... вечером... ко мне в спальню... – однажды выдохнула я, не в силах больше терпеть выматывающий жар.

Ник чуть отодвинулся, посмотрел так пристально, будто вбирал меня всю без остатка в этот взгляд. Я потерлась щекой о его горячую ладонь, а он очертил подушечкой большого пальца контур моих припухших губ.

– Алисия... – тихо сказал он.

Я нахмурилась. Мне не понравились заминка в его голосе и складка между бровей.

– Что? – Я выпрямилась и посмотрела с вызовом. – Хорошие девушки не предлагают подобных вещей? Я ведь не жениться прошу!

Меня точно окатили ледяной водой из ведра, и это разом остудило все неразумные желания. Вот оно что – про женитьбу-то никто не заговаривал. Да и какая может быть свадьба? Через несколько дней я отправлюсь в Академию чар и ведовства, а Ник вернется в Академию целительства, где он, оказывается, на несколько месяцев взял академический отпуск. И ему, и мне еще учиться несколько лет. И лишь Солнцеликая знает, что ждет нас впереди...

Я вскочила и, хотя Ник пытался удержать за руку, пересела в глубокое кресло, забралась в него с ногами и, закусив губу, уставилась в камин. Я была готова к тому, что Доминик уйдет, чтобы дать мне остыть, но он плюхнулся на пол рядом с креслом и тоже принялся всматриваться в пляшущие языки пламени. Так мы и сидели, как два деревянных болванчика.

– Лисенок, – негромко позвал Ник.

Я собиралась сделать вид, что не слышу, но потом отозвалась угрюмым:

– У?

– Завтра приедут мои родители.

– О! – Известие меня обрадовало, несмотря на размолвку. – Я буду рада их повидать.

– Они тоже.

– Угу, – пробурчала я.

Зря Ник надеется, что из-за этой новости, пусть и приятной, я перестану грустить. Тень близкой разлуки встала за нашими плечами, заслоняя собой свет.

– Помнишь, я рассказывал, что наши родители поссорились и не общались три года.

Еще бы не помнить. Из-за этой разлуки мы с Ником, прежде лучшие друзья, отдалились.

– Почему? – отважилась я на вопрос. – Теперь-то откроешь тайну?

– Это не тайна. Моя мама сказала твоему отцу, что пора выбираться из кокона печали, в который он себя заключил, что его жену не вернуть, зато маленькая дочь страдает от одиночества.

– Она так сказала? – ахнула я. – Папа, наверное, смертельно обиделся.

– Так и есть. Ответил, что не ей решать, как долго он должен скорбеть по Амалии, а дочь вовсе не одинока, у нее есть все, что нужно для счастья.

Я шмыгнула носом. Эх, папа, как же ты не видел... Доминик, этот коварный человечиче, подобрался ближе и, пользуясь моментом, взял меня за руку, переплел свои пальцы с моими. Треснуть бы тебя по макушке, но... Мы разъедемся, и я не увижу тебя долгие-долгие месяцы. Когда мы встретимся снова, останемся ли прежними? Моя ладонь опустилась на темные волосы и пригладила торчащий после снежной битвы вихор. Ник наклонился и поцеловал кончики моих пальцев. Внутри снова взметнулась теплая волна. Ник, что же ты делаешь со мной!

– Как же дождаться лета... – жалобно прошептала я. – Ну зачем, зачем ты такой правильный, Ди!

– Не придется ждать лета, – так же тихо ответил он. – Мои родители приедут не просто так...

У меня перехватило дыхание от предчувствия чего-то судьбоносного. Чего-то, что навсегда перевернет мою жизнь.

– Когда наши отцы снова помирились, они условились, что...

Ник поднял на меня хитрый, сияющий взгляд.

– Договаривай же! – не стерпела я.

– Условились, что их дети поженятся, когда вырастут. Я должен был сказать тебе об этом завтра, когда мама привезет кольцо. Его передают из поколения в поколение в нашей семье – от матери к старшей дочери или невесте старшего сына.

Я пискнула и свалилась из кресла прямо в объятия Доминика, а он счастливо рассмеялся.

– Ты моя невеста, Лисичка. Вот уже несколько лет. И эта мысль то пугала меня, то восхищала. Я не представлял, как подберу ключик к

сердцу прекрасной и холодной Алисии. Был уверен, что ты и не посмотришь в мою сторону, но меньше всего мне хотелось принуждать мою гордую девочку к браку, которого она не желает.

– Поэтому ты строил из себя такого неприступного и надменного гордеца?

Я потерлась носом о его скулу, вдохнула терпкий запах сандала.

– По-моему, мы с тобой два дурака, – прошептала я.

– Так ты согласна? – с некоторой тревогой уточнил мой будущий муж – самый красивый, самый достойный мужчина, которого я только знала.

Помучить его, что ли?

– М-м-м, – медлила я, с удовольствием разглядывая, как проступает на любимом лице страх.

– Она согласна! – твердо заявил тоненький голосок одной наглой рыжули. – Точно говорю!

– Да никто и не сомневался! – самоуверенно промурчал Всполох.

Наши фамильяры соткались из воздуха, причем Лиска устроилась между могучих лап, на одну из них положив голову, а на другую – хвост.

Я расхохоталась. Притянула Ника за воротник, прошептала в его губы: «Да!» – и накрыла их поцелуем.

Черная тень, стоящая за нашими спинами, развеялась без следа. Завтра мы обручимся! Учеба в разных академиях – не преграда. Жених с невестой могут видеться очень часто, а наши академии разделяет всего пара часов езды на мобиле.

– А летом поженимся! – сказал Ник, точно прочитал мои мысли.

Доминик беспокоился, что помолвка получится скромной: будут присутствовать только его родители и мой отец. Ник думал, я огорчусь из-за того, что нам не успели устроить пышный прием, как это принято в нашем кругу, но мне нужен был только Доминик и его любовь.

Вечером, в конце ужина, он поднялся из-за стола, и все разговоры сразу стихли. Наши с Ником отцы быстро переглянулись, мой папа явно волновался. Мама жениха ласково посмотрела на меня, подбадривая взглядом. Я вспомнила, как она читала мне сказки перед сном, и улыбнулась в ответ. Когда после моего «Да» отзвучали поздравления и были подняты бокалы в честь молодых, а Ника взяли в оборот оба графа, с ходу решив обсудить будущую свадьбу и слияние капиталов, она наклонилась и тихо сказала: «Я буду рада называть тебя своей дочерью».

Поэтому зря Ник переживал – помолвка прошла на отлично! Теперь на моем безымянном пальце сапфировой звездочкой сияло кольцо. Но еще ярче сияли глаза Ника, когда он смотрел на меня.

Родители Доминика задержатся в имении до следующего дня, чтобы отвезти нас в Академию чар и ведовства: на вечер назначен зимний бал. Бал, на котором я появлюсь вместе со своим женихом. Подумать только! О таком повороте событий я и мечтать не могла!

Вот только платья у меня нет: наряд, сшитый для Пеппи, не подойдет Алисии, и слишком поздно нанимать другую модистку. Ничего, подберу что-нибудь из старенького, благо гардероб забит под завязку.

Утро перед отъездом я решила посвятить поиску подходящего платья, призвав в помощницы молоденькую горничную. Доминик сам рвался помочь, но я с сожалением отказалась от его услуг: после первой же примерки мы отвлечемся на поцелуи, и в итоге придется хватать любое случайное платье.

Я разложила на кровати наряды и печально оглядела их. Все платья были неплохи, однако часть из них вышла из моды, а часть не подходила для зимнего сезона.

Служанка попалась расторопная, дело шло споро. В конце концов я остановилась на темно-синем бархатном платье. Мне нравился силуэт, хотя ткань была тяжелой, а цвет не слишком подходил к моим волосам и коже.

– Как думаешь, выбрать его? – с сомнением спросила я у девушки, которая все это время сноровисто шнуровала корсажи, расстегивала и застегивала ряды крошечных пуговиц на спине.

Горничная, которой на вид было лет пятнадцать, испуганно заморгала. Я прежде не видела ее в имении, наверное, папа взял новую служанку из деревни.

– Если позволите, – пискнула она, – я бы взяла вот то – розовенькое с оборочками!

С некоторых пор розовый цвет навевал на меня легкий ужас, но я улыбнулась, сказала, что подумаю, и поблагодарила за помощь. Девушка уставилась на меня во все глаза и следом выпалила, что зря обо мне на кухне говорят гадости: я добренькая и славная госпожа!

Я думала, что во мне поднимется волна гнева, но неожиданно для себя расхохоталась.

– Ты тоже славная, – сказала я. – Передавай привет кухарке. И скажи, что теперь будет весьма затруднительно сварить графиню Алисию в котле, надо было делать это раньше, когда ей было пять лет. Ты пока свободна, возвращайся через полчаса, чтобы помочь мне переодеться.

Горничная удалилась в замешательстве. Я же решила пока подумать над прической и украшениями, поэтому оставалась в платье. Через несколько минут раздался стук в дверь.

– Еще рано!

Но стук настойчиво повторился. Да кто же там?

Я распахнула дверь и отскочила назад, будто за порогом обнаружился дракон или ядовитая змея. Впрочем, почти так и было!

– Мэтрисс Звонк! – воскликнула я. – Что вы здесь делаете?

– Пригласишь зайти, Алисия?

– Нет! Я вас не звала и не желаю видеть вас в моем доме!

Но деканшу было не смутить.

– Это дом твоего отца, а не твой, – невозмутимо ответила она и прошествовала в открытую дверь.

Оглядела разбросанные по комнате платья, посмотрела на меня, поджав губы.

– Синий тебе не идет, – сообщила она.

Я опешила от такой наглости и поняла, что начинаю закипать.

– Зачем вы пришли? – протолкнула я сквозь зубы. – Вам мало было моих страданий? Снова хотите наложить заклятие?

– Да, – спокойно сообщила мэтрисс Звонк, поднимая руки.

Резко запахло розмарином. Я шарахнулась в сторону, готовая к чему угодно – к тому, что у меня отрастут ослиные уши, хвост, копыта, или...

– С-с-смеш-шная! – раздалось свистящее хихиканье.

Из рукава мэтрисс Звонк показалась плоская голова полоза, и он откровенно потешался надо мной!

– Стой и не шевелись! – велела деканша. – Иначе платье не получится таким, как надо!

Я увидела, что по подолу разливается алый цвет, будто кто-то плеснул яркой краски. А сама ткань из бархатной перевоплощалась в люкзор, затканый золотистыми цветами. Подол удлинился и собрался мягкими волнами. Платье преображалось на глазах, превращаясь из симпатичного, хотя довольно простого, в поистине королевский наряд. Я застыла, зачарованная этим зрелищем.

– Если это извинения... – начала я.

– Это не извинения! – оборвала меня мэтрисс Звонк. – Извиняться за заклятие я не собираюсь. У тебя есть к нему какие-то претензии? Я обещала, что оно принесет тебе счастье. В конце концов! Согласись, я тебя не обманула.

Я открыла рот, чтобы возмутиться, и снова закрыла. Вот как она это делает? Почему, как ни поверни, деканша всегда оказывается права?

– Я здесь по другому поводу, – сказала она мягче. – Оставим взаимные обвинения. Я пришла, чтобы поговорить про Доминика. Разве твой отец не сказал тебе, что это Ник поведал мне о дурной шутке с Белль?

У меня внутри все замерзло после этих слов. Мне захотелось вытолкнуть мэтрисс Звонк за дверь – и не важно, какими последствиями это для меня обернется! Я ничего не желала слышать! Во рту сделалось горько, а воздух комом встал в горле.

– А Ник сказал, что он не говорил, – выдавила я.

– И ты ему веришь? – насмешливо уточнила мэтрисс Звонк, с интересом разглядывая меня.

– Верю, – прошептала я. – Верю. Он не стал бы обманывать.

Разве мы не должны доверять тем, кого любим? Папа мог заблуждаться, но Доминик не стал бы врать, глядя мне в глаза.

– Верю! – крикнула я.

Мэтрисс Звонк, хранившая до той секунды каменную серьезность, неожиданно расплылась в широкой улыбке, преобразившей ее сухое лицо.

– И правильно, девочка. Он не говорил. Отец обманул тебя по моей просьбе.

– Ну... вы!.. – Я задохнулась от негодования.

– Тш-ш-ш, – прошипел фамильяр деканши, приподнимаясь и раскачиваясь туда-сюда, как маятник, – ш-ш-ш, девочка. Послуш-шай!

– Я пришла рассказать, как все случилось. Чтобы даже тень сомнения в Доминике никогда не коснулась твоей души.

У Памелы Звонк с самого утра было плохое настроение. Из-за жары, которая не спала даже к концу лета, ныли суставы, да так, что ни целебные мази, ни целительские заклятия не помогали. Необходимость ехать к графу Уэсту лично тоже удовольствия не добавляла. Но что поделать. Надо сообщить этому несносному мальчишке, что тесты Алисии ясно указывают: она будущий маг-чаровник, но никак не ведун. Письма и прошения делу не помогут и природу девочки не изменят. Ну каков упрямец! Избаловал дочь донельзя! Памела имела возможность полюбоваться на юную графиню Уэст во время вступительных испытаний: хотя та мило улыбалась и строила из себя скромницу, препоганый характер девчонки пробивался сквозь лицемерие.

Совсем не такой мечтала видеть свою дочь Амалия. Памела помнила счастливые глаза бывшей ученицы и руки, сложенные на округлившемся животе, когда Амалия приехала ее навестить. Останься она жива... Однако прошлого не вернуть. Мэтрисс Звонк несколько раз навещалась в имение после смерти Амалии, где ее встречала улыбчивая маленькая Лисичка с мягкими рыжими кудряшками. Вскоре Энвер ясно дал понять, что пока не готов принимать гостей. «Пока» растянулось на долгие годы...

Памела медленно поднималась по ступеням, останавливаясь через каждые несколько шагов. Как только Энверу пришло в голову оборудовать кабинет на третьем этаже! Мэтрисс Звонк могла бы предупредить о приезде, и тогда мальчишка устроил бы встречу внизу, в библиотеке, но Памела нарочно не сообщила о предстоящем визите заранее. Энвер, застигнутый врасплох, будет более сговорчив.

Так и вышло. Граф Уэст был весьма изумлен, когда декан факультета чар появилась на пороге собственной персоной. С вердиктом, что у Алисии нет и не может быть стихийной магии, тоже смирился, пробормотал только: «Представляю, какую истерику она мне закатит!»

Памела едва сдержалась, чтобы не стукнуть кулаком по столу, желая образумить бывшего ученика. Тот всегда был сильным боевым

магом, светлой головой – недаром он еще совсем молодым вошел в совет при дворе, – но собственная дочь из отца веревки вила.

Впрочем, это их семейные проблемы, а она как декан проследит, чтобы девочка хорошо училась и приняла свой дар.

Закончив разговор, Памела поднялась на ноги, еще гудящие после долгого подъема. Энвер вскочил, чтобы проводить, подставил локоть, чтобы пожилая женщина смогла опереться.

Когда они проходили мимо открытой галереи, снизу донесся шум веселых молодых голосов: избалованная Алисия устраивала вечеринку в честь поступления. Памела узнала о празднике, уже приехав в имение, и обрадовалась, что взяла с собой Белль. Девочке не повредит знакомство с людьми ее круга: многие из гостей – будущие первокурсники. Пообщается, отдохнет, глядишь, румянец вернется на худые щеки. Белль корпела над документами с утра до ночи, она честно отработывала те невеликие деньги, которые мэтрисс Звонк могла платить помощнице. Однако такой образ жизни не на пользу юному организму, особенно столь болезненному. Родители Белль умерли во время эпидемии бледной лихорадки, сама же Белль чудом осталась жива, но до сих пор расклеивалась от малейшего дуновения ветерка. Буквально месяц назад Памела снова выхаживала помощницу и теперь следила за тем, чтобы та тепло одевалась и хорошо питалась.

– Поглядим на молодежь? – предложила мэтрисс Звонк.

Они с Энвером вышли в галерею как раз в тот момент, когда Алисия вела Белль за руку и представляла ее гостям. В сердце Памелы шевельнулась признательность к юной графине. Выходит, она ошибалась в ней, не разобралась – девочка не так плоха! Жаль, что Белль будет учиться на факультете ведовства, они могли бы подружиться...

Но дальше стало происходить нечто невообразимое. Мэтрисс Звонк до последнего не верила собственным глазам, иначе бы она крикнула, усилив голос магией, и остановила безобразие. Алисия, эта негодяйка, затащила Белль на парапет фонтана, а потом столкнула ее в воду!

Памела, оцепенев, вцепилась в руку Энвера. Да и тот опешил, вытаращил глаза, будто впервые увидел свою дочь. На хорошеньком лице Алисии застыло выражение хищного и хитрого зверя, а гости, на вид такие благовоспитанные молодые люди, просто стояли, смотрели и

смеялись! Но нет, не все. Молодой граф Алард прыгнул в фонтан следом за Белль, помог ей подняться и, закутав в сюртук, повел в дом.

– Надо спуститься!

Мэтрисс Звонк поспешила вниз, опираясь на руку графа Уэста, но, как ни торопилась, колени подводили – ныли все сильнее. Внутри Памелы клокотала ярость. Алисии эта выходка с рук не сойдет! С каждым шагом, когда в суставы будто вонзались раскаленные иглы, эта ярость крепла и вызревало решение.

Энвер молчал, он даже не пытался оправдать Алисию. Памела искоса поглядывала на его потемневшее лицо и, надо признать, испытывала что-то вроде злорадства. Мальчишка не хотел слушать ее, а теперь собственными глазами увидел, во что вылилось бесконечное потакание капризам дочери.

Они спустились в холл, мэтрисс Звонк на минуту остановилась, чтобы отдышаться.

– Значит, так, Энвер... – заявила она жестко.

Граф Уэст, человек, к советам которого прислушивался сам король, опустил голову и плечи, точно студент на пересдаче.

– Значит, так. Твою дочь надо спасти, пока не поздно! Есть одно заклятие...

И мэтрисс Звонк поведала о заклятии, которое в те времена, когда бабушка Памелы была юной девушкой, применяли чуть ли не повсеместно для перевоспитания отпрысков аристократических родов. Это теперь оно считается слишком жестоким, мол, калечит юную психику и оставляет раны в душе! Подобные утверждения всегда вызывали у мэтрисс Звонк приступы саркастического смеха.

Тех неженков, кто так говорит, надо бы на полгода отправить преподавать в академию. И после того, как наглые студенты вынут из них всю душу, завернут нервы в узел и доведут до икоты своими выходками, снова спросить: действительно ли они считают суровое воспитание таким уж вселенским злом?

Когда Памела была шестнадцатилетней сумасбродкой, ее собственная бабушка на несколько месяцев превратила ее в лягушку. Вернее, все видели вместо девушки – лягушку, но от этого не легче. Памела ее после этого так и не простила...

Однако без прощения Алисии она как-нибудь проживет!

– Вот так мы и поступим! – завершила мэтрисс Звонк длинную тираду.

Согласия Энвера она не ждала, просто ставила его перед фактом. Да он и не сопротивлялся. Бледный, хмурый, погруженный в свои мысли.

– Когда дело будет сделано, я сообщу.

– Так нельзя! – раздался голос.

Памела, занятая разработкой плана, не заметила, что у их разговора появился случайный свидетель. В дверях стоял юный граф Алард. Он держал на подносе чашку горячего взвара, видимо, нес ее с кухни, чтобы напоить Белль.

Еще один несносный и упрямый мальчишка. Его глаза горели негодованием.

– Тебя не спрашивают, дружок.

Граф Алард задрал подбородок.

– Я жених Алисии, вы обязаны меня спросить.

– Жених, – подтвердил Энвер.

– Ого, скоро, я смотрю, начнут сочетать браком младенцев! – Мэтрисс Звонк покачала головой. – Ну что же, жених пока не муж, а значит, ответственность за дочь несет ее отец.

Доминик – кажется, так звали юнца – перевел пылающий взгляд на графа Уэста.

– Вы согласны?

– Алисия – сильная девочка, – ответил Энвер. – Я в ней уверен.

Доминик сузил глаза и сжал края подноса так, что пальцы побелели.

– Что же, тогда заколдуете и меня. Я должен быть рядом.

– Должен? – усмехнулась Памела.

– Я хочу быть рядом!

– Ну почему? Эта девчонка вымотает тебе всю душу. Искренне не советую! Получишь потом готовенькую! Нужно только немножко подождать.

Мэтрисс Звонк, сама того не замечая, оседлала своего конька: испытания студентов были ее любимой стихией. Все хотят получать отличные оценки, нисколько не потрудившись для этого. Все мечтают, чтобы жизнь преподнесла им их хотелки на блюдечке с голубой каемочкой, но палец о палец не ударят ради этого.

Самой Памеле с юности приходилось выцарапывать у жизни привилегии.

– Почему? – переспросил Доминик таким тоном, будто действительно не понимал вопроса. – Потому что люблю ее!

Памела пристально оглядела юнца. Посмотрела на упрямо сжатые губы, на распахнутые синие глаза, сияющие от гнева, и невольно залюбовалась им.

– Алисия тебя недостойна.

Энвер беспомощно вздрогнул при этих словах, будто они ударили его наотмашь, но пожилая преподавательница не собиралась щадить чувства бывшего лучшего ученика. По-хорошему, ему бы тоже не помешало надрать задницу, но поздно: мальчик вырос. Однако Алисию она не упустит.

– Вы плохо ее знаете! – убежденно заявил Доминик.

Вот ведь настырный женишок. Огрубевшее сердце сурового декана факультета чар смягчилось.

– Хорошо, мальчик. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. В Академию целительства я, так и быть, напишу сама, попрошу предоставить тебе академический отпуск по... хм... семейным обстоятельствам. Я знакома с твоим деканом – мэтром Россом, он прислушается к моей просьбе.

Памела до последнего надеялась, что на лице Доминика проступит страх, но увидела только решимость.

– Я только отнесу Белль напиток и сразу вернусь.

– Неожиданный поворот... – задумчиво произнесла Памела, когда граф Алард вышел за порог. – Но я рада, что так получилось. В этом мальчике есть стержень. Он не сломается и не даст сломаться Алисии.

– Вы недооцениваете мою дочь, – сухо произнес Энвер.

Осунувшийся, постаревший в одночасье на несколько лет. Решение все-таки далось ему нелегко.

– Вот и посмотрим! – улыбнулась Памела, похлопав ученика по руке. – Вот и посмотрим...

* * *

Мэтрисс Звонк замолчала и наблюдала за мной, ее губы приподнялись в полуулыбке, от уголков глаз, словно лучики, разбегались морщины. Она будто чего-то ждала, но чего? Надеюсь, не моей истерики, потому как, сказать откровенно, у меня внутри все тряслось от гнева.

Тоже мне, вершительница судеб! Да какое она имела право вмешиваться в мою жизнь!

В детстве я, как и все девочки, любила сказки о добрых волшебницах, которые появлялись именно в тот момент, когда бедняжка – принцесса, сиротка или старательная служанка – вляпывалась по самое горло в неприятности. Волшебницы произносили заклинание, и все проблемы решались по их магическому повелению.

Я же попала в неправильную сказку. Злая волшебница пришла без приглашения и втянула меня в водоворот передряг. Мне столько всего пришлось пережить! Плакать, отчаиваться, терять надежду...

В памяти, точно яркие вспышки, зажигались воспоминания, но... почему-то они вовсе не огорчали меня.

Мальвина, Клара... Камень у реки... «Давай, Пеппи, у тебя получится!» – кричат однокурсники. Я стою на сцене, и мне аплодируют. Мы с Ди осыпаем друг друга листьями. Столько... радости.

Я закусила губу, борясь со странным чувством. Выходит... Выходит, обрела-то я больше, чем потеряла. Урок оказался суровым, но я бы, пожалуй, не стала ничего менять.

Мы с мэтрисс Звонк в упор глядели друг на друга. Я больше ее не боялась. И не ненавидела: я переросла свою детскую обиду. Я видела пожилую женщину с интересным прошлым. А ведь тоже, небось, была та еще заноза: не просто так родная бабка превратила ее в лягушку. Ой, чую, чудила Памела в юности! Всем жизни дала. Будь ей сейчас восемнадцать, как мне, может, мы могли бы подружиться. Или дело кончилось бы убийством, сложно сказать!

– Благодарить я вас не буду!

– О, поверь, на это я и не рассчитывала, – усмехнулась деканша.

– Но платье оставлю себе!

– Скажу без лишней скромности: это платье – одно из лучших моих творений.

Мэтрисс Звонк рассмеялась. А я... Не знаю, как так получилось, но я тоже расхохоталась.

– Мне пора, Алисия, – сказала Памела. – Должна признать, твой отец оказался прав: я тебя недооценила. Но я рада, что ошиблась. Ты молодец, и я искренне желаю вам с Домиником счастья.

Она удалилась, и я сквозь приоткрытую дверь еще некоторое время слышала ее разговор с Кассандрой. Полоз ворчал, что мы с Ником слишком юны для брака, – куда катится этот мир! А мэтрисс Звонк отвечала, что эту парочку теперь клещами друг от друга не оттащить и что такое семейная жизнь по сравнению с костенюком.

Я покачала головой и закатила глаза. О Солнцеликая, дай мне сил, мне под началом этой женщины еще четыре года учиться!

Эпилог

– Быстрее, быстрее! – шептала я.

Мы с Ником пробежали сквозь гулкий темный вестибюль академии и помчались по ступенькам наверх. Мы опаздывали: бал уже начался. Издалека прилетали звуки музыки и гул голосов, похожий на рокот волн, набегающих на берег.

Бежать по ступенькам в длинном платье и накидке было не так уж легко. Ник помог расстегнуть верхнюю одежду, перекинул через локоть, я приподняла подол, и мы снова устремились наверх.

– Лисенок, а зачем мы так торопимся? – недоумевал Доминик, но у меня не было ответа на этот вопрос.

Может быть, я просто соскучилась по академии, по девочкам, по однокурсникам. И вообще, я так долго ждала зимний бал, что не хотела упускать ни мгновения. Я пожала плечами, не зная, как объяснить.

– Ну ладно, – усмехнулся Ник и подхватил меня, понес на руках. – Ускоримся!

Поставил на ноги у створок, ведущих в зал. Совсем недавно мы устраивали здесь премьеру спектакля. Недавно, а будто целая жизнь прошла...

– Готова? – спросил Ник.

– Еще как!

Я не боялась появиться перед любопытными взглядами. Мне нечего стыдиться! Даже попытайся я скрыть, что Пеппи и Алисия – один человек, ничего бы не вышло: каждый в академии знал, что Доминик, ранее бывший цыпленком Ди, вынес из заброшенной лаборатории не Пеппилотту, а графиню Уэст. Ясно, что пристального внимания не избежать. Однако через пару дней все привыкнут.

Доминик распахнул двери, и музыка оглушила, приняла в свои объятия, увлекла за собой. Ник протянул ладонь, чтобы я смогла опереться. Вместе мы шагнули за порог и тут же оказались втянуты в вихрь ярких красок, запахов и звуков.

В центре зала в вальсе кружили пары. Студенты, которые не танцевали, общались, переходя от группы к группе, угощались

закусками и потягивали лимонад: вдоль стен стояли накрытые столы. Зал казался просторнее из-за зеркал, надраенных до блеска. А может, кто знает, мэтрисс Звонк использовала магию и на время зимнего бала расширила пространство, чтобы всем желающим хватило места.

Я подняла взгляд и увидела в зеркале вспыхнувшее пламя. У входа в зал кто-то разжег огонь. Его заметила не только я: разговоры смолкали, пары остановили кружение. Все смотрели...

О Солнцеликая, да ведь они смотрели на меня. И вовсе не огонь взвился на досках паркета – это была я. Я в волшебном платье: по ткани переливались алые, багряные, карминовые всполохи. И мои рыжие волосы, рассыпанные по плечам, тоже напоминали языки огня.

– Как же ты прекрасна, моя любимая, – тихо сказал Ник. – Ты горишь, словно пламя.

Я вздрогнула и перевела на него изумленный взгляд. Нет, он ничего не знал о рисунке, найденном в подземелье, о словах отца, просто он видел то же, что когда-то граф Уэст разглядел в юной Амалии.

Мы пошли вперед. Мне не привыкать ловить на себе восхищенные взгляды, но что-то изменилось. Я не сразу поняла что. А потом догадалась: мне улыбались и кивали. Не подобострастно, а так, как приветствуют доброго знакомого. Я улыбалась и кивала в ответ, а сама искала глазами Клару, Мальвину и Бруно, но людей вокруг было так много...

– Алисия! – раздался мелодичный голос. – Мы так тебя ждали!

Из толпы выплыли Меринда и Зея. Заклятая подруженька улыбалась, как хорек, выставив мелкие остренькие зубы. Даже у Зеи хватило ума не притворяться, но Ринду ничто не учит. Она сунулась было обниматься, но уперлась в мой взгляд, точно в стену.

– Ты обиделась, да? Обиделась? – затараторила она. – Да ведь я не знала, что это ты! Спасибо, что вытасила меня! Никогда-никогда этого не забуду!

– Пожалуйста, – усмехнулась я. – Разрешите пройти. Рою привет!

– Он как раз отправился за лимонадом. Сейчас вернется. Подождете?

– Некогда.

Меринда осталась за спиной, но я кое-что вспомнила и оглянулась.

– Да, кстати: выкинь из головы все, чему я тебя учила!

Ринда растерянно заморгала, застыв на месте. Скоро толпа скрыла ее от меня. Едва ли мы когда-нибудь снова станем подругами...

Я не переставая вертела головой, силясь разглядеть знакомые лица.

– Ник, ты их видишь?

– Да! Нашу Маль трудно не заметить.

И действительно, первым делом я увидела высокую, худенькую, нескладную Мальвину, притулившуюся к колонне, а рядом с ней Бруно, который выглядел вполне солидно в строгом темном костюме, и Клару в зеленом атласном платье. Мы вынырнули из кипящего моря людей рядом с ними.

Мальвина настороженно поглядела на меня, вспыхнула и потупилась. Я знала, кого она видит: графиню, наследницу древнего рода, девушку слишком красивую, чтобы продолжать дружбу с провинциальными аристократочками. Клара всегда была побойчее, но и она держалась отстраненно.

– Здравствуй, Пеп... Простите, графиня. Мы знаем, что все это время в обличье Пеппилотты скрывалась Алисия Уэст. Хотя трудно теперь в это поверить. И ты, Ди... изменился...

Мои бедные девочки. Они были растеряны и подавлены. Бруно пожал руку Нику и тоже понурился.

– Мы собрали ваши вещи, – пискнула Маль. – Хотя... Не знаю, нужны ли вам теперь вещи Пеппи...

Она шмыгнула носом и доверчиво пояснила:

– Скучаю по Пеппи.

– Собрали вещи Пеппи? – грозно спросила я.

Лишь бы не переиграть! На девчонках и так лица нет.

– Это как? Где же я буду жить, по-вашему?

Мальвина и Клара поначалу никак не могли взять в толк, что я имею в виду. Неуверенно переглянулись.

– Выселяете меня? – нахмурила я брови.

А потом не выдержала и с писком притянула к себе сначала Маль, а потом Морковину и Бруно, Доминик обнял нас всех.

– Девочки, это же я! Я! Внутри я всё та же Пеппи!

Я шутиливо подтолкнула локтем Клару.

– Тебе очень идет платье!

Поглядела на Маль.

– Замечательная прическа! Ты и мне обещаешь сделать, помнишь?

Я видела, как они оттаивают на глазах. Они разглядели меня настоящую.

Мы долго не могли наговориться. Мы с Домиником рассказали обо всем, что случилось в подземелье, я похвасталась колечком, выслушав ахи, охи и поздравления. А потом вспомнила об одном важном деле.

– Я отлучусь на минутку, – сказала я и жестом остановила Ника, который собрался меня сопровождать. – Нет, это личное...

Я давно заприметила тонкую фигурку в светлом платье и направилась напрямик к ней.

Белль, увидев меня, прервала беседу с симпатичным молодым ведуном и, распрямив плечи, ждала, пока я подойду.

– Привет, Белль.

– Здравствуй, Алисия.

Мы некоторое время молчали. Все же мне с непривычки нелегко подбирать подходящие слова. Хотя к чему усложнять? Есть одно надежное слово...

– Извини, – произнесла я. – Я была не права. Шутка оказалась не смешная. Я не хотела тебя обидеть.

Я развела руками.

– Вернее... хотела. Но прошу прощения за эту выходку.

Белль испытующе посмотрела мне в лицо, как тогда, стоя в тени колонны, и я снова отметила, какие красивые у нее глаза. Да только теперь доверчивости в них поубавилось. Я ждала, что сейчас она развернется, уйдет и будет права...

– Прощаю, – улыбнулась Белль. – И ты меня прости. Я ничего не знала про заклятие.

– А! – махнула я рукой. – Ерунда. Было весело!

– Представляю! – вздохнула Белль, прекрасно понимая, что весельем тут и не пахло.

Зазвучали первые такты вальса первокурсников, и Ник, будто по волшебству, вырос рядом со мной.

– Белль, я должен украсть свою невесту! Мы еще ни разу не танцевали сегодня.

– Невесту? Поздравляю вас!

– Спасибо! – кивнула я. – Еще увидимся!

Ник увлек меня за собой. Мы закружились, подхваченные вихрем вальса. Рука в руке, глаза в глаза. Одни во всем мире.

Алисия Уэст и Доминик Алард притягивали к себе восторженные взгляды. Такие прекрасные молодые аристократы, утонченные, грациозные!.. И никто не знал, что внутри нас держатся за руки Ди и Пеппи.

– Ди и Пеппи навсегда, – прошептала я.

Ник наклонился и коснулся губами моих губ.

– Навсегда, – подтвердил он.

notes

1

У. Шекспир. Сонет 23. Пер. С. Маршака.